

Дина Шир

**ПОСЛЕДНИЕ
СТРАНИЦЫ
МОЕЙ
ЖИЗНИ**

ОН смертельно болен.

ОНА влюблена.

Жизнь не щадит обоих, ведь ОНА влюблена в НЕГО... в человека, который старается оградить ее от боли, переживаний и... от себя.

У них есть любовь и тридцать дней, впоследствии ставшие шестью месяцами наполненными не только болью, но и радостными моментами. Рядом с ним ОНА научилась дышать полной грудью. Рядом с ней ОН научился заново жить.

Они знают чем закончится их любовь, но стараются насладиться друг другом... пока есть время. Пока их сердца бьются в унисон. Пока бьется ЕГО сердце.

Последние страницы моей жизни

Лина Шир

°1. Я снова хочу жить

Человек бывает мертв задолго до своей смерти.

©Джек Лондон

Последние несколько дней напоминают мне кошмарный сон. Я не могу никак проснуться. Все яркие цвета померкли. Вокруг сгустилась чернота и мрак. Я умираю... после меня не останется ничего. Никто не узнает о моей смерти, никто не придет, чтобы отдать почести, никто не будет плакать. И через десять-двадцать лет никто и не вспомнит о том, что именно в этой квартире жил неизвестный писатель — трус и неудачник, который настолько боялся отправить рукопись в издательство, что на протяжении десяти лет писал «в стол». Теперь же, когда стало поздно, я наконец-то решился. Я держал в руках флешку с файлом своей книги... очередной книги, которая никогда не увидит свет. Она не будет прочитана, оценена и никто не подумает о писателе, который ночи напролет сидел за ноутбуком, пил кофе и думал о том, что его ждет успех. Каким же я был глупцом. Кинув в урну флешку, я открыл верхний ящик стола и увидел то, над чем корпел большую часть жизни — моя тетрадь желаний.

В детстве я был очень мечтательным, а сейчас... сейчас умираю. Страшно, но никто не застрахован. Я не ценил жизнь, когда она у меня была, а теперь возможно, что я доживаю последние дни, часы... секунды, и мне хочется насладиться, насколько это возможно. Мне не становится грустно, я злюсь. В первую очередь на себя.

Я открыл тетрадь, провел рукой по корявому почерку и улыбнулся, вчитываясь в первые пункты:

1. Купить железную дорогу, как у Сереги.
2. Дописать рассказ про рыцаря Оливера.
3. Съесть огромный торт».

Мне было лет восемь, когда я завел эту тетрадку. Мама говорила, чтобы я все свои желания записывал и в будущем исполнил. А я не исполнил ни одного. Прости, мама. Возможно в следующей жизни, буду умнее и смелее. Закрыв тетрадь, я бросил ее в урну к флешке и почувствовал головную боль. Обычно она проходила через какое-то время, но каждый раз она была разной и длилась все дольше и дольше. В глазах темнело, потом все кружилось и могло отпустить. Но последние дни, я не мог жить без укола какой-то гадости. Название я не запоминал, потому что последние несколько месяцев мне меняли препараты с такой частотой, что в аптеке меня принимали без очереди.

Я поднялся, держась за стол и пошел в спальню, когда в дверь позвонили, потом еще и еще. Головная боль усилилась, звонки продолжались. Я не мог быстро среагировать. Стоял, как дурак посреди квартиры и витал в облаках, пока мозг загружал возможные команды. Но человек, стоящий за дверью не унимался. Продолжал звонить в дверь, так настойчиво, что я уже готов был открыть дверь и спустить его с лестницы. Но стоило мне открыть, взгляд тут же сфокусировался на милом улыбчивом лице девчушки.

— Здравствуйте! — воодушевленно сказала она, протягивая мне бумажный пакет. — Меня зовут Юлия! Я представляю нашу волонтерскую команду «Усиков» и...

Мне было плохо. Её звонкий голос резал уши, голова разболелась еще сильнее, и я, не дав ей договорить, закрыл дверь. Потерев виски, хотел было уже идти за шприцем, но снова звонок в дверь.

— Ну что еще? Мне неинтересно... пройди по соседям. — Раздраженно выдал я, не узнавая своего голоса.

— Я не договорила. — Равнодушно произнесла она и, выпрямив спину, снова начала сначала. — Здравствуйте! Меня зовут Юлия! Я представляю нашу волонтерскую команду «Усики». Предлагаю купить вам домашнее печенье! Все деньги от покупки пойду на корм котам в приют «Усики».

Лучше бы я спустил её с лестницы сразу, но... я слишком устал, чтобы спорить.

— Сколько стоит?

— Ну... двести.

— Жди. — Я прикрыл дверь и ушёл в спальню за портмоне.

Пройдя в комнату, я вновь почувствовал, как силы меня покинули. Мгновение, и я уже сижу на полу, а рядом валяется разбитая ваза. Эти резкие «вспышки», как я их называл, меня раздражали. Я был немощным в такие моменты. Не мог ничего с собой поделаться. Руки и ноги были словно ватные, а перед глазами мелькали яркие огоньки. Я — беспомощный, бесполезный кусок мяса, который вскоре не сможет самостоятельно даже зад себе потереть. Зачем вообще тогда жить?

— Ой! — услышал я и машинально повернул голову, пытаюсь рассмотреть источник звука.

Это была та девчонка, которая «ждала за дверью». Маленькая, а настойчивая. Кажется, ей было не больше пятнадцати, да и росту, как в дюймовочке. Едва ли достала бы мне до плеча, если бы я встал. Тело не слушалось, требовало укола. Организм уставал бороться с болью.

— Давай, я помогу тебе встать! — она подошла ко мне, ногой отодвинула осколки и протянула обе руки.

— Шутишь? — мне стало смешно, но боль не проходила, сжимала виски, отчего мерцания перед глазами усиливались. — Раз уж ты здесь... подай шприц... там в тумбочке.

— Да, сейчас. Ты диабетик?

Ох, если бы я был диабетиком. Хотя, вероятность того, что я бы забывал делать уколы вовремя и умер так же быстро, была немаленькой. Я прикрыл глаза и прислонился головой к стене. Внутри все пульсировало. Мне казалось, что я кипящий чайник, у которого сломана система автоматического отключения. Кровь во мне кипела, бурлила, но я никак не мог отключиться.

— Диабетик? — вновь услышал этот голос.

Открыл глаза и не сразу понял, что смотрю прямо на нее. Она сидела на коленках передо мной, держала в руках шприц и заглядывала в мое лицо. Дыхание перехватило, я будто бы нырнул в океан настолько глубоко, что не мог сразу вынырнуть. Нужно вдохнуть свежего воздуха, а не получалось. Виски сдавило, и я снова увидел перед глазами лишь мерцания. Девчонка по-прежнему сидела передо мной и ждала чего-то. Скорее всего деньги. Точно, я же обещал купить печенье. Взяв из её руки шприц, я проморгался и хотел встать, чтобы хотя бы достать бумажник, но сил не было.

— Открой вот этот шкаф, — кивнул на него и выдохнул, готовя руку к уколу, — там в кожанке должен быть бумажник. Возьми сколько нужно и уходи. Только дверь не забудь захлопнуть.

Она кивнула, но не сдвинулась с места, а продолжила смотреть на меня, хлопая ресницами. Кажется, ей нужно было что-то еще. Ей хотелось помочь, но я пока еще мог

справиться сам. Правда, каждый раз делать укол было все сложнее, да и действовало не очень долго.

Когда игла коснулась кожи, я сморщился, а девчонка, чтобы не смотреть, тут же поднялась и полезла в шкаф. Скорее всего точно вытащит из квартиры что-то ценное, пока я буду «ловить кайф». Нестрашно. Я ввёл препарат в себя и почувствовал головокружение. Достаточно приятное. Я словно попал в объятия матери, которая вновь могла качать меня на руках. Клянусь, даже слышал ту колыбельную, которую она пела мне по ночам, когда я не хотел засыпать. А теперь я наслаждался, вспоминая эти моменты. Был счастлив и отдыхал... Я словно был в коме: ничего не видел, не чувствовал, но слышал. Отдалённо, но слышал. Та девчонка забрала деньги, вернула куртку в шкаф и вышла из комнаты, закрыв дверь, а потом вновь тишина.

Не знаю сколько по времени я провёл в отключке, но когда открыл глаза все еще было светло. Значит, не так уж долго. Возможно, час или два, никогда не запоминаю время. Откинув плед, в который был укутан, я потерял лицо и не сразу понял откуда вообще взялся этот плед. Я не мог сходить за ним, укрыться и отключиться. Взглядом я стал искать осколки вазы, но и их не было. Точно! Девчонка. Не спеша я поднялся на ноги и прошёл к шкафу, решив в первую очередь проверить сколько денег она мне оставила. Как же я удивился, когда увидел, что все на месте: и деньги, и карты. Что тогда? Неужели, ничего не взяла? Значит, я ошибся, когда думал, что она вынесет все из квартиры. Ну бывает, что поделаться? За свои тридцать «с хвостиком» разучился доверять людям.

Место, куда я делал укол болело, даже синяк появился. Если бы кто-нибудь увидел, точно бы сказали, что я наркоман. Возможно, это бы меня спасло от мыслей, которые все чаще стали посещать. Хотя, я прекрасно знал психологию. Чем чаще говоришь о смерти, тем больше её боишься. Вряд ли я боялся умереть, больше боялся стать немощным. Тем, кто сам не может подняться с постели или поесть, про остальное вообще молчу.

Толкнув дверь, я вышел в гостиную и застыл на месте. На ковре у дивана на четвереньках стояла девушка и собирала железную дорогу. Вернее, не так. Первое, что я увидел — это округлые ягодицы обтянутые черными джинсами и маленькие ступни в коротких белых носочках. Странное зрелище, конечно, но достаточно приятное. Оперевшись на дверной косяк, я продолжал за ней наблюдать. Я не знал, кто она. У меня было мало знакомых женщин, но эта больше напоминала девочку. Длинные пшеничные волосы, собранные в хвост касались пола, но она то и делала, что откидывала их на другую сторону. Стоять и наблюдать за ней было интересно, но нужно было вести себя по-хозяйски. Кашлянув, я обошел ее. Видел, как она вздрогнула и подняла на меня огромные глаза. Та самая девчонка-волонтер, которая продавала мне печенье — теперь собирала железную дорогу.

— Присоединяйся! Я уже запарилась собирать эту дурацкую дорогу! — сказала она, хмурясь и взглянула на наручные часы. — Нет, давай, я сначала покормлю тебя. Готовить я не умею, но можно заказать что-нибудь.

Либо я был заторможен после обезболивающего, либо она была такой быстрой, легкой, как ястреб, хватающий жертву на лету. Она подскочила на ноги, подошла к дивану, на котором валялась ее сумка, достала телефон и взглянула на меня.

— Рис или лапшу? Хотя, на вечер можно и пиццу!

— Стой, стой. Я что-то пропустил момент твоего появления и всего прочего.

— А, ну так... ты сделал укол себе, отключился, а я не смогла оставить тебя одного.

Вдруг понадобится моя помощь!?

— Уверен, что нет, так что забирай свой детский сад и уходи! — я указал пальцем в сторону двери, но девчонка лишь моргнула.

— Рис или лапша?

С ней было бесполезно бороться, нужно было просто взять и выкинуть ее из квартиры. А там и спустить с лестницы, чтобы не лазила по чужим квартирам и не разговаривала так с взрослыми мужчинами. А как она разговаривала? Пыталась заботиться? Зачем?

В голове после укола ничего не складывалось, да и я не старался думать о чем-то глобальном. Просто немного напрягало, что она вела себя, как у себя дома. Может быть я был в бреду и наобещал чего? Возможно, но маловероятно. Да и что я заиклился на этой девчонке. Пусть делает, что хочет, а я просто буду делать то, что делаю всегда. Я отправился в ванную.

Вода громко шумела, но я слышал, как в дверь позвонили, потом громкий смех и только шум воды. Прислушался, напрягся и... вздрогнул, услышав, как дверь ванной приоткрылась и девчонка поторопила меня. Она моей смерти хочет. Неужели, я провёл в ванной столько времени, что даже еду успели привезти? Минут сорок? Возможно, я задумался. Это бывало часто, но не помню о чем думал. О многом ненужном, раз ничего не запомнил.

Я натянул штаны, чистую футболку, провёл руками по влажным волосам и наконец-то вышел. Хоть бы девчонки не было. Хоть бы она уже ушла... Думал я, но нет же, она сидела на диване, скрестив ноги и, увидев меня, тут же улыбнулась и указала на столик, на котором уже разложила коробочки с едой.

— Не знаю, что ты любишь, поэтому заказала всего по чуть-чуть! А на десерт пряник в виде листочка... он с корицей! Представляешь?! Там реально листочек — пряник! — она поднялась с дивана, обошла столик и стала искать коробочку с десертом. — Надеюсь, что хотя бы чай у тебя есть.

— Напомни мне, кто ты такая. — Я сел на диван и повернул голову в ее сторону, отчего девчонка как-то робко улыбнулась и сделала глубокий вдох.

— Юля, и я...

— А-а-а... «Усики». Вспомнил. Волонтер. А для чего ты притащила сюда железную дорогу?

Юля снова расплылась в улыбке и потянулась к коробочке, после чего начала ее открывать. Молчала, придумывая что-то, я терпеливо ждал, но она не отвечала.

— Блин, они приборы не положили. Я принесу вилки, виделка, где они у тебя лежат. — Вернув коробочку на столик, она упорхнула на кухню, а я откинулся на спинку дивана и провёл руками по лицу.

Она вела себя слишком раскованно, а волонтеры себя обычно ведут сдержанно. Уж это знают все. Может быть решила задурить меня? Хотя, смысл? Если бы хотела вынести мне квартиру, то сделала бы это пока я был в отключке. Тогда что?

— Тебе хоть восемнадцать есть?

— Ну, есть. — кивнула девчушка, протягивая мне вилку и закрытую коробочку. — Не будь таким серьезным, лучше улыбнись! Уверена, что у тебя классная улыбка.

Клянусь, что она в открытую флиртowała со мной, либо я уже слишком стар и каждое приятное слово воспринимаю как флирт. Кажется, я еще не отошел от укола. В голове каша, мысли совсем не о том.

Я открыл коробку с лапшой и перемешал все вилкой.

— Да хорош мусолить, попробуй! — не выдержала Юля, придвинувшись ближе ко мне и толкнула локтем под руку. — Вкусно же!

— Ты всем взрослым мужчинам тыкаешь?

— Нет, только тем, которые нравятся!

Пауза длинной в пару секунд и комната наполнилась смехом. Девушка смеялась, после чего принялась есть молча. Кажется, сболтнула лишнего, но с кем не бывает?

Накрутив лапшу на вилку, я рассмотрел ее нездоровый цвет и сморщился. Она напоминала земляных червей, которых отец брал с собой на рыбалку. После этих сравнений, есть и вовсе перехотелось, но Юля уплетала эту же лапшу с аппетитом, поэтому я решился попробовать. Вкусно, но если бы не все ароматизаторы и красители — было бы не так. Наверное, нас это и убивает. Чем же еще обусловлен мой диагноз? Не помню, чтобы в нашей семье, кто-то умирал из-за болезней. Отец неудачно упал с лестницы, маму сбила машина, бабушка умерла от старости. Остальных родственников, к счастью не знаю. Почему к счастью? Да я уверен, что они те еще засранцы. На похоронах матери не было ни ее сестер, ни брата, которому она помогала во всем и переживала за его семью, больше чем за свою. Иной раз оставляла меня одного дома и ехала через весь город, чтобы забрать его из полицейского участка. Буду удивлен, если узнаю, что он до сих пор жив. Боря любил приключения. Я снова отвлекся на мысли, а когда вернулся в реальность оказалось, что съел почти всю лапшу. Вот это да. Последние недели, аппетита не было.

— Слушай, а зачем ты притащила сюда железную дорогу? — снова задал я вопрос, на что девушка улыбнулась и протянула мне вторую коробочку.

— Ты же сам хотел.

— Я?!

— Да, у тебя в тетрадке было написано, что ты хочешь железную дорогу, как у Сереги! Не знаю какая дорога у твоего Сереги, но... у Эрика дорога крутая!

— В какой... еще... тетрадке? — удивился я, но потом вспомнил хлам, который разбирал утром. — Ты рылась в мусорном ведре?

— Не рылась я! Да и тетрадь лежала на самом верху, так что не рылась.

— Где она?

— Расслабься.

Девчонка начинала раздражать. Она лезла не в своё дело, кто вообще ей разрешил рыться в моих вещах? Даже в тех, от которых я хотел избавиться. Я поднялся с дивана и взглянул на девчонку, которая продолжала спокойно есть. Видимо, она не привыкла, что где-то ей могли быть не рады. Да, в принципе, если бы я не был неудачником, скорее всего тоже был ей рад. Может быть похвастал бы своими успехами и заслугами, а так... зачем ей тратить время на мои желания, которые я писал столько лет назад. К чему вообще этот бред? Железную дорогу я хотел в восемь. Сейчас для меня это всего лишь детская игрушка. Может, я и правда должен расслабиться. Мы посидим, и она уйдет. Зато я буду ещё долго вспоминать о ней. Да, именно так. Она же... необычная, странная, возможно даже немного глупенькая, в силу своего возраста. Кому нужно будет тащить железную дорогу к незнакомцу, только потому что у него это записано в какой-то тетрадке.

— Пойду поставлю чайник. — Сказал я, отчего на лице девушки появилась улыбка.

Странно, но мне было немного непривычно от того, что в доме помимо меня, был кто-то ещё. Последние несколько лет я только и делал, что писал книги, работал, придумывал... растерял всех друзей, да и знакомые от меня отвернулись. Соседи перестали здороваться. Я

не помню, когда вообще видел их в последний раз. Даже их вечно орущего кота неслышно. Также, я не помнил когда в последний раз думал о чем-то помимо книг и их издания. Когда ходил в библиотеку или книжный? Да и когда в последний раз просто гулял по парку? Просто, чтобы очистить свой разум от грустных мыслей? Может быть перед смертью стоило бы пожить так, как этого хотелось всегда? А как хотелось? Последние несколько лет я не мечтал, кажется, ни о чем. Да, я писал книги, и написал не одну и даже не две, их куда больше. Каждый раз, заканчивая книгу, ставя последнюю точку, я думал о том, что я завтра отправлю готовые рукописи в издательство и буду ждать ответа. Но я боялся. Безумно боялся того, что мои рукописи будут высмеяны. Боялся критики и отрицательных комментариев. Боялся, что меня попросят что-то заменить. Но если я изменю что-то — это уже не будет моей книгой... это будет определенный продукт, который будут читать и не понимать сути. А я хочу, чтобы мои книги учили, чтобы после их прочтения люди задумывались о том, как делать не надо. Хочу, чтобы в каждом доме на полке стояли мои книги, да хотя бы одна... просто, чтобы меня знали и вспоминали после моей кончины. Но этого уже не будет. Я не успею... я уже не успел.

Чайник издал громкий щелчок, я вздрогнул и покачал головой, приводя мысли в порядок. Отыскав глазами кружки, я разлил по ним чай и вернулся в гостиную. Пустые коробочки были в пакетах, которые стояли у дивана, другие, с печеньем стояли посреди столика. Сама Юля снова лежала посреди гостиной и пыталась собрать железную дорогу. Маленькая, хрупкая девчонка... как только ей взбрело в голову исполнять эти детские, глупые желания?

— Либо тут нет одной детальки, либо я что-то неправильно прицепила! — выдала она, обернувшись на меня и помахала частью, которая никак не подходила. — А кто такой этот Серега? Твой друг?

— Да... мы дружили в детстве, — кивнул я, сделав глоток чая и почувствовал, как обжег губы.

— Дружили, значит. А сейчас? — Юля поднялась, прошла к дивану и села рядом со мной, подбирая ноги под себя.

— Сейчас он известный автор, чье имя знают все, а я... здесь.

— Ты о Есенском?

Кивнув, я взглянул в окно. Уже стемнело, всюду горели фонари, окна домов, витрины магазинов, а я смотрел на них с высоты. Своими силами я заработал на квартиру, о какой всегда мечтала мама. Огромные панорамные окна, большая светлая кухня, просторная ванная, но мама так и не смогла побывать здесь. Даже не представляла, что её сын, когда-либо будет жить в «хоромах». И все же, умереть не страшно, зная, что тебя ждут ТАМ. Я снова вернусь в детство. Снова стану маленьким, резвым мальчишкой, который любил сочинять истории. Рядом будет отец, он снова построит мне деревянный корабль, который я поставлю в комнате на полку. Мама, как и раньше будет крепко обнимать, заставляя зайти в дом покушать, вместо игры в футбол. И бабушка там будет, которая по вечерам, намазав мои разбитые коленки зеленкой, прочтет мне любимую сказку про Незнайку. Возможно, ТАМ я буду счастлив.

— ...бездарность! — услышал я и перевел взгляд на Юлю.

— Что ты сказала?

— Есенский — бездарность! Ты же сам это знаешь. Он пишет ни о чем, но его почему-то любят. Спросишь почему? А потому что он заказывал у папы в издательстве рекламу. Его

по всем соцсетям разрекламировали. Вот оттуда и его «известность». Папа не любит таких, говорит, что всякое публикуют, а лучших просто не замечают.

— Твой отец работает в издательстве?

— Да! Он главный редактор «ШокБука».

— М-м... — протянул я, вспоминая издательство. — Петровский?

— Котов.

— Котов. — Повторил я, но все равно не мог вспомнить его. — А тебе не пора домой?

Темно уже. Я вызову такси.

— Спасибо за заботу, конечно, но я на своей приехала. Ну раз уж ты гонишь меня, то... поеду. — Она взяла в руки кружку с чаем, отломала от печенья кусочек и улыбнулась. — Допью чай и поеду!

Сумасшедшая. Безумная. Бесстрашная. Если бы Юля была героем книги — она была бы именно такой. Я бы читал эту книгу и перечитывал, лишь бы побыть с ней подольше. Мне нравилось слушать ее нелепые беседы по поводу всего. За эти пару часов, которые я ее знал, она успела мне показать насколько люди могут быть жизнерадостные. Она буквально светила изнутри. Смеялась, рассказывала о чем-то, а видя, как я внимательно слушаю ее, начинала ещё более эмоциональнее.

— Никогда в жизни столько не ела, сколько съела с тобой! — рассмеялась Юля, положив голову на спинку дивана и прикрыла глаза. — Надо ехать домой, завтра много дел.

— Верно, тебе пора домой, «Усики», — усмехнулся я, на что девчонка хотела ударить меня по плечу, но вместо этого только ткнула острым ногтем.

— А как тебя зовут?

— Зачем тебе забивать голову ненужной информацией?

— Ну же... как?

— Марин.

— Ого... — удивилась она и даже чуть приподняла голову с дивана, но сразу же вернулась в прежнее положение. — Необычное. А я просто Юля...

— Тебе пора.

— Ну хорошо, я поеду домой. Приятно было познакомиться, Марин.

Мы просидели в тишине ещё несколько минут, после чего девчонка поднялась, забрала свою сумку, прошла в коридор, где потратила ещё какое-то время на то, чтобы одеться и одарила меня улыбкой. Она ничего не сказала. Только улыбнулась, похлопала себя по карманам, ища ключи и вышла из квартиры. Я был уверен, что больше мы не увидимся. Вряд ли ей понравился наш тихий вечер. Я понимал сам, что в какие-то моменты сидел и подолгу молчал, смотря в одну точку. Не знаю, последствия болезни это или просто дело в том, что я наконец-то начал думать о жизни, но вряд ли это кому-то может понравиться. Как бы то ни было, я закрыл за ней дверь на ключ, убрал в гостиной и сел на пол, рассматривая железную дорогу, которую оставила Юля.

— Я — ненормальный, — усмехнулся я и начал разбирать все, а затем собирать заново.

Ушел не один час прежде чем квартиру заполнили громкие «ту-ту», а паровозик помчался по рельсам. Зрелище завораживающее. Наконец-то что-то внутри меня смягчилось. Я понял чего мне не хватало. Не хватало легкости. Из-за вечного напряжения у меня болела голова, а теперь я смотрел на то, как паровозик мчался по рельсам и чувствовал умиротворение.

Ночью я никак не мог заснуть. Новый сюжет крутился в голове, но я не мог заставить

себя встать, пойти в кабинет, сесть за ноутбук и начать печатать. Я знал, что не успею закончить, но почему-то захотелось хотя бы начать. Просто начну, пусть заметка будет. Возможно, кто-нибудь, когда-нибудь найдёт её и решит дописать, а быть может и просто безвозвратно удалит.

Встав с постели, я пошел в кабинет босиком, потому что в темноте не захотел искать тапочки, а включать свет не хотел. Я сел за стол, включил ноутбук и несколько минут сидел и думал над тем, как же лучше всего начать. И я начал.

Проснулся от того, что шея невыносимо ныла, спина затекла, ноги замерзли. Я заснул за работой. Как и раньше. Протерев глаза, я проверил то, что написал и остался доволен. Текста было много, не зря не спал пол ночи. Встав из-за стола, я поплелся в ванную, принял душ, переоделся и решил приготовить себе завтрак. После вчерашнего я чувствовал себя полным сил. Готов был горы свернуть. Чуть приоткрыв окно, впуская в душную кухню свежий воздух, я достал из холодильника яйца, молоко и принялся готовить. В дверь позвонили. Я не ждал гостей и даже не мог подумать, что когда открою, снова увижу Юлю. Лучезарная улыбка, растрепанные ветром волосы и платье — говорили о том, что она куда-то собралась. Наверняка... куда обычно ходят девчонки её возраста?!

— Доброе утро! Я пройду? — спросила она, пока я пялился на неё.

Она была в чёрном вязаном платье, которое больше напоминало большой свитер, голые колени были в мурашках (на улице и правда холодно), в руках Юля держала сумочку, из которой выглядывала моя тетрадка. Сделав шаг от двери, я пропустил ее и предложил тапочки, как и следовало гостеприимному хозяину.

— Доброе утро. Ты что-то забыла вчера?

— С чего ты взял? — она обернулась на меня, снимая кроссовки.

— Ты вернулась.

— У нас планы!

— У нас?

— Перестань придуриваться. — Юля прошла за мной на кухню и села на стул, наблюдая за мной. — Кстати, я хотела уточнить...

Она убежала в коридор, а я продолжил готовить завтрак, только теперь уже не только на себя.

— Вот, смотри, тут написано «дописать рассказ про рыцаря Оливера». У тебя есть начало рассказа? Или придется писать с нуля?

— Мы не будем дописывать.

— Хорошо, напишем заново! А насчет торта... ты хочешь просто огромный торт или из которого выпрыгивает полуголая танцовщица?

— Думаю, что в восемь лет, когда я начинал вести эту тетрадь, я даже не знал, что в торте может сидеть «полуголая танцовщица». Эта тетрадь — прошлое! Она не нужна. — Я подошел к ней и захотел отобрать тетрадь, но девчонка ловко отскочила и нахмурилась.

— Прощлое? Ты сам в это веришь? Ты говоришь, что это прошлое. Хорошо, но зачем тогда ты собрал железную дорогу? Я хочу тебе помочь, а ты не даешь возможности.

— Помочь?

— Да! Я исполню твои желания! Зато твое лечение пролетит, что даже не заметишь! Ты же болеешь, да? Я в детстве, когда заболела ангиной, папа исполнял мои желания! Он не ходил на работу, смотрел со мной мультики и готовил оладушки. Я тогда за неделю вылечилась! — она похлопала в ладоши и улыбнулась, но её слова, словно ножом полоснули

мне по сердцу.

— Боюсь тебя расстроить, но да, я болею, и это не лечится.

— Ты зря паникуешь, все болезни лечатся. Просто нужно вре...

— Мне осталось жить максимум месяц! — перебил ее я и захлопнул окно, отчего девчонка вздрогнула.

Мы молчали, пока я готовил завтрак. Вот только есть перехотелось. Я выключил плиту. Юля по-прежнему сидела на том же стуле, на который села, когда пришла. Наверное, я был с ней резок, но она должна понимать насколько жестокой иногда бывает жизнь. Не стоило говорить подобное малознакомому человеку, тем более такому болтливому, как она. Эта агрессия взялась будто бы из ниоткуда. Я не хотел кричать, у меня было прекрасное настроение. Но я сам все испортил. Мало того, что испортил настроение этому маленькому, жизнерадостному «комку», который сидел и теребил в руках мою тетрадь, так и сам расстроился. Ничего не говоря, я ушел в кабинет, чтобы просто побыть наедине с собой. Голова вновь начала болеть.

Я сел в кресло и потер виски пальцами. Не знаю сколько времени я так просидел, скорее всего, пару минут. Мне было интересно ушла ли Юля или нет, но я не хотел выходить из кабинета. Стоило мне включить ноутбук, как дверь в кабинет с тихим скрипом открылась и зашла Юля, держа в руках две тарелки с завтраком, который я готовил. Не знаю, что я почувствовал в тот момент, но эта её мания прилипнуть к людям, словно пиявка, больше раздражала, чем нравилась. Она прошла ближе к столу, поставила на него тарелки, а затем обошла его и обняла меня. Это было неожиданно. Я ничего не почувствовал от объятий. Только тепло ее тела и легкий запах цветов.

— Я не должна была лезть в твою жизнь и тем более напоминать о... — она еще крепче сжала меня и вздохнула. — Тебе нужно покушать.

— Так, «Усики», я тебя не понимаю. Что ты ко мне пристала? — как можно мягче спросил я, на что девчонка обошла стол и пододвинула ко мне тарелку с завтраком.

— Ну я же решила исполнить твои желания! Сколько получится! Можно? Не отказывайся.

Она не унывала, а я смотрел на неё и делал то же самое. Мы позавтракали, потом Юля строила планы на день, потом с кем-то долго разговаривала по телефону. А я что? Я просто смотрел на неё и думал о том, как все же тяжела жизнь. Никогда не знаешь, что же произойдет завтра, да что там завтра. Я не знал, что может произойти через пять минут. Вдруг я умру. Может быть это последние мои вздохи. С таким «оптимизмом» мне было больно даже дышать. Каждый раз эти приступы боли приходили неожиданно. Но стоило Юле вернуться, боль проходила. Это еще раз доказывало, что я сам себя накручиваю.

— Так, я заказала торт, но не знаю сможем мы его съесть вдвоем или нет, но... думаю, что сможем. К тому же, мы сейчас будем думать о... твоём рыцаре Оливере! Сиди тут, я принесу твой ноутбук. — Она убежала в кабинет, затем вернулась и села рядом со мной, прижавшись вплотную, отчего мне было неудобно, но я не стал ничего говорить. — Создавай новый документ! Марин, ну! Ты тянешь время...

— Я не знаю как начать.

— Жил-был?

Я рассмеялся и взглянул на Юлю, которая улыбнулась в ответ и потянулась к клавиатуре. Я ждал, когда она что-нибудь напишет, но ничего не происходило. Это ведь просто детская шалость. Нужно учиться развлекаться. Этого никто не увидит, кроме нас

двоих. Я потянулся к клавиатуре, случайно дотронувшись до ее пальцев. Меня будто бы ударило током. Юля сразу же убрала свою руку с клавиатуры и заметно покраснела, но не отсела.

— Ну что? Пишу жил-был? — вздохнув спросил я, на что Юля закатила глаза.

— Ты серьезно? Вообще-то писатель тут ты! Пиши! — она отвлеклась на телефон, но тут же продолжила. — В самой чаще леса, в большой-большой берлоге жил...

— Рыцарь?

— Ну какой рыцарь?! Медвежонок!

— Кто?!

— Пиши! — Юля похлопала меня по плечу и снова прижалась, заглядывая в ноутбук. — Так... в берлоге жил медвежонок Оливер вместе с папой-медведем, мамой-медведицей и бабушкой и дедушкой медведями! Никто в лесу с ним не дружил...

Мы отвлеклись, когда привезли торт. Он был большим и тяжелым, я хотел оплатить доставку, но оказалось, что Юля уже все оплатила. Деньги, которые я пытался ей вернуть она не брала. Упертая девчонка, которая вероятно не могла ещё правильно распоряжаться деньгами. Когда я был в ее возрасте, устроился на подработку, чтобы после насыщенного дня в университете ещё и заработать. И в первую же зарплату купил целое ведро вареной сгущенки. Сколько счастья у меня было, когда я бежал домой, надеясь, что любимая бабуля похвалит меня. Но не похвалила, да я и сам должен был понимать, что не стоило тратиться. Бабушка брала кредит, чтобы купить мне компьютер для учёбы, пенсия была минимальной, а я потратил кучу денег на сгущенку. Бесполезные траты... Потом пришлось есть эту сладкую гадость в течение нескольких недель, каждый раз давясь слезами, вспоминая об этом промахе.

— Давай в следующий ты будешь согласовывать со мной такие... покупки... — сказал я, как можно мягче.

— М-м... ты хочешь, чтобы наш бюджет стал общим? Придется жениться! Кстати, такое желание у тебя под номером семнадцать в тетрадке.

— Юля, я же серьезно.

— Да я поняла. Но желание — есть желание. Или ты не женишься на мне?

Я поднял на неё взгляд, и заметил, как порозовели ее щеки. Не знаю почему, но я улыбнулся. Какая она ещё маленькая и глупенькая. Но с ней, я уже второй день не думал о смерти. Наоборот, начал ценить каждую прожитую минуту. Каждое мгновение.

— Режь скорее, чай стынет и будем продолжать! Я такое придумала! — она раскинула руки в стороны, задев мой локоть и лампу на тумбочке у дивана, но только рассмеялась.

Следующие пару минут, я пытался понять, как лучше отрезать кусок. В этом деле у меня опыта не было. Большой есть не удобно, маленький не хочется, потому что знаешь, что второй маленький полностью не осилишь, а первым не наешься. Юля к тому времени уже принесла из кухни две столовые ложки, потому что чайных не нашла.

— Ну чего ты?! — не выдержала она и полезла ложкой в самую середину.

Она зачерпнула большой кусок и отправила его себе в рот, садясь на диван. По уголкам ее губ размазался крем, но я не осмелился стереть его. Да и что бы Юля подумала обо мне? Взрослый мужик уделяет знаки внимания молодой девушке. И что, что она совершеннолетняя... мы ведь далеко не в любовном романе, чтобы это считалось нормой.

Я положил нож и вновь взглянул на Юлю, которая мотала головой из стороны в сторону, показывая мне, что торт безумно вкусный. Она улыбалась. Светлый веселый

человечек, который любит жизнь и берёт от неё все. Каким же дураком я был раньше. Не видел очевидных вещей. Не видел прекрасного... Но теперь я смотрел на эту девчонку, и дышал полной грудью. Взяв ложку, я сделал то же, что и она. Мы пили чай, ели торт и нам было весело. Потом мы придумывали историю про рыцаря-медвежонка, а потом... уже стемнело, и Юле нужно было ехать домой.

— Утром я приехать не смогу... нужно будет помочь папе на работе. Там не хватает рук! Я как освобожусь, приеду. Ну или... — Она завязала шнурки и выпрямилась, загадочно смотря на меня. — Ты мог бы дать мне свой номер телефона, и я позвоню, как буду ехать. Что скажешь?

Я думал, что нам не стоит привыкать друг к другу, ведь чем дальше, тем больше будет потом. Не помню, как отказал, как Юля ушла, помню боль, которой меня сковало, как только дверь закрылась. Меня стошнило, в глазах потемнело на пару минут, а спустя пару часов, когда я пришел в себя, пришла слабость и дрожь в коленях. Наверное, нужно было следовать предписаниям врача, пить какие-то таблетки, делать уколы вовремя, чтобы больше не случалось подобного.

Я прибрал все после себя, умылся сам и хотел продолжить писать то, что начал вчера, но сил не было. Пройдя в спальню, смог лишь переодеться, лечь в постель и, сделав укол, погрузился в серый, мутный полусон.

°2. Моя боль — это только моя боль

Проснулся я посреди ночи. Часа через два-три после укола. Голова была чугунной, словно я накануне выпил литра три пива и запил все водкой. Усмехнувшись этим мыслям, скорее воспоминаниям, я провалялся ещё пару минут и поднялся с постели. Место куда ставил укол болело и было влажным. Возможно еще долго кровоточило после того, как я вырубился. Счастье, что проснулся, ведь этого могло и не случиться. Так и не найдя тапки, я прошёл к окну и взглянул на ночной город. Странно, что машины все еще сновали туда-сюда. Неплохо было бы прогуляться в тишине. Да. Ночью город казался до невозможности тихим, лишь изредка где-то сигналили машины, лаяли собаки, кричали о любви молодые парочки, пригубившие пива или вина.

Рука сама потянулась к ручке, и я приоткрыл окно. Ледяной воздух ударил в лицо, глаза заслезились, а по телу пробежали полчища мурашек. Свежо. Я закрыл окно вновь и прошёл по комнате, собираясь вернуться в постель, но вместо этого принялся быстро одеваться. Внезапно захотелось прогуляться, просто, чтобы подышать свежим воздухом, посмотреть на улицы родного города, вспомнить время, когда я не думал ни о чем и жил мечтами. Одевшись, захватил ключи и вышел из квартиры. Не помню, когда в последний раз покидал ее, но сейчас у меня было желание прогуляться... странно, может быть это тот самый момент, когда просишь принести воды и... наступает темнота. Может быть это желание было таким, потому что я боялся умереть в одиночестве? Что если сейчас выйду на улицу, а найдут меня утром? Я боялся смерти, боялся даже мыслей о ней, но думал постоянно. Нужно было быть готовым.

Выйдя из подъезда, я поежился от ледяного воздуха, поднял воротник пальто и пожалел, что не надел шапку. Сунул руки в карманы, и пошел куда глаза глядят. Шел по тротуару, смотрел на машины, припаркованные у дома, на серые лужи и грязь, на голые кусты сирени и боялся, что больше не увижу, как весной они снова распустятся. Страшно, что вновь не смогу почувствовать густой запах сирени. Я шел и кажется прощался с каждым уголком дома. Страх сковал меня изнутри. Не стоит забивать голову этим. Не нужно приближать конец.

Я шел и не заметил, как покинул свой район. Просто брел куда-то словно в бреду или во сне. Остановился, услышав собачий лай. Взглянул по сторонам. Ни души. И снова пошел куда-то. Захотелось пить. Во рту пересохло. Пришлось возвращаться. Я знал один круглосуточный ларек у дома, но там кроме водки и пресного «Буратино» ничего не было. А ведь было время, когда за бутылку лимонада, я готов был отдать жизнь.

Повторюсь, наша семья жила небогато. Отец работал где-то на заводе, где задерживали зарплату, а если и выдавали, то макаронами или мукой, из которой мама месила тесто и готовила, ненавистную мной, домашнюю лапшу. Сейчас же, я бы душу Дьяволу продал, чтобы вспомнить тот вкус... Бывали дни, когда бабушка получала пенсию и баловала нас. Покупала пшеничную крупу, масло и хлеб (булочная была недалеко от нашего дома, и я часто пускал слюни на свежее испеченный хлеб), иногда вместо пшеничной крупы был рис. Отец отрезал мне еще тёплую корочку, мазал её маслом, очень тонко, но я был счастлив. Мама плакала, видя, как жадно я глотаю хлеб, бабушка молчала, пожимая плечами, а папа винил себя в том, что не может обеспечить единственного ребенка.

Мне было пять. Как сейчас помню день, когда отец пришёл домой с тремя огромными

пакетами. Он был пьян. Плакал, а на вопросы мамы лишь качал головой. Он сидел за столом, мама разбирала пакеты, а я стоял на табуретке и заглядывал. Хотелось скорее все рассмотреть. В этих трёх пакетах было все: колбаса, сыр, масло, крупы, каких в нашей квартире никогда не было, фрукты, овощи, целая упаковка шоколадных яиц, дорогущих и шоколадки, и сок в коробке, и лимонад «Буратино». Бабушка, кажется, что-то понимала, потому что стояла в дверях кухни и вытирала слезы. Мама задавала ему вопросы, откуда все, а отец молчал. Он плакал, потом взял меня на руки, вручил шоколадку и крепко поцеловал в щеку. От него пахло перегаром, и я поторопился выбраться из его объятий. Он тогда улыбнулся и сказал: «Будь мужчиной сынок. Не будь таким, как я! Береги маму и бабушку». Следующие пять лет он не появлялся. Все эти пять лет мама плакала каждую ночь, но у нас всегда были деньги. Признаться, они не принесли радости...

Зайдя в квартиру, я закрыл дверь, снял обувь, пальто скинул по дороге на кухню. В холодильнике стояла бутылочка воды, и я почти сразу выпил половину. Сна не было ни в одном глазу. Закатив рукава я отправился в кабинет, нужно было продолжать писать, если поторопиться, то может что-то получиться. Хотя, возможно, получится не очень хорошо, но зато это будет. Может быть получится недорого распечатать её и подарить соседям. Пусть хоть что-то от них останется. Не знаю, в какой промежуток времени я заснул, но проснулся от того, в дверь трезвонили. Не сразу понял, что это именно дверной звонок, первые минуты искал будильник, но потом поплелся открывать. Может быть кто-то ошибся? Хотя, если бы ошиблись, так настойчиво не звонили. Повернув замок, я открыл дверь, и в квартиру влетела светловолосая бестия, скидывая на ходу кроссовки и куртку.

— Ты чего такой медленный?! Я в пробку попала с утра пораньше, чуть в штаны не надула! Господи... Заткни уши! — крикнула Юля, убегая в ванную, я лишь рассмеялся, закрыл дверь и подобрал её куртку.

Странно, она ведь говорила, что будет занята утром. Глянул на время. Почти два часа дня. Вот это я поспать. Больше не буду гулять на свежем воздухе по ночам.

— Это было классно... — выдохнула она, выходя из ванной. — Так, у нас по плану...

— Может быть...

— Нет! Одевайся теплее и поехали!

— Куда?

— Исполнять следующее желание! — она довольно улыбнулась и обняла себя за плечи.

«4. Научиться кататься на коньках».

О чем я вообще думал, когда писал это? Да, мне на тот момент было лет десять, и я бредил коньками, потому что мы всем классом ходили на каток, но... не стоило это писать в тетрадке. Отказывать Юле в том, что она хочет — то же самое, что и отобрать леденец у ребенка. Одевшись потеплее, я надел пальто, в котором гулял ночью и взглянул на девчонку, которая терпеливо ждала меня.

— А шапку?

— Не нужно со мной носиться, как с маленьким. Идем.

— Ладно, как скажешь...

Она надела куртку, сапоги и вышла из квартиры. Пока я закрывал дверь, Юля рассказывала о том, где можно будет перекусить и выпить горячий кофе или шоколад. Я не хотел на каток. Считал это бесполезной тратой времени, но провести еще один день с ней — это прекрасно. Наверное... может быть я просто придумал себе героя... героиню... и стараюсь ей подражать.

— Ты куда? Я вон там припарковалась, чтобы выезжать легко было! Ну же, что-то ты задумчивый какой-то сегодня. — Юля взяла меня за руку и потянула к машине. — Тебе плохо? Болит что-то? Ты скажи, мы можем остаться дома!

— Нет, все хорошо... просто задумался.

Она сжимала мою ладонь ледяными пальцами до тех пор, пока не подошла к машине. Большая чёрная машина, больше мужская, принадлежавшая скорее её отцу, чем ей самой. Я раньше мечтал о машине. Думал, что начну издаваться, стану известным, куплю все, что захочу и машину уж точно. Но проходя очередное обследование, понял, что мне не нужна машина, не нужны никакие деньги, ничего уже не нужно... нужно просто доживать последние деньки.

— Перестань думать о плохом! — сказала Юля, включая радио и весь салон тут же погрузился в музыку. — Пристегнись.

Я чувствовал себя двояко. Словно сам навязывался... хлопнув себя по карманам, убедился, что взял бумажник и выдохнул. Я уж точно не буду «развлекаться» за счёт девчонки. Все-таки я мужчина. Возможно, не мечта каждой женщины, да и... далеко не тот, за кем все бегает, но я не хочу терять лицо.

Юля крепко держала руль двумя руками, стучала пальцами в такт музыке, иногда поглядывала на меня и улыбалась. Она была полна энергии, заставляла и меня улыбаться. Из-за таких, как она я мог поверить в чудо, каким бы оно не было. Рядом с ней все расцветало. Странно, что она всю дорогу молчала, а я думал о том, как жаль, что я не встретил ее месяцем раньше. А еще хуже это то, что девчонка может привыкнуть ко мне настолько сильно, что моя смерть может навредить ей. Я этого не хотел. Но я понял, что стал эгоистом, потому что хотел провести последние дни с ней. Только с ней мне было не страшно, только с ней я мог наслаждаться жизнью... Только она этого еще не понимала. Да и я был в растерянности. Мы знакомы третий день. Ничего друг о друге не знаем, но...

— О чем ты думаешь? — спросила Юля, остановившись у светофора и повернувшись ко мне. — Правда, расскажи, что тебя тревожит?

— Думаю, как избавиться от тебя...

— Марин...

— Я не хочу этого, но... просто ты же сама понимаешь, что совсем скоро произойдет то что нельзя будет исправить.

— И что? Зато мы... — она не договорила, потому что машина позади посигналила и нужно было ехать дальше.

Я проклинал водителя, ехавшего на своей колымаге позади. Из-за него я так и не узнал, что она хотела сказать. Кажется, Юля просто не понимала, что еще немного и наши встречи закончатся навсегда. Я умру, а она... будет жить дальше, и я надеюсь, что счастливо. Да и что я раскис? Она — волонтер. Возиться со мной — это её работа. Её увлечение. Так нужно относиться к этому равнодушно. Не нужно думать о том, что будет после... нужно пожить для себя. Сколько там мне осталось? Недели три?

День не задался, кажется, с самого утра. Каток оказался закрыт, там велись какие-то работы из-за того, что у них на следующей неделе будет проходить игра в хоккей. Юля расстроилась, но не сдалась, поэтому мы поехали в другой конец города, лишь бы исполнить желание. Я пытался её отговорить, но она спорила со мной до хрипоты и слез.

Юля вела машину спокойно, уверенно, иногда поглядывая на меня, но ничего не говоря. Уверен, что за этот день она устанет настолько, что не захочет больше таскаться со мной.

Уверен, что такое возможно. Вполне себе.

Нам выдали коньки, и Юля, визжа от радости, потащила меня на каток. Я был готов просто постоять и посмотреть на то, как будет кататься она, но девчонка была настроена решительно.

— Если будет нужно, я сама одену тебе коньки и вытолкаю на лёд!

Это было забавно. Смотреть на то, как девчонка, которая младше, почти вдвое, угрожала так, словно я был непоседливым мальчишкой. Делать было нечего. Я захотел подыграть. Пусть думает, что правда. Пусть почувствует власть, раз уж ей не хватает, а я... просто проведу весело время. Главное, не разбить себе чего-нибудь.

Я надел коньки, достаточно быстро справился со шнуровкой и взглянул на Юлю. Она кивнула в сторону самого катка, на котором было слишком много людей. Вряд ли бы они увидели мою «великолепную» программу, но... что-то мне говорило, что я ненормальный. Возможно, болезнь на это как-то повлияла, а может быть я просто хотел в последние дни сделать то, чего никогда раньше не позволял себе.

Добраться от скамейки до катка оказалось не так уж сложно, но стоило мне спустить одну ногу на лёд, как она тут же поехала вперёд, а другая не успевала за ней. Я держался руками за борта и боялся, что смогу на собственном примере понять, что значит фраза: одна нога здесь, другая там. Юля толкнула меня в спину, чтобы я не задерживался, и я ступил второй ногой на лёд. Удержался, но поспешил схватиться за борт, но уже чуть дальше от дверцы, которая разделяла нормальный пол и искусственный лёд.

— Ну ты чего? Совсем не умеешь кататься? Да ладно, не поверю. — Юля чувствовала на льду себя уверенно, лишь иногда смотрела по сторонам, чтобы никому не попасться под ноги.

— То, что я катался на роликах году так в девяностом — не делает меня мастером фигурного катания.

— Так, ладно. Давай мне свои руки! Я помогу тебе! — она протянула мне руки в забавных белых рукавчиках, и я взял ее за руки.

Признаться, боялся что упаду сам и потяну ее за собой, но первые шаги на коньках были лёгкими. Юля смеялась, радовалась, как маленькая, а мне становилось легче. Даже гул людей, катающихся рядом с нами, не вызывал головные боли.

— Давай!левой. Правой.левой. Правой! Получается же! — Девчонка была «прекрасным» учителем, как она думала, но была настолько увлечена моим учением, что путалась в своих ногах. — А-а-ай! Чуть не упала!

— Держись крепче. — Улыбнулся я, крепче сжимая ее руки в варежках.

— Я вообще-то умею стоять на коньках, в отличие от тебя, так что... — она отпустила одну мою руку и начала поправлять шапку, которая сползала ей на глаза. — ...так что не отвлекайся. Давай попробуешь теперь без моих рук. Только не стой на месте.

Стоило мне отпустить вторую руку, как Юля потеряла равновесие и с визгом начала падать. Я схватил ее за руку, попытался удержать, но лёд был слишком скользкий. Упал. Юля звонко рассмеялась. А я больно ударил колено. Но вся боль ушла, как только я взглянул в ее глаза... Она лежала, смотрела на меня и не могла сдержать смех. Меня ситуация забавляла, но я думал совершенно о другом. Просто смотрел на девчонку и чувствовал, как хочу жить дальше. Хочу каждый день видеть ее глаза, слышать смех, хочу целовать ее покрасневшие от холода щеки и потрескавшиеся, обветренные губы. Дурак... никогда не думал, что настолько влюбчив в людей, которые делают мне добро. Да ко мне никогда никто

так не относился, как эта девчонка. Совсем ещё маленькая, но такая... благородная. Я видел, как ее взгляд блуждает по моему лицу и как глаза внимательно изучают контур губ, но не мог позволить себе нарушить дистанцию.

— Полежали. Отдохнули и встаем. — Сказал я, поднимаясь на ноги, боясь рухнуть вновь, но обошлось.

Юля поднялась следом за мной, снова поправила шапку и сделала небольшой круг вокруг меня. Еще какое-то время мы провели на льду, но время, отведённое нам на катание, наконец-то вышло. Мы переобулись, и Юля предложила посидеть, пообедать в кафе. Лёгкое головокружение я почувствовал ещё на льду, но решил не обращать внимания. Да такое бывало. Действие укола должно было продлиться ещё часов десять максимум. Мы пошли в ближайшее кафе. Юля сняла шапку, и я рассмеялся. Волосы спутались, перекрутились и выглядели так... мило, по-домашнему, но девушка тут же приладила их ладошками и собрала в тугий пучок. Она это делала настолько непринужденно, даже не замечала ничего вокруг, будто бы так было нужно.

— Что мы закажем? Я знаю, что здесь вкусные биточки! Мой папа их просто обожает, но... Думаю, что можно было бы супчиком перекусить, да? После катка — атмосферненько так! — девчонка рассмеялась, сверкнув глазками и вновь принялась изучать меню.

Я открыл меню и склонился над ним, прицениваясь, как вдруг на страницу капнула бордовая капля... затем ещё одна и еще.

— Вот дерьмо... — тихо выругался я, потянувшись за салфеткой и столкнулся с испуганным взглядом Юли.

— Все хорошо. — Попытался ее успокоить я, хотя сам испугался не на шутку.

Прошлый такой раз закончился тем, что я неделю провалялся овощем. Я запрокинул голову и приложил салфетку к носу. Из белоснежной, она тут же стала алой.

— Давай я вызову скорую! Или поехали домой... — засуетилась девушка, но я старался ее успокоить.

— Это всего лишь... кровь. Давление подскочило. — Усмехнулся я, хватая ещё одну салфетку. — Все-таки я уже достаточно взрослый, не привык к таким... нагрузкам. Сейчас все пройдет.

Но прошло минут десять, а кровь все также сочилась. Я чувствовал себя виноватым. Знал, что испортил Юле весь день, потому что она сидела с таким лицом, словно вот-вот заплачет. Ей было жаль меня. Просто жаль! Только поэтому она таскалась везде за мной или пыталась меня куда-то вытащить. Только зачем ей это все? Почему она так делает? Даже в тот момент, когда мне было плохо, она все равно была рядом, даже помогала. Попросила официанта принести мне льда, чтобы остановить кровь. Она... боялась, но все равно помогала. А что будет дальше? Нужно было как-то отделаться от нее. Съехать с квартиры? Номера телефона она не знает. Только имя... так было бы лучше для неё, но не для меня. Но нельзя было травмировать ее еще, возможно местами, детское подсознание. И я принял решение... поднялся из-за столика, отчего Юля сделала то же самое.

— Ты куда? — спросила она, глядя на меня.

— Мне нужно в туалет.

— Я с тобой!

— Юль, это...

— А если тебе там станет хуже?! Я с тобой пойду!

— Перестань, это глупая затея! — начал злиться я.

— Засунь вату в нос и не нервируй меня! Либо мы вместе идем в туалет, либо ты будешь сидеть и терпеть, пока кровь не перестанет идти! — её голос показался мне грубым и достаточно громким.

Вот и что мне было делать. Мы пошли в туалет, где я умыл лицо и выбросил окровавленные салфетки. Взглянув на своё отражение в зеркале, я сморщился. Никогда не был красавчиком, а эта «болячка» сделала из меня ходячего зомби. Ещё повезло, что волосы уже прилично отрасли. В гробу буду смотреться более менее. Сделал глубокий вдох, сморкнул кровь в раковину и вновь умылся холодной водой. Голова кружилась. Кажется, это уже мое привычное состояние. Вечные недомогания. Слабость, боль, кровь.

— Все хорошо?! — услышал я голос Юли за дверью и увидел, как она дергает ручку.

— Все прекрасно! Я скоро умру и перестану мучиться.

— Очень смешно. — Буркнула она и снова дернула ручку.

Минут сорок я провёл в шоке. Кровь не останавливалась. Все сочилась и сочилась. Я держал лед на переносице, умывался холодной водой, держал голову прямо, но ничего не выходило. Юля нервничала, переживала, бегала вокруг меня, просила официанта снова и снова принести лед, отчего он уже странно поглядывал на нас.

Домой мы приехали в семь вечера. Уставшие, снова голодные и, мне показалось, что Юля была расстроена. Я скинул ботинки, куртку бросил в шкаф, не заморачиваясь над тем, чтобы вешать ее в шкаф и прошёл в ванную. Вымыв руки, я прошёл на кухню, включил чайник и подошел к окну. Юля все это время сидела на диване, обхватив колени руками и наблюдала за мной. Ей стоило уехать... оставить меня в покое, чтобы я последние дни вспоминал все самое хорошее, что было в моей бесполезной жизни. Но из хорошего я помнил лишь детство, да бедное, временами тяжелое, но были счастливые моменты. Что же касалось счастья в сознательной жизни, то тут я мог отметить лишь эти дни с ней. Нужно же было ей прийти именно к дверям моей квартиры и настойчиво трезвонить, чтобы продать печенье, которое... которое я так и не видел с того дня.

— Хватит грустить, Усики, идем пить чай! — позвал ее и на душе стало как-то сразу так тепло, потому что я увидел, как она обрадовалась.

Подхватила с дивана и сразу же, в два-три прыжка оказалась у холодильника, напоминая мне о торте, который так и не доели вчера. Такая домашняя, веселая. Она старалась не выдавать никаких эмоций, кроме радостных, но иногда, вот как пару минут назад, они брали верх.

— Чем ты вообще занимаешься? Учишься? Хотя, судя по тому, что ты целыми днями сидишь со мной — вряд ли. — Усмехнулся я, разливая горячий чай по кружкам, пока Юля «дегустировала» торт.

— Вообще-то, я без пяти минут главный редактор папиного издательства! Сегодня у меня была практика, поэтому приехала к тебе позже обычного.

— А, ну да... точно. Как я мог забыть?

— Я издам твои книги!

Я рассмеялся.

— У меня нет ни одной — это, во-первых, а во-вторых, мне это не нужно.

— Как же? Твое желание номер... двадцать два — издать хотя бы одну свою книгу!

— Юль, ты же понимаешь, что...

— ...что я права! Это ты хочешь сдать! Просто лечь и ныть о том, что ты болен и умрешь скоро! — она поднялась из-за стола, видно стоя ей удобнее дискутировать.

— Давай ты не будешь меня учить!

— Я единственный человек в твоей жизни, который хочет научить тебя жить по-настоящему! А ты не принимаешь этой помощи!

— Мне не нужна помощь! — злился я, понимая, что она зашла уже слишком далеко.

— Тебе нужна помощь! Ты сам этого не понимаешь! Если бы не я...

— Я не просил тебя лезть в мою жизнь!

— Я хочу тебе показать, что все возможно!

— Я уже увидел достаточно! И мне не нужна помощь сопливой девчонки, которая сама знать не знает, как нужно жить! — крикнул я и увидел, как ее лицо исказилось.

Но нет, она не заплакала. Молча развернулась и ушла. Одевалась в коридоре, а я стоял на месте, закрыв глаза и сдерживал себя, чтобы не пойти за ней, не извиниться... не сказать, что я кретин. Я держался. Ровно до тех пор, пока не услышал, как хлопнула входная дверь.

Сел на пол... все как в тумане. Обхватил голову и почувствовал внутри себя пустоту. Снова паника накрыла меня с головой. Мир внезапно стал чёрно-белым, каким был до того, как я познакомился с Юлей. Но ей так будет лучше... она не увидит меня совсем беспомощного, убитого этой жизнью, а я ничего не буду знать о ней. Оно и лучше. Она слишком молода и глупа еще... но я не умнее. Что если теперь из-за меня она будет себя винить? Что если это будет тем, что испортит её жизнь? Не должно.

«Только в мечтах я позволял себе целовать ее в розовые щеки, в сладкие губы, и чувствовать, как все внутри замирает. Как каждая клеточка тела трепещет от легких прикосновений. У меня не было ни одной пошлой мысли, когда я смотрел на нее. Было одно — дикое желание чувствовать жар ее объятий, тепло рук и вдыхать запах волос, которые пахли сиренью. Как же она была прекрасна... Юлия. Она никогда не прочтет эту книгу, а я никогда не стану настоящим писателем, но одно только воспоминание связанное с ней — заставляет мое сердце все еще биться, и я рад этому. Бесконечно. Безумно. Рад».

Я поставил точку и откинулся на спинку стула, потирая глаза. Они горели, словно я продолжительное время смотрел на солнце или на лампочку. Хотя, многие говорили, что работать в темноте за компьютером — очень вредно. Но а что мне терять?! Уже нечего. Я сохранил обновленный файл и выключил ноутбук. Взглянул на время и выдохнул. Два часа ночи. Нужно было сделать укол и лечь спать. Но зачем делать укол, если нет боли? Нет ни малейшего намека на то, что вот-вот произойдет что-то страшное. Можно сделать и утром.

Не раздумывая долго, я отправился в спальню и уснул практически сразу же, как только лег.

Утро выдалось ранним. Первое, что я услышал — это дикий ор соседского кота. Странно, но это не вызвало во мне приступ агрессии, как раньше. Признаться, даже скучал по этому. Мне было страшно оставаться в одиночестве, в тишине. Потерев лицо руками, я поднялся с постели, поплелся в ванную и взглянул на своё отражение. Глаза по-прежнему были красными и сухость не проходила. Раньше такого не было, но раньше я и не работал несколько часов подряд за компьютером в темноте.

Я принял душ. Даже взбодрился. По привычке обмотал полотенце вокруг бедер и принялся искать в аптечке глазные капли. В ванной не было. Другая аптечка была на кухне, я вышел из ванной и вздрогнул, увидев в коридоре Юлю, которая уже снимала куртку. Она тоже вздрогнула, потом покраснела и отвернулась от меня.

— Как ты... — я не мог подобрать слов, был слишком удивлен. — Как... зачем ты

пришла? Я думал, что мы вчера закончили то, что начали.

— Я не закончила — это во-первых! А во-вторых, у нас нет времени, чтобы ругаться.

Я вздохнул и отправился в спальню, чтобы одеться. Да, был рад, что снова увидел Юлю, но... я не ожидал, ведь мы достаточно сильно поругались. Натянув домашние штаны, футболку, я заглянул под кровать, в поисках тапочек, но их там не было. Почему-то у меня не было привычки носить их всегда. Только иногда вспоминал, когда ноги особенно мерзли.

Я прошёл на кухню, где Юля грела чайник и бережно выкладывала что-то из пластмассового контейнера на тарелку. Подняв взгляд на меня, она довольно улыбнулась, облизнула пальцы и указала на угощение.

— Картофельные оладушки! — взвизгнула она, пытаясь полностью овладеть моим вниманием.

— Ка... что?

— Оладушки из картошки! Да ты не спрашивай, а попробуй! Я чуть все сама не съела!

Я привык завтракать в одиночестве, но делать это в компании оказалось куда приятнее. Да, мы повздорили с ней вчера, но кто не ругается? Даже семейные пары, прожившие не один десяток лет ругаются, а мы... всего-лишь знакомые. Она ничего не знала обо мне, я ничего — о ней, но мы проводили время вместе. И я готов был и дальше это делать, лишь бы она не видела то, как я угасаю. Весь с каждым днем мне становилось всё хуже. Я чувствовал, как сил не хватает донести пакет с продуктами от магазина до дома. Приходится делать остановку в парке и делать идиотский вид, что я просто решил посидеть на лавке в компании белого пакета с эмблемой магазина.

— Знаешь, в мое время эти твои «оладушки» назывались драниками. — Усмехнулся я, вспоминая своё детство и то, как трепетно бабушка относилась к готовке.

Отец не появлялся дома уже второй год, мама говорила, что он уехал на работу. Но денег второй год у нас не было, да и мама целыми днями где-то пропадала. Мы с бабушкой проводили дни напролет вместе. Она читала мне книжки, рассказывала истории из своего детства, учила правильно складывать вещи в шкаф и научила мечтать и фантазировать. Моим фантазиям не было предела. Я несся домой из школы, чтобы рассказать бабушке о том, что узнал на уроках и о чем мечтал на переменах.

Я забежал в квартиру, снимал ботинки, молнией бежал в комнату, переодевался, потом в ванную, чтобы умыться и наконец-то на кухню. Бабушка обычно сидела и читала у окна, но однажды, когда я забежал на кухню, она чистила картошку. Целый пакет картошки. Я с удивлением наблюдал за этим, а когда она принялась натирать её на терке, удивился. Бабушка посмеялась, погладила меня теплой ладонью по волосам и сказала, что как только она закончит, все мои сомнения и вопросы уйду на второй план.

Так и случилось. Запах был потрясающий. Заполнял всю квартиру, каждый уголок. Да даже моя футболка и шорты, в которых я расхаживал по квартире, пропахли приятным запахом жаренных на масле драников. А какими они были на вкус... с ума можно было сойти. И я бы ел и ел, если бы бабушка не сказала, что нельзя так много сразу, иначе заболит живот.

Сколько же она их напекла... целый таз с горкой, а потом мы ели их со сладким чаем. Я рассказывал об этом маме, а она смеялась, целовала меня в щеки и говорила, что скоро все наладится. Она всегда об этом говорила, но налаживаться ничего до сих пор не начало.

— Так! Теперь последнее желание на этой странице! — объявила Юля, вытирая губы

салфеткой и встала со стула.

— Ты снова... мы вчера поругались из-за этого. Юль, как же ты не поймешь, я... — я заткнулся, потому что она поцеловала меня в щеку, но сразу же отскочила и довольно хлопнула в ладоши. — Что это было?

— Желание! — рассмеялась девушка.

— Твое или мое?

— Твое... — она побежала в коридор, вернулась с тетрадкой и, подойдя ко мне, открыла первую страницу, указывая на пятое желание.

«5. Хочу, чтоб Танька поцеловала меня».

— Ну... я не Танька, но желание же исполнила!? Или нужно было не в щеку? Я готова и не в щеку, только скажи!

Я рассмеялся, прикрыв лицо рукой. Это было забавно. Если бы я ее не знал, сказал бы, что чокнутая, но за несколько дней нашего общения, понял, что она своеобразная. И исполнение этого желания было просто невообразимым. Я и представить не мог, что у меня будет столько эмоций от этого безобидного поцелуя в щеку. Кстати, я даже не помнил о какой Таньке шла речь. Совсем не помню.

— Нет, все супер... просто, я не помню, кто такая эта Танька. — Признался я и вновь рассмеялся, вставая из-за стола и собирая посуду. — Мне было лет десять, когда я писал это желание.

— Не могу представить тебя маленьким.

— Почему?

— Ты слишком взрослый... серьезный такой. Улыбаешься редко, ещё реже смеешься. Наверное, ты всегда был таким.

— Нет. Если я похож на старого ворчуна, то это лишь оболочка. В душе я весельчак! — я улыбнулся, убирая посуду в раковину и почувствовал жжение в глазах, вспоминая про капли, которые и хотел найти, когда столкнулся с Юлей.

Достав аптечку из шкафчика, я принялся искать глазные капли. «Диклофенак» маленькая красная коробочка, внутри бутылек. Внимательно все осмотрел и хотел взвыть от того, что срок годности закончился ещё три года назад. Теперь тратить кучу времени на то, чтобы сходить в аптеку. В ближайшую идти бесполезно, потому что там никогда ничего нет.

— Что ты ищешь? — поинтересовалась девушка, подойдя ко мне и взглянув на капли, которые я держал в руках.

— Нужно сбежать в аптеку.

— Давай я сбегаю!

— Я ещё не такой беспомощный, Усики.

— Не называй меня так!

— А что? — улыбнулся я.

— Звучит пошло.

— А что ты знаешь о пошлости?

— Грубиян. Одевайся! Я отвезу тебя в аптеку. Проведем время вместе! Тебе будет веселее, и может быть ты даже перестанешь быть таким ворчуном!

Я оделся, взял бумажник, даже шапку надел и вышел из квартиры, пропуская Юлю вперед. Закрыл за собой дверь на ключ. Несколько раз проверил. До машины мы шли под веселый рассказ Юли о том, как она ездила к своей бабули, и как та накормила ее грибным супом, потом говорила где у нее появилась сыпь из-за аллергии. Я смеялся. Казалось, ничего

не могло произойти, но внезапно я вспомнил о том, что не делал укол ни вчера, ни сегодня. Зря я это вспомнил. Зря. Мозг удивительная штука... Стоило мне подумать о том, что я хорошо себя чувствую без укола, как почувствовал легкое головокружение. Настолько легкое, что я решил не возвращаться домой. Дорога до аптеки займет минут двадцать, обратно столько же. Мне не могло стать ещё хуже за такой короткий промежуток времени. Обычно это длилось часами.

Мы сели в машину. Я старался не думать ни о чем. Вообще ни о чем, чтобы избежать лишних проблем, да и я не хотел пугать Юлю. Нужно было все-таки для начала заглянуть в ближайшую аптеку, а уже потом ехать куда-то.

— Ты какой-то задумчивый... тебе плохо? Вернуться? — внезапно начала Юля, но я... идиот.

«Да! Да мне плохо. Я вижу черные пятна перед глазами! Я чувствую, как мои легкие со скрежетом увеличиваются и уменьшаются при каждом вдохе-выдохе! От этих мыслей меня бросает в жар, но я продолжаю делать вид, что все хорошо» — кричало подсознание, но я лишь покачал головой. Что могло случиться? Ровным счетом ничего.

Юля вывела машину на главную дорогу, и меня снова бросило в жар, как только я увидел впереди столпотворение машин. Пробка? Нет, не может быть. Обычно в это время пробок и не было. Все уже давно на работе, на учебе, где угодно, но только не на дороге. Но они были там. Все в одном месте. Сразу. Стоило не ехать вперед, нужно было вернуться. Сказать хоть что-то! Не молчать! Но я промолчал.

Я чувствовал себя отвратительно. Это как в детстве, когда играешь в прятки, прячешься в шкафу, а не вовремя пришедший с работы взрослый видит «непорядок» и закрывает дверцы того шкафа на шпингалет. Ты сидишь там... один, в полной темноте и молчишь, потому что не хочешь показаться слабаком перед сверстниками. Тебя трясет от страха, к горлу подступает тошнота. Ещё мгновение и ты готов кричать, звать на помощь, но тот же взрослый открывает шкаф, чтобы повесить одежду, пугается до чертиков и громко ругаясь, выгоняет из комнаты. Ты остаешься героем в глазах друзей, но больше никогда не лезешь в шкаф.

— М-да... это надолго, там какая-то авария на светофоре. — Озвучила Юля, я кивнул и откинулся на спинку сиденья, проводя руками по лицу.

Я почувствовал себя наркоманом, у которого началась ломка. Кости внезапно начало выкручивать, зубы сводить, дыхание стало частым... Мы отъехали не так далеко от дома, я бы мог спокойно вернуться, если бы ноги не стали ватными. Это чувство беспомощности меня убивало намного быстрее, чем рак.

Когда перед глазами все поплыло, я вцепился в ручку двери, зажмурился. Хотел, чтобы этого не видела Юля, но она все видела, замечала все.

— Тебе плохо? Почему ты сразу не сказал? Боже мой... сейчас, мы вернемся домой. Потерпи, миленький... — она дотронулась рукой до моего плеча, но я не почувствовал ничего, кроме боли.

Я только и смог кивнуть, стараясь сделать вдох, но грудную клетку сжало. Спазм не прекращался, я задыхался. Хватал воздух губами, как рыба на суше.

Видел, как Юля пыталась вернуться, уже начала отъезжать назад, но остановилась и принялась что-то высматривать. Ударила по рулю и растерянно взглянула на меня. А что я мог сделать? Ничего...

— Зачем мы вообще поехали куда-то?! Блин, блин, блин!

Её голос резал слух, становилось только хуже. Нужно было сделать укол, тогда вся боль бы ушла. Я почувствовал, как со лба стекали капли пота. Я — ничтожен... когда же это все закончится?!

— Марин?! Марин, взгляни на меня, пожалуйста! — Юля погладила меня по щеке, и я поднял на неё взгляд.

Не видел ничего, кроме размытого, непонятного пятна и лишь слышал отдаленно её голос, словно через подушку.

Я пытался сфокусировать взгляд на её лице, увидеть её глаза, чтобы понять, испугалась она или нет. Нужно было её успокоить, но я не мог успокоиться сам.

— Слышишь меня? Ты слышишь? — повторяла она одно и то же, я нашел в себе силы и кивнул. — Все будет хорошо! Ни на кого не обращай внимания, даже если будут сигналить или стучать по окнам. Я постараюсь быстро вернуться.

Ничего не понимал до тех пор, пока дверь машины не хлопнула, и я не остался в полном одиночестве. Наедине со своей болью.

3. Хуже не бывает

Муторное состояние возвращалось ко мне. Во рту все пересохло, горло щекотало. Я невольно кашлянул. Ещё какое-то время пролежал в полудреме и открыл глаза. Сил не было. Тело казалось ватным. Нет, не просто ватным, а таким словно эту вату намочили, и она стала тяжелой и неподатливой. Это было ужасное состояние. Нужно было взять в привычку делать уколы на ночь, чтобы утро начинать бодро. Пока еще есть возможность, нужно следить за этим. В последнее время, я начал жить по-другому, и мне это понравилось. Я понял, что нужно ценить последние вздохи, чувства, взгляды. Пусть это бесполезно, но ради этого я готов прожить ещё немножко. Да, я принял факт того, что я вот-вот умру, но... хотелось бы ещё немного побыть рядом с человеком, который заботился обо мне.

Юля — человек с огромным сердцем. Она ворвалась в мою серую жизнь и всеми способами пытается ее разукрасить. Я не знаю, что творится в ее голове, но там явный хаос. Она — ураган. Никогда не сидит на месте. Вечно чем-то занята, но несмотря на всю занятость успевает уделить мне все своё время. Она — невозможность. Она — это то, о чем я никогда не мечтал. Она — глоток свежего воздуха. Она — жизнь.

Я продолжал лежать в машине, укутанный невесомым плюшевым пледом с кошачьими лапками и наблюдал за тем, как девчонка сидит с ноутбуком на коленях. Она громко стучала длинными ногтями по клавиатуре, качала головой в такт музыки, играющей у нее в наушниках и иногда задумчиво смотрела на экран, будто бы что-то пыталась вспомнить. Мне было интересно чем она занималась. Нужно было вставать и начинать... вернее, продолжать день.

Я тихонько дотронулся до Юлиной ноги, стараясь не напугать ее, но она была слишком увлечена, и мое прикосновение все-таки напугало ее. Она взвизгнула, вытаскивая наушник из уха и ударила меня по руке.

— Ты сдурел так пугать?! — начала возмущаться Юля, закрывая ноутбук и убирая наушники в сторону.

Я рассмеялся. Не понимал, почему она так испугалась, ведь было бы куда хуже, если бы ее позвал. Приняв сидячее положение, я сложил плед и положил его рядом.

— Как ты? Нормально все? Лучше себя чувствуешь? — начала Юля свои расспросы, надевая кроссовки и натягивая кофту.

— Да... получше, но чувствую себя, как... выжатый лимон. — Усмехнулся я, проводя руками по лицу. — Ты... сделала мне укол?

— Да! Это было классно, но... я так испугалась, когда вернулась в машину, а ты не реагируешь на меня. Надеюсь, что я все-таки правильно сделала укол.

— Спасибо.

Она за несколько дней сделала для меня столько всего хорошего, что я просто должен был ее как-то отблагодарить, но... я не знал, как это можно сделать? Да и вряд ли ей нужны мои благодарности. Смешно будет, если она одна из тех аферисток, которых показывают по новостям или о каких пишут в газетах под заголовком «Будьте бдительны».

— Может быть нам стоит съездить куда-нибудь перекусить? Я проголодалась, пока ждала тебя.

Есть я не хотел. Да и чувствовал себя после укола, как овощ. Слабость отзывалась дрожью во всем теле, но я понимал, что нужно чем-то перекусить, тогда это чувство пройдет

чуть быстрее. Юля убрала ноутбук, вернула сиденья в прежнее положение и сразу же направила машину к ближайшему кафе. Я весь путь до заведения пытался привести свое заспанное лицо в порядок, но все равно выглядел ужасно. Да и вообще, кто будет смотреть на меня? Я болен, мне не до этого. Накинув куртку, я взглянул на часы. Пол дня уже прошло, а я ничего не успел сделать. Ещё один день в пустую. Я еще на один день ближе к смерти. Странно, что эти мысли меня не пугали, наоборот вдыхали в меня жизнь. Я хотел жить. Хотел, чтобы эти последние дни стали для меня тем, что я буду вспоминать в момент агонии. Хочу умереть с улыбкой на лице.

— Поговори со мной, пожалуйста... Не люблю когда ты молчишь. — Вдруг сказала Юля, взглянув на меня. — О чем ты думаешь?

— Тебе и правда интересно?

— Если ты перестанешь говорить о смерти, то да.

— К сожалению, мне придется молчать.

Она лишь вздохнула и снова перевела взгляд на дорогу. Если бы она знала, что творилось внутри меня, поняла бы мои мысли. Внутри меня будто бы была бомба замедленного действия. В любой момент могла рвануть... Даже сейчас. Я чувствовал себя не особо хорошо, что означало, что мой организм не понимал происходящего. Он боролся, но сил оставалось все меньше. В один момент он сдастся, и все закончится. Эта боль. Эти мысли. Эта дрожь и слабость, из-за которой я уже давно не чувствовал себя полноценным человеком. Я не чувствовал себя мужчиной. Сильный и стойкий — не про меня. Я стал размазней, у которого в любой момент могут отказать ноги, и я просто буду сидеть и ждать, когда это пройдет. И ведь с каждым разом мне становится все хуже, длительность обезболивающего становится все меньше, а боли сильнее.

Она остановила машину у кафе, где я раньше бывал достаточно часто. Мне нравилось сидеть за столиком у окна, пить кофе и писать свои книги, которые теперь находились на флешке в мусорном ведре. Вместе с другими моими желаниями и местами. Единственное, что оставалось — это тетрадь желаний, которую Юля таскала везде с собой.

Мы вышли из машины. Я запахнул куртку, взглянул на девчонку, которая выскочила из машины в лёгкой кофте, не желая тратить время на то, чтобы одеться.

— Тут два шага, что я буду, как дурочка?! — сказала она на мое замечание и покачала головой.

Нужно беречь себя. Я не сберег, и мой организм устроил мне игру в «русскую рулетку». Но пока все было под контролем. Игру вёл я, но прекрасно понимал, что рано или поздно она выстрелит. Нужно быть к этому готовым и раз уж так вышло, что Юля теперь всегда была рядом — подготовить и ее.

— Ты не должен об этом думать! — огласила Юля, когда нам принесли заказ.

Наверное, я снова отвлекся и что-то прослушал. Но по её лицу я понимал, что она в растерянности. Неужели, волновалась за меня? Переживала? Почему? Я ведь совершенно чужой для неё человек. А может быть я размышлял о чем-то вслух?

— Ты о чем? — не понял я, пытаюсь прояснить ситуацию.

— Марин, я же по твоему выражению лица вижу, что ты только и думаешь, как от меня избавиться.

— Не правда. Сейчас я думал о другом. — Улыбаясь произнес я, ковыряясь в тарелке с завтраком.

— Ешь, давай.

Мы говорили о чем-то за завтраком. Не о важном, наверное, поэтому я и не запомнил о чем именно, но это было увлекательно. Я потерял счёт времени. Сколько мы пробыли в том кафе? Час? Два? Возможно и больше.

На улице шел снег. Новогодняя атмосфера потихоньку заполняла весь город. В кафе, только спустя эти несколько часов я увидел небольшую искусственную ель, на макушке которой вместо звезды висела шапочка Санта Клауса. Забавно. Мне внезапно захотелось украсить квартиру мерцающими гирляндами, поставить живую ель, есть мандарины и смотреть новогодние фильмы. Да, ситуация мне не позволяла расслабляться, но я захотел этого. Просто хотел сидеть на диване, вытянув ноги, чистить мандарины, чтобы их запах вмешался с запахом ели и смеяться, в сотый раз пересматривая «Один дома». Я хотел поделиться этим желанием с Юлей, но она пулей выскочила из-за стола и побежала на улицу. Я попросил счет, высматривая девчонку в окно, но не видел. Оплатил счет и поспешил за Юлей. Она стояла рядом с каким-то мужчиной, съездившись от холода и что-то громко выясняла. Лишь подойдя ближе, я понял, что её машину увез эвакуатор за неправильную парковку.

— Кто сказал, что здесь парковаться нельзя? Кто?! — громко голосила Юля.

Я снял с себя куртку, накинул на её плечи и почувствовал, как ледяной ветер тут же просквозил все тело. Ничего. Я в теплом свитере. В последнее время часто мерзну. Да и до дома не так далеко. Повезло, что живу почти в центре.

— Девушка, я вам еще раз говорю, здесь парковаться нельзя. — Твердил мужчина, которого никак не отпускала Юля, требуя вернуть ей машину.

— У меня там деньги! У меня там вещи! Телефон в конце концов! Как я оплачу ваш штраф, если все деньги в машине остались?!

— Юль, — вмешался я, потому что понимал, что она явно наломает дров.

Оказалось, что девчонка необычайно вспыльчивая. Но со мной она не была такой. Даже, когда мы ругались, она молча уходила, либо же терпела и реже спорила.

— Сколько нужно заплатить?

— Я выписал штраф девушке, квитанция у нее.

Повернувшись к Юле, я проследил за тем, как она демонстративно вытянула руку и выпустила квитанцию. Она полетела дальше по улице, кружась в вихре вместе со снежинками.

— Юля! — разозлился я, на что она закатила глаза и снова начала говорить о том, что постоянно парковалась на этом же месте. — Давайте я просто оплачу штраф, и все.

Это никак не входило в мои планы, но зато появился шанс таким образом вернуть Юле, потраченные на меня деньги. Никогда не любил быть кому-то должен.

Спустя полтора часа мы наконец-то вернулись домой. Я продрог полностью. Мне было безумно холодно. Лезть под душ было самым правильным, но я не знал как в таком состоянии настроить температуру. Нужно было отогреться. Подождать, но... тело отходило от холода и мышцы сводило так, что я не мог пошевелиться. Юля, не привыкшая ходить пешком по холоду что-то бурчала, расхаживая по гостинной в куртке.

— О, Боже! — воскликнула она, подбегая ко мне. — Я с этой машиной и вовсе забылась... Марин, прости... ты замерз, да? Да, что я спрашиваю, у тебя даже губы посинели... Прости меня, идем, я наберу тебе ванну. Раздевайся!

Скинув куртку, девчонка прошла в ванную, начала набирать воду, а я просто наблюдал, стиснув зубы. Мышцы никак не переставали вытягивать и выкручивать тело, но я оказался

стойким. Терпел. Юля проверила температуру воды локтем и на мой немой вопрос улыбнулась и пожала плечами.

— Моему брату шесть, отец вечно занят, а мама предпочитает потратить время на салон, чем сидеть с мелким. Бабуля научила меня всему! Я тебя обязательно с ней познакомлю! Она потрясающая!

— Уверен, что она и правда хороший человек, раз ты так ей восхищаешься.

— Она меня растила сама лет до шести, пока мама с папой притирались друг к другу. — Юля прошла мимо меня и кивнула на ванну. — Давай, снимай с себя все и залезай в воду! Скорее, а я принесу тебе чего-нибудь, чтобы прогрело изнутри.

— Я болен...

— Это не значит, что тебе нельзя пить, курить и... — она чуть покраснела и опустила глаза. — Не тяни время, снимай одежду, она вся холодная. От этого и мурашки.

— Какие еще мурашки? — нахмурился я, понимая, что начинаю согреваться.

— Вот эти! — Юля провела пальцами по моей шее, отчего по всему телу пробежал целый рой мурашек. — Так что никаких больше возражений! Или ты заболеть хочешь?!

Она ушла на кухню, а я стоял и не мог понять, что это было... Когда она до меня дотронулась, я почувствовал, как электрический разряд поразил все тело. Странное, но достаточно приятное ощущение. Возможно. Я боролся с этим непонятным чувством, которое зарождалось внутри меня. Нельзя! Нельзя было поддаваться этому. Но как же хотелось почувствовать ту нежность, которой, когда-то двадцатилетний, я упивался ежедневно. Старый идиот.

— Ты... нарочно это делаешь? — услышал я и рассмеялся, как ненормальный.

Меня забавляла эта детская злость, надутые губы и растерянность в глазах. Юля боролась сама с собой. Говорила одно, делала совсем другое. Она молча протянула полный бокал красного вина мне, и я выдохнул. Не хотел пить, к тому же... после этих уколов алкоголь мог только усугубить все. Но Юля была права... Если у меня рак — это не значит, что я не могу жить так, как хочу. Подумаешь... смертельная болячка. Осталось совсем немного, но это «немного» я проживу так, как хочу. Хочу насладиться жизнью в последний раз. И в предсмертной агонии я буду видеть только эти моменты. Завтра же начну жить в своё удовольствие.

— Пей! Что ты как маленький?! — возмутилась Юля, и я тут же взял бокал из ее рук и залпом выпил все до самого дна. — Ну вот! А теперь раздевайся и прыгай в ванну!

— Давай я без тебя это сделаю.

— А если тебе станет плохо? Ладно, но дверь не закрывай, потому что в случае чего, я не смогу ее выбить, как в фильмах делают.

Теплая вода ласкала тело снаружи, вино грело изнутри, а в голове выстраивался план завтрашнего дня. Я хотел провести его с кем-то, кого давно не видел. Сразу же решил, что позвоню Сереге. Мы же все детство провели вместе, а тут... нужно поговорить с ним, я слышал, что у него родился второй сын недавно. Нужно бы поздравить, пусть и с опозданием, но поздравить. Я прикрыл глаза и почувствовал, как каждая мышца подрагивает, расслабляется в теплой воде. Вспомнил то... нечаянное прикосновение. Алкоголь вовсе расслабил меня. Я думал не о том, о чем должен был. В моем воспаленном мозгу вырисовывались настолько пошлые и отвратительные картинки, что мне самому от себя было противно, но я не мог это остановить. Хотел хотя бы помечтать. Просто представить, что было бы, если был хоть немного увереннее в себе.

Сколько можно?! Я выдохнул и прикрыв глаза, погрузился в воду с головой. Вода тут же попала в уши. И я не слышал ничего, кроме этой глубинной тишины.

Снова вспомнил детство. Лето в деревне у бабушки. Мама тогда все лето проработала в городе, отец все еще находился в тюрьме, а бабушка делала все, чтобы зимой мы не бедствовали. Я же отдыхал от школы, одноклассников и учителей, которые меня почему-то не любили. Хотя скорее всего они не любили мою увлечённость литературой, ведь даже на серьезной контрольной не упускал возможности прочесть хотя бы пару страниц любимой книжки. Отчаянным пареньком рос. Мечтал о великом будущем! Мечтал стать известным писателем, о котором говорил бы каждый.

Тогда мы с Серегой, который на месяц приехал с родителями на дачу, пошли на речку. Сначала планировали только порыбачить. Даже для этого специально проснулись пораньше. Наловили полведра мелких рыбешек, а потом решили поплавать. Плавали, играли в мяч в воде, потому что Серега видел такое по телевизору. Мы играли, веселились. И я не помню, как дело дошло до драки. Наверное, мы так бесились, а может быть одно неловкое слово разожгло конфликт. Есенский всегда был нытиком.

Я помню, как он навалился всей своей массой (а в детстве он не был худеньким, в отличие от меня) навалился и не давал мне всплыть. Я задержал дыхание. Вода резала глаза, но я видел мутное дно, водоросли и слышал эту тишину, которая царила под водой. Эта тишина поглощала меня. А когда я открыл глаза, уже лежал на песке. Рядом сидел перепуганный до чертиков Серега и плачущая бабушка. Тогда я не понимал, что происходило, но теперь прекрасно знал, почему она плакала. Если бы я мог изменить прошлое, я бы просил у неё прощения, целовал её теплые морщинистые руки и просил простить меня.

Меня вытянули из воды с такой силой, что я испугался, что в квартиру кто-то ворвался. Протер лицо руками и взглянул на перепуганную Юлю, которая плача что-то кричала. Эта ситуация напомнила мне тот случай из детства. Только тогда плакала бабушка, а сейчас это делала Юля. Ее всю трясло от страха, а может быть от того, что она сдерживалась, а не устроила мне истерику. Лучше бы кричала.

— Юль... — начал я, ища глазами что-нибудь, чтобы прикрыться и не смущать девчонку, но она и не думала рассматривать меня.

Я протянул к ней руку, но она отскочила отмахнувшись. Слезы ее душили. Тело не слушалось. Я видел как дрожат ее руки.

— Что ты за человек такой? Я пытаюсь... стараюсь сделать хоть что-то, чтобы... а ты... Ты — самый настоящий эгоист! Вот ты кто! И один ты только потому что не ценишь человеческую помощь! — разошлась она, пытаясь выплеснуть на меня весь негатив, который находился в ней за это время.

— Юля, послушай...

— Нет, не буду я тебя слушать! Не буду! Так же, как и ты не слушаешь меня!

Я не злился на нее. Понимал, что она испугалась и наверное очень сильно, потому что... зайти и увидеть «утопленника». Но достаточно смешно, что она решила, что я захотел таким образом свести концы с жизнью. Это сильно, но глупо. Я только захотел жить... благодаря ей.

Мне все же удалось ухватить Юлю за руку, и я потянул ее ближе к себе, чтобы она не расхаживала по всей ванной и не увидела того, чего видеть не нужно было. Но то ли я не рассчитал силы, то ли она была слишком увлечена чтением нотаций, потому что неуклюже

пошатнулась и в то же мгновение грохнулась ко мне в ванну. Выглядело это забавно только со стороны. Я испугался, что она могла удариться. Но Юля молчала, значит не ударилась. Она лежала у меня на груди вся мокрая, ошарашенная и... я не мог прочесть весь спектр эмоций гуляющих по ее лицу. Юля смотрела на меня открыв рот. Впервые мы были настолько близко друг к другу. Я рассматривал ее лицо: огромные голубые глаза, маленький носик, большие розовые щеки и губы... Мой взгляд остановился именно на них, и я клянусь, что если бы не держал себя в руках, алкоголь бы сделал то, о чем я потом жалел бы всю оставшуюся жизнь. С одной стороны — не так долго бы и жалел, с другой — я не хотел портить остатки своих дней.

Молчание затянулось. Слишком. Нужно было что-то сказать, но я не успел. Заметил, как Юля, пересилив себя, потянулась ко мне, чтобы поцеловать и вовремя успел отвернуть голову. Она этого хотела. Хотела, чтобы я поцеловал ее, но... это было бы неправильно.

— Почему?! — возмутилась Юля, растерянно глядя на меня, но что я мог ей сказать. — Почему, объясни мне?! Я тебе совсем не нравлюсь?

— Юля, прекрати это. — Я помог ей вылезти из ванной и едва успел остановить, чтобы она не разделась прямо передо мной. — Ты еще слишком...

— Молодая? И что?! Это ведь даже лучше, разве нет? Я думала...

— Давай мы не будем об этом говорить, пока я в таком... виде. — Я пытался не ругаться с ней, потому что понимал ее чувства, но она была слишком упрямой.

— Нет, мы будем говорить прямо сейчас! Я бегая вокруг тебя, помогаю, исполняю твои желания, а ты... ты даже не пытаешься ответить мне взаимностью!

— Я не просил и не прошу тебя исполнять мои желания. Я даже не прошу сидеть со мной целыми днями! У тебя, я уверен, есть другие дела, так занимайся ими, а не... — я провёл рукой по лицу и покачал головой, пытаюсь сказать следующую фразу, как можно мягче. — Мне еще рано нанимать сиделку.

Юля закусила губу, видимо боялась резко отозваться обо мне, но глубоко вздохнула и прошла к двери, шлепая мокрыми ногами по кафелю.

— Ты глупый и неуверенный в себе неудачник.

— Я знаю...

— Так если знаешь, почему не исправляешь это?! — крикнула Юля обернувшись ко мне.

Я пожал плечами, понимая, что она права. Все ее слова ранили меня, так же как ее ранил мой отказ, но... я ведь был прав.

Приняв душ, я прошёл в спальню, где творился полный хаос. Все вещи из шкафа валялись на полу. Сразу понятно, что кто-то что-то искал. И даже не кто-то, а Юля, потому что среди этого бардака я нашел ее мокрые вещи.

Переодевшись, я бросил все вещи в стиральную машину и прошел в гостиную, где сидела Юля. Она сидела в моем старом черном свитере. Ей он был велик. Даже слишком, потому что она в нем казалась еще меньше. Со мной Юля не разговаривала, да и мне нечего было сказать. Ну а что я мог? Ровным счетом — ничего. Может быть все шло из детства? Все комплексы оттуда.

Сначала дразнили за мою худобу — в начальных классах, потом за бледность и прыщи — в старших, за ум — в университете, за быстро выполненный план — на работе. Сейчас у меня был единственный комплекс — мой диагноз. Я не мог жить в полную силу. Боялся выкурить лишнюю сигарету, боялся выпить больше обычного. С этой болезнью я стал

другим человеком, но таким же неудачником.

Я прошел на кухню, поставил чайник и прикрыл глаза, думая о том, что произошло в ванной. Почему я так сделал? Потому что собрался умирать? Или может быть я боялся того, что... если дело пойдет слишком далеко, я облажаюсь? Стиснув зубы, я сделал глубокий вдох, выдохнул и попытался отогнать от себя эти мысли. Как я вообще смел такое думать еще и о ней... о человеке, который меня пытается вытянуть из этого дерьма.

— Так, ладно, что там у нас по плану? Какое желание следующее? — я сел рядом с Юлей и хлопнул в ладоши, стараясь делать вид, что ничего не произошло.

Юля молчала. Не поворачивалась ко мне и смотрела куда-то: то ли в стену, то ли в окно. Неужели, я обидел ее настолько сильно? Но я же не сказал ничего обидного... или сказал? Мой мозг сейчас плохо соображал. От каждого укола я становился все ущербнее и ущербнее. Мог забыть, как называется какая-то нужная вещь. Может это я себя накручивал? Выдумывал себе больше болячек, чем было. Такое ведь часто бывало.

— Ну извини, если я тебя обидел. Только я не понимаю чем? — я пожал плечами, не сводя взгляда с нее. — Юль... я же хочу как лучше. Не хочу, чтобы у тебя потом были плохие воспоминания связанные со мной. Я вообще не хочу, чтобы ты... ломала себе жизнь, таскаясь со мной. Мы знакомы не так много, но...

— Я не хочу... — ее голос дрожал, и только тогда я понял, что она все это время плакала. — ...чтобы ты умирал...

Она еле выдавила из себя эти ужасные слова, а потом прикрыла лицо руками и зарыдала в голос, отчего мне стало страшно. Я глубоко вздохнул, понимая, что своим поведением еще больше могу навредить ей. Но она принимала меня всяким... и за грубым мной таскалась, и за обычным... Дура малолетняя! Не понимает ничего.

Я аккуратно приобнял ее за плечи, но что-то подсказало мне сделать по-другому. Сев удобнее, я прижал ее к груди и уткнулся носом в ее волосы. Юля пахла сиренью. Запах сводил меня с ума, но я пытался успокоить ее, как мог. Как успокаивали меня в детстве. Я обнимал ее, гладил по волосам, но она продолжала всхлипывать.

— Ну что ты сырость развела? Я же еще жив, а ты уже плачешь так будто я уже... — я замолчал, понимая, что такими речами и вовсе введу ее в истерику. — Ты права... я неудачник, и всегда им был. В школе учился так же плохо, как и все, боялся, что со мной перестанут дружить из-за того, что я умнее. А когда устроился в один журнал, специально делал опечатки. Боялся, что начальник подумает, что я беру это все с интернета. И получал за эти опечатки выговоры постоянно. Из-за неуверенности в себе впервые поцеловался в двадцать лет.

— То есть ты не умеешь, поэтому не поцеловал меня? — она подняла голову, и я рассмеялся.

— Ты только что плакала.

— А ты... — она вытерла слезы ладонью и громко всхлипнула. — Ты обидел меня!

— Постой, — я наклонился к ее лицу, вдохнув и все-таки уловил легкий аромат. — Ты что выпила?

— Нет! — сразу же откликнулась Юля, возвращая свою голову мне на грудь и прикрыла глаза. — Я не пью, я же за рулем.

— Сегодня ты без руля, и без моего присмотра. Ты хоть своих предупредила, что удержишься?

Я начал паниковать. За окном темнело, стиральная машина только начала стирать, а

пока вещи Юли высохнут, пройдет еще немало времени. А если ее родители узнают... они меня похоронят заживо. Но я же ничего не сделал. Хотя, кто будет разбираться? Нужно было вызвать ей такси.

— Мой телефон остался в машине, а машину я заберу только завтра, так что мне можно немного расслабиться.

И правда, что я так разволновался? Она взрослая уже... Да уж, только сейчас понял, что сам запутался в своих же мыслях. То она маленькая, то взрослая. Оказывается, это тяжело.

Мы просидели в тишине еще немного, а потом Юля предложила исполнить еще одно мое желание. Какое? Нужно было вспомнить, что когда-то писал в свою тетрадку желаний.

«6. Научиться играть в шахматы».

Не помню для чего мне это было нужно, но желание было достаточно интересным. У меня редко возникало желание чему-то учиться. Да, в университете я старался быть лучшим, но ближе к третьему курсу до меня дошло, что как бы я не старался — отлично мне никто не поставит. Почему? Просто потому что я получил бюджетное место, а бюджетников никто не любил. Это сказал Серега, когда мы вечерами собирались и делились с ним новостями. У него все было отлично в плане работы уже тогда. Он заочно учился и писал статейки в местной газете. Когда я окончил университет — Есенский уже был редактором какого-то модного журнала, но это дело ему быстро надоело, и он занялся писательством. Написал свой первый роман, дал мне на редактуру и... я уже тогда понял, насколько велик Серега в этом деле. У него были классные обороты, он знал в какой момент нужно было ввести нового персонажа, а я третий год корпел над своим романом.

Первый его успех был грандиозным. Куча поклонников, огромный тираж и... отказ от услуг редактора. Он отказался от моей помощи, сказав, что не сможет платить другу. Может быть просто я был таким завистливым... не порадовался его успеху, только завидовал и думал, почему я не на его месте?! А когда узнал о болезни, то и вовсе возненавидел весь мир, а нужно было просто порадоваться за друга, за здоровых людей, да за самого себя в конце концов.

Юля притащила из кабинета мой ноутбук, взяла со столика телефон, села рядом со мной и принялась вбивать в поиск запрос: «Шахматы. Онлайн». Я не любитель всех этих компьютерных игр, но провести вечер в компании Юли и пытаюсь научиться играть в шахматы (пусть даже и ненастоящие) — думаю, что очень даже хорошая идея. Она нажала на какую-то кнопку на клавиатуре, и громкая музыка заорала на всю квартиру. Юля вздрогнула, но тут же рассмеялась и, сбавив громкость, начала искать в телефоне, как правильно играть в шахматы. Весь вечер мы потратили на теорию. Юля читала вслух, а я пытался все запомнить. Забавно, но оказалось, что в настоящие шахматы играть очень даже сложно, но вот Шахматы. Онлайн были игрушкой для детей.

— А у тебя нет настоящих? — вдруг спросила Юля, и я, сам не понимаю почему, встал с дивана и отправился в кабинет.

Нет, шахматы нигде не могли завалиться. Когда я въезжал в нее она пустовала, так что от старых хозяев ничего не могло остаться, но... я знал, как можно развлечь нас обоих. Достал целую стопку чистых листов, карандаши, клей и вернулся.

— Что ты собираешься делать?

— Хорошо провести вечер, играя в шахматы! — усмехнулся я, склеивая два листа вместе и расчерчивая все.

Юля с интересом смотрела на то, как я занимался ерундой, пытаюсь растянуть время.

Через пару минут она присоединилась ко мне и охотно начала рисовать разные фигурки, высматривая в телефоне, как правильно. Получалось у нас не очень хорошо, но мы здорово проводили время. Мы заказали пиццу поздно вечером. Раньше никогда не питался таким, но... готовить даже бутерброды не очень хотелось. Вообще не хотелось делать ничего. Просто сидеть, говорить о чем-то нелепом и видеть, что это обоим доставляет удовольствие.

— Почему это слон?

— Ну вот же хобот.

— Не-е...

— Да.

— Вот лошадь похожа на лошадь, а этот твой слон вообще ни на что не похож. —

Ворчала Юля, чем безумно привлекала.

— Это не я придумывал фигуры, Усики.

— Эй! — она рассмеялась и погладила меня по плечу. — Я же говорила, что это некрасиво.

— Ты сама так представилась.

— Я сказала, что я представляю волонтерскую команду «Усики».

— Долго придумывала? — усмехнулся я, обернувшись на девчонку, жующую огромный кусок пиццы.

— Ты вообще-то мне поверил.

— Так ты не волонтер?

— Я э-эм... ну...

Я рассмеялся, продолжая вырисовывать шахматы. Юля нарисовала кривую лошадь, долго смеялась с того, как «красиво» у нее получилось и вешалась мне на шею, чего раньше не позволяла. Наверное, сегодняшнее происшествие нас немного сблизило. Странно, что все вот так происходит. Незнакомые люди становятся ближе, просто проводя время друг с другом. Нужно будет обязательно упомянуть об этом в своей книге. Но это потом.

Мы так и не закончили с шахматами. Юля уснула на диване, и я ушел к себе в спальню. Переоделся, взглянул на время, сделал укол и погрузился в болезненный сон. Мне снился двор, в котором я рос. Мне снова пять, отец и мама на работе, бабушка, как всегда, сидела с соседками на лавке. Что-то обсуждали. Возможно, даже что-то интересное, потому что никто даже не заметил мой новый костюм, не сказали какой я красивый. Да оно и лучше, больше времени останется на игры. Беготня вокруг песочницы — лучшая игра, особенно, если представляешь, что за тобой гонится медведь или волк про которых бабушка обычно рассказывала сказки. Я уже успел набегаться, а бабушка никак не хотела возвращаться в квартиру. Мне не стоило лезть на качели самому. Хрупкий и мелкий я — попросту не мог самостоятельно туда залезть, но... получилось. Как же я был рад. Раскачивался взад-вперед. Обычный сон, ничего страшного, но радости было недолго. Приснилось, как упал с той качели. Разбил губу. Такая тягучая боль, которая отдает в зубы, да и вообще во всю челюсть медленно наполняла меня. Было такое ощущение, будто бы череп что-то сдавливало настолько сильно, что я не мог раскрыть рта. Меня разрывало от боли изнутри, а я не мог проснуться, как бы не пытался. Истекал кровью, чувствовал этот привкус во рту, запах и подступающую от страха тошноту. Голову продолжало сдавливать.

Проснулся по инерции, не понимая, что происходит. Тело не слушалось, а тошнота подступала все сильнее. Я не спал, но чувствовал все то же, что и во сне. Просидев в полной темноте пару минут, я почувствовал, как что-то разрывается внутри, и еле успел свеситься с

постели. Меня стошнило. Я захлебывался, но не мог себя остановить, понимая, насколько это выглядит отвратительно.

Свет резал глаза, я прищурился, вытирая рот ладонью и взглянул в сторону двери. В комнату ворвалась Юля. Она выглядела встревоженной и сонной. Представлял, насколько громким был, но... что я мог сделать? Юля стояла и смотрела, а я почувствовал, как меня вновь начинает тошнить.

Я проснулся.

Вздрыгнул, чувствуя, как чьи-то холодные руки гладят мое лицо. Тошнота подступала к горлу все сильнее, я свесился с постели. Меня рвало, как никогда. Голову сдавливало, но кто-то продолжал гладить меня, уже по плечу. Взгляд не фокусировался. Уши словно заложило, я не слышал ничего.

— Все хорошо... все хорошо... не обращай внимания... — услышал я, словно через стекло кто-то кричал, когда снова уронил голову на подушку.

Что-то холодное легло на лоб, и я вздрогнул, собираясь скорее убрать это, но не дали этого сделать. Постепенно начинал приходить в себя. Повернул голову и увидел, сидящую рядом Юлю. Она держала мокрое полотенце, чтобы оно не упало с моего лба и гладила по плечу, говоря, что все хорошо. Если бы она знала, как мне было плохо. Меня бросало в жар, тошнота не проходила.

— Что... со мной?.. — прохрипел я и не узнал своего голоса.

— Ты весь горишь, — она приподняла полотенце и приложила ладонь к лбу, но тут же вернула все обратно. — Я вызову скорую. У тебя в аптечке нет ничего от температуры.

— Не надо... до утра пройдет...

— Ты уверен?

Я кивнул и вновь почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком. Это происходило несколько раз в моей жизни. И последние разы были из-за таблеток, которые поддерживали мое состояние. Я лежал, свесившись с постели и не мог остановить этот ужасный процесс. Не слышал, как и когда Юля успела вызвать скорую, но когда начал приходить в себя увидел, как она роется в моих вещах, собирая что-то.

— Что... ты делаешь?

— Ищу документы твои? Марин, мне страшно... — я увидел, как ее губы содрогнулись, она забралась ко мне в постель и крепко обняла, прижав меня к себе.

Я почувствовал ее тепло... запах ее тела и сирени вскружили голову. Мне оставалось прикрыть глаза и послушать, как бьется ее сердце. Оно колотилось от страха. Хотелось ее успокоить, сказать, что все будет хорошо, также как она говорила это пару минут назад, но открыл глаза и увидел серый потолок. Меня пошатнуло. Потом еще. Взгляд рассеивался, но я прекрасно понимал, что нахожусь в карете скорой помощи. Я пропустил момент, когда приехали врачи и когда согласился ехать. Или они забрали мое бессознательное тело? А если я вообще умер? Я поднял руку к лицу и ущипнул себя. Чувствую, значит жив. Только потом заметил доктора, сидящего рядом. Он смотрел на меня, как на идиота. Конечно, они не любили вызовы среди ночи, а я был против, но... Юля... где была она?

— ... — я попытался что-то сказать, но горло сковало болью, а грудь разрывалась от жжения.

— Тихо, тихо, тихо... — взволнованно начал доктор, положив руку мне на плечо.

Я не мог терпеть эту боль, чувствовал, как по щекам текли горячие слезы, которые вырвались произвольно. Возможно, я умру не от рака. От этой мысли мне стало безумно

смешно, но в голос смеяться я не мог. Все тело внезапно показалось мне ватным. Я закрыл глаза и прислушался к боли. Раз я когда-то провинился, значит это было моим наказанием. Я был непоседливым ребенком, мог натворить много плохого, но... расплата была намного хуже. В последнее время все в этом мире хотели меня скорее убить... Все, кроме одного человека. Все, кроме Юли.

°4. Дилемма

— ...перерыла, и так и не нашла твои документы. У тебя паспорт и документы на квартиру в одном месте, а медицинский полис совсем в другом! Ох, как же ты меня напугал... — Юля расхаживала по палате, размахивала руками и не замолкала уже минут сорок. — Повезло, что скорая быстро приехала! Кстати, я же забрала машину, сразу же полезла в телефон, а там столько пропущенных от папы. Приехала домой, оказалось, что он даже не заметил, что меня не было всю ночь. Потом оказалось, что названивал мне Эрик. Вернее просто играл с телефоном. Ладно, я оставлю тебя ненадолго. А ты поспи. Доктор сказал, что тебе сначала следует отлежаться, а потом сдать целую кучу анализов.

У меня голоса не было, и казалось, что девчонка этим пользовалась.

— Нет, вот ты только глянь! — она присела на край больничной койки, на которой лежал я и показала мне лист, где что-то было написано, но я не стал всматриваться. — Анализ крови, рентгенограмма грудной клетки, пульсоксиметрия, анализ мокроты... компьютерная томография. Ужас какой-то... они решили деньги с тебя срубить или лечить? Не переживай, я со всеми разберусь, только узнаю, что это за... анализы такие. Ладно, все, я поехала, а ты выздоравливай скорее! У нас вообще-то куча планов!

Юля провела рукой по моей груди и улыбнулась, затем глубоко вздохнула и, забрав сумочку, вышла из палаты. Странно, что доктор вообще ее впустил ко мне. Да и то, что я заболел — тоже казалось мне странным. Слабый иммунитет у меня был в детстве, в школе, в университете, но как только начал работать окреп и болел редко. Значит, это все из-за моей смертельной болячки, которая никак не могла добить меня. А ведь теперь я не хотел умирать. Я решил бороться до конца. До самого конца.

Мне снова семь. Я бегу из школы, по хрустящему снегу, крепко держа старенький портфель, доставшийся мне от отца, в руках. Торопился рассказать бабушке о том, что в эти выходные весь класс повезут в зоопарк. Я подбегал к подъезду, издали заметил маму, еще удивился тому, что она так рано вернулась с работы, но все равно крикнул ей. Она обернулась, сначала одарила меня какой-то грустной улыбкой, затем нахмурилась и сделала пару шагов навстречу.

— Марин, ну сколько раз тебе говорила? — мама присела на корточки передо мной и принялась поправлять мое пальто.

— Мам...

— Весь нараспашку, где шарф?

— В портфеле.

— Почему он там, а не на шее? Ты заболеть хочешь?

— Мам, ну нет! Знаешь, что нам сегодня сказали?! — не унимался я, на что мама лишь рассмеялась, поцеловала меня в щеку и, взяв за руку, повела домой.

Стоило мне переступить порог дома, как я услышал запах чего-то жареного. Пробежал от двери до кухни, не снимая ботинок и замер. Слышал, как мама сердито засопела и взглянул на нее.

— Ты только посмотри что приготовила бабушка! — воскликнул я, указав пальцем в сторону кухни.

— Быстро раздевайся, мой руки и за стол. — Тихо рассмеялась бабушка, выглянув в коридор и удивилась, увидев маму. — Так рано?

Я слышал, как тяжело вздохнула мама и начала раздеваться. Шубка, шапка с шарфом и сапоги отправились на свои места, а мама в привычном темно-зеленом платье подошла ко мне, помогая раздеться. Я витал в облаках от приятных запахов, от мыслей о зоопарке и о том, что остаток дня проведу с мамой. Она поможет мне сделать уроки, почитает перед сном сказку и ляжет со мной спать.

— Беги, переодевайся, — сказала мама, погладив меня по волосам и поднялась, проходя на кухню.

Я не слышал о чем они с бабушкой говорили, пока переодевался, но пройдя на кухню, увидел, как мама быстро вытерла слезы. Но ее красные глаза было не скрыть. Что-то случилось. Бабушка достала тарелки, поставила чайник на плиту и громко охнула, когда крышка кастрюли упала из ее рук.

— ...не переживай, проживем как-нибудь. Раньше хуже было. — Сказала бабушка, поставив передо мной тарелку с картофельным пюре и котлетой.

Настоящей, жареной котлетой. Я вдыхал запах жареного и наслаждался, взглянул на маму, которая была удивлена не меньше меня. Бабушка тихо посмеивалась.

— Мама, откуда? — спросила мама, глядя на бабушку, которая уже наливала теплый чай с сахаром.

Я взял в руки ложку (потому что вилку мне еще не доверяли, боялись, что выколю себе глаз) и отломил кусок от котлеты. Видел, как мама прищурилась и присмотрелась, а затем закатилась громким смехом. Бабушка подхватила, а я не понимал почему они смеются? Эта котлета была необыкновенно вкусной и такой ароматной, что я и не заметил, что она была далеко не из мяса. Бабушка была превосходным кулинаром, либо просто пыталась меня удивить. Но котлеты из геркулеса — совсем не отличались от настоящих. Хотя вкус настоящих я давно уже забыл.

— Как в школе дела? — вдруг спросила бабушка, и я вспомнил, что так и не рассказал ничего.

— Нас на выходных повезут в зоопарк! На зверей настоящих смотреть! — визжал я, прыгая по кухне так, что у соседей, наверное, потолок обвалился.

— В зоопарк? — удивилась мама, переглянувшись с бабушкой, после чего улыбнулась и раскрыла объятия.

Я не раздумывая обнял ее так крепко, что начал задыхаться.

Проснулся от кашля. Грудь разрывалась от боли. В горле все жгло. Я поднялся с койки. Почувствовал слабость и сильное головокружение, но мне нужно было привести себя в порядок, прежде чем вернуться домой. Я не любил больницы и этот мерзкий запах хлорки и других каких-то примесей, от которого подташнивало. Но стоило мне выйти из палаты, как я столкнулся с доктором. Он принялся что-то объяснять, потом отправил сдавать анализы, сказал, что все оплачено... только это меня и ввело в некий ступор. Я чувствовал себя альфонсом и скорее всего так же считал этот доктор.

Он меня чуть ли не сам проводил сначала до одного кабинета, затем до другого. Не понимаю, почему он так носился, но уже часам к четырем я вымотался так, что готов был лечь хоть на лестнице. Услышав голоса под ней, я спустился и понял, что там находилась курилка, по кашлю понял, что они были, как и я. Хотя, я не знал что это со мной. Либо простуда, либо же это все от рака... хотя, вряд ли горло будет от этого болеть.

Сигаретный дым резал глаза, и я не сразу рассмотрел людей, которые там были, но...

— Да ла-а-адно?! — услышал я знакомый голос и присмотрелся.

Светловолосый мужчина в пижамных штанах и красной футболке развел руки в стороны. Пару минут не понимал, что происходит, но... присмотревшись понял, что это мой друг! Сам Есенский. Не очень хорошее место для встреч, но я был рад, увидеть кого-то из своего окружения.

— Тебя не узнать, — прохрипел я, понимая, что от толстопузого паренька ничего не осталось.

— Ну а то! Стараюсь! — он подмигнул рядом стоящей курящей девушке, которая тут же залилась смехом. — Ты постарел. Не думал подкрашивать седину?

— И так пойдет.

— Ну да, ну да. Как с работой? Слушай, у меня в первых числах января будет презентация новой книги, приходи! — он выдохнул клуб дыма и усмехнулся.

— А я все так же, работаю. Начал работу над новой книгой, но... боюсь, что не допишу.

— Ой, да ладно тебе! — Серега ударил меня по плечу и кашлянул. — Зараза какая-то пристала. Третью неделю тут валяюсь.

Я смотрел на Серегу и чувствовал лишь зависть, которая росла все больше. Все детство — он был лучше. У него всегда были лучшие игрушки, вещи, да и питался он лучше меня. Местами я понимал, что человек, которому это все легко давалось — не ценит жизнь, но... я ведь тоже не ценил. Злился из-за хмурой погоды, из-за солнечной. Меня раздражало пение птиц, и еще больше тишина. Я ненавидел книги, но писал их и продолжаю это делать, зная, что так и не смогу насладиться результатом.

— Как семья? — спросил я, взглянув на бывшего лучшего друга и прислонился спиной к стене.

Он махнул рукой, затушил окурок и выдохнул дым в мою сторону. Я кашлянул, снова чувствуя, как грудь разрывается от боли.

— Ты совсем сдурел? — услышал я голос Юли и сначала подумал, что сошел с ума, но подняв взгляд увидел ее.

— Это кто? — усмехнулся Серега, кивнув на девчонку.

— Кто надо! — резко ответила она, и за руку потянула меня из курилки. — Идем отсюда! Что ты как маленький?! Полегче стало, да?

Она отчитывала меня так, словно мне было пять, и я что-то натворил. Всю дорогу до палаты, Юля пыталась доказать мне насколько она права, и я внезапно понял, что впервые вижу ее такой злой. Что-то случилось? Стоит ли спросить? Или же лучше промолчать? Я промолчал, хотя нужно было поговорить с ней. Может быть я мог бы чем-то помочь.

Зайдя в палату, она провела руками по волосам и сделала глубокий вдох. Кажется, Юля всегда так делала, когда нервничала.

— Вот что ты делаешь?! — она села на койку и взглянула на меня.

Я сел рядом и вздохнул, сдерживая подступивший к горлу кашель. С каждым вздохом, в горле будто бы щекотали пером.

— А если ты подхватил воспаление легких? И ты тут же стоишь в дыму. Я не знала, что ты куришь.

Кашель вырвался вперед слов. Я кашлял и не мог остановиться. Мне не хватало воздуха, я хватал его губами и кашлял. Слышал, как Юля в истерике звала доктора.

Я бежал в школу со всех ног. Суббота. Девять утра. Через полчаса школьный автобус отвезет весь класс в зоопарк, где много разных животных. А вечером я буду рассказывать бабушке о том, что я видел. Счастью не было предела. Шапка сползала на глаза, я поправлял

ее рукой, но она опять сползала. Издалека заметил ребят и нашу учительницу Наталью Олеговну. Увидев меня, она что-то сказала и мои одноклассники начали заскакивать в автобус.

Подбежав, я поправил шапку и хотел тоже зайти в автобус, но учительница преградила мне дорогу собой и взглянула так, что я испугался.

— Твоя мама деньги не сдавала. — Коротко произнесла она, продолжая сверлить меня взглядом.

Улыбка сошла с моего лица. Я же не знал, что нужно платить. Никто и не говорил о том, что нужно было платить.

— Значит... я не поеду в зоопарк.

— Поедешь, — кивнула она, и я снова, полон надежд хотел заскочить в автобус, — но не с нами и не сейчас. — Добавила Наталья Олеговна, и я отошел от автобуса, заглядывая в окна.

Одноклассники корчили рожицы, смеялись и показывали пальцами на меня, а я стоял, давясь слезами от обиды. Сдерживался, пока автобус не отъехал от школы, но стоило ему скрыться за поворотом, как меня словно окатили ледяной водой. Губы задрожали, по щекам потекли горячие слезы. Я заплакал в голос и, спотыкаясь, побежал домой.

Никто не обращал на меня внимания. Люди шли мимо и не знали, что творилось у меня в голове, да что там... они даже не подозревали насколько велика была моя обида и как разрывалась душа от одной только мысли. Я жил всю неделю мечтой о зоопарке, а реальность оказалась не такой радужной, какой была в моем воображении.

Я постучал в дверь квартиры, сжимая зубы, чтобы не расплакаться. Хотел сказать маме и бабушке, что просто передумал ехать в зоопарк, но стоило маме открыть дверь, как я снова заплакал в голос, прижимаясь к ней.

— Что случилось?! Марин?! Мама! — взволнованно начала мама, закрыла дверь и присела передо мной. — Милый, кто тебя обидел? Тебя ударили? Ты упал?

— Не успел? — спросила бабушка, на что я помотал головой и обнял маму.

Когда я успокоился, сразу же рассказал все и о том, что сказала учительница, и о том, как дразнили одноклассники, и даже как упал, по дороге домой. Видел, как на маминых глазах блеснули слезы. Она крепче прижала меня к себе и всхлипнула, целуя в макушку. Бабушка вышла из комнаты.

— Не злись на меня, милый... я виновата... Если бы... — шептала мама, поглаживая меня по плечу.

— Ирина, прекрати себя винить. Время такое, люди такие. Мрази, да, Марин? — бабушка улыбнулась, вернувшись к нам, взяла меня за руки, и я почувствовал, как она что-то вложила в них. — И в зоопарк сходишь, и купишь что захочешь.

— Мама, это же...

— Я еще не собираюсь помирать, так что сделай ребенку праздник! Сходи с ним в зоопарк. Пусть на волосатых слонов посмотрит! — рассмеялась бабушка.

— Бабушка, таких не бывает! — рассмеялся я и крепко ее обнял.

— Ну а откуда ты знаешь? Вдруг в твоих книжках вдруг все? Посмотришь, а потом с мамой расскажете мне все.

Первое, что я увидел, как только открыл глаза — это была Юля, сидящая в углу палаты на диванчике с ноутбуком на коленках и что-то делала. Сосредоточенно смотрела в экран и громко вздыхала, потом громко стучала по клавиатуре и качала головой. Снова слушала

музыку. Вот и зачем она таскается со мной? Неужели, ей нравится носиться со мной? Мало того, что она прекрасно знает мой диагноз (может быть и не так хорошо), так еще сидит в больнице и терпеливо ждет меня.

Она оторвала взгляд от экрана и взглянула на меня. Увидев, что я пришёл в себя, Юля сразу же подбежала ко мне и присела рядом, взяв за руку и прижавшись щекой к ладони. Такая нежная, хрупкая и глупенькая. О чем она думала, смотря на меня? Знает же, что скоро произойдет то, что для меня станет избавлением, а для нее — возможно травмой.

Погладив ее по щеке большим пальцем, я заметил, как огоньки в её глазах вспыхнули, но её лицо по-прежнему не выдавало никаких эмоций. Я знал, что она устала. Возможно, устала от меня. Ей надоело метаться между семьёй и мной. Иногда, когда меня посещали такие мысли, я думал о том, что было бы лучше для всех, если бы пришёл мой час. Но с другой стороны, я хотел побыть с ней подольше. Я так же, как и раньше думал о том, что не боюсь смерти, но на самом деле я безумно боялся, что в тот момент мне будет больно. Зачем эти мучения перед смертью? Неужели нельзя просто закрыть глаза и спокойно уйти?

— Не думай об этом... — прошептала Юля, глубоко вздохнула и встала, отходя к тумбочке.

— Откуда ты знаешь о чем я думаю?

— У тебя меняется взгляд... не знаю даже, как правильно сказать, но... просто не думай! — она протянула мне таблетки и стакан воды. — Доктор сказал напоить тебя ими, как только проснешься.

Мы с Юлей провели весь день вдвоем, она постоянно напоминала мне о таблетках, перечисляла желания, записанные в тетрадке, которые осталось исполнить. Их было ещё много, но теперь времени становилось еще меньше. Юля верила в то, что успеет исполнить их все, а я просто слушал. Я наперед знал, что уж точно не женюсь — это желание я писал, когда мне было лет двадцать. Точно знал, что не успею издать книгу, да что там издать? Я и дописать не успею. Может быть вообще не стоило начинать? Я взглянул на Юлю и заметил, как все начало плыть перед глазами. Я испугался. Проморгался, надеясь, что все пройдет, но... на что я вообще надеялся? Прикрыл глаза, прислушался к голосу Юли. К горлу подступил ком. Снова проморгался, прикрыл рот рукой и кашлянул. Горло разрывалось от боли, но я не мог контролировать кашель. Стоило просто вздохнуть чуть глубже, и он рвался наружу, причиняя боль. Юля переживала за меня и чуть что сразу же звала доктора. Наверное, он уже замучился бегать в мою палату.

Медведи, волки, лисы, лошади — я видел их всех впервые в жизни. Мама крепко держала меня за руку и рассказывала мне истории про животных, которые ей рассказывал мой дедушка. Его я не знал. Бабушка говорила, что он умер еще до того, как мама вышла замуж за моего папу. Но по рассказам мамы, я знал его так, словно общался с ним каждый день. Мама оставила меня у вольера с лисами и куда-то ушла. Я наблюдал за тем, как рыжие зверьки, похожие на собак... или быть может на кошек играли в снегу. Худые, кто-то облезлый с большими испуганными глазами. Они смотрели на людей через сетку и не понимали, что они были всего лишь развлечением. Одна подошла совсем близко ко мне. Принюхиваясь. Наверное, она учуяла запах бабушкиных котлет. Пальто до сих пор ими пахло.

— Ты что тут делаешь? Наталья Олеговна! — услышал я голос позади и обернулся, видя своих одноклассников и учительницу.

— Наталья Олеговна, что он тут делает?

Я испугался, что учительница сейчас разозлится и выгонит меня отсюда. Переверел взгляд на лису, которая подошла близко, но этот глупый Мишка — одноклассник, подскочил к сетке, и она сбежала.

— Как ты сюда попал? — строго спросила учительница, подойдя ко мне. — Кто тебя пустил?

Как же я испугался... поднял голову, смотря на Наталью Олеговну и набрал полную грудь воздуха, собираясь ответить, но не успел.

— Что вам нужно от моего сына? — мама подошла вовремя, отодвинула меня в сторонку, вложила в руки большой пирог, наверное с капустой или картошкой, еще горячий и взглянула на учительницу.

— Я думала, что он обманом пробрался сюда.

— Обманом? Да, как вы смеее так говорить?! Кто вам дал право так рассуждать?

— Вы единственные, кто не сдал деньги на зоопарк.

— Я не знала об этой поездке ничего! — мама говорила громко, обычно она так говорила с соседкой, которая постоянно ставила свой мусор под нашу дверь.

— Вы не пришли на собрание, поэтому и не знали о поездке.

— Для оповещения родителей о подобном, существуют дневники!

— В дневниках ставят оценки. И вообще, ваш сын знал о поездке, мог вам передать. Или вы не разговариваете со своим сыном?

— Вы сейчас пытаетесь оскорбить меня? Хотите сказать, что я плохая мать? То есть... после этого вы думаете, что останетесь работать в школе? Вы не умеете общаться с родителями, так чему вы можете научить детей?! — мама обернулась ко мне, я уже пару раз успел откусить пирог — с мясом.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Я вообще сомневаюсь в том, что вы адекватный человек! Диплом, небось купили и теперь строите из себя щеголиху!

Я был доволен мамой. Она поставила эту дуру на место всего лишь парой фраз. Она сумела меня защитить, и я был благодарен ей за это... Я мечтал, что когда вырасту — обязательно стану маминым защитником. И это желание так же, как и остальные я обязательно записал в тетрадь желаний, но... потом вычеркнул.

Наталья Олеговна начала что-то кричать, а мама молча взяла меня за руку, и мы пошли к следующему вольеру. Одноклассники что-то говорили, но я их не слушал. Просто шел, будучи уверенным в том, что с мамой мне нечего бояться. Я знал, что она не даст меня в обиду.

Мы еще долго гуляли, рассматривали животных, а когда собирались домой, мама купила целый пакет пирогов с мясом. Я его прижимал к груди всю дорогу до дома, в надежде, что до бабушки я донесу их ещё теплыми. Этот день я запомнил на всю жизнь. Эти эмоции, которые я испытал в зоопарке не давали мне даже и подумать о чем-то другом.

Мы пришли домой. Я сразу же начал рассказывать бабушке о том, кого мы с мамой видели. Она смеялась, поглядывала на маму и радовалась тому, что я тоже был в зоопарке. А потом мы сидели и пили чай с холодными, но очень вкусными пирогами.

Снова реальность окутала меня. Я обвел палату глазами и не увидел присутствия Юли. Она уехала. Никогда не думал, что буду «отдыхать» в больнице. Меня, словно я был в санатории, пичкали таблетками, делали уколы, и я просто спал. Да кого тут успокаивать?! Не в санаториии вообще... не удивлюсь, если это не простая больница, а самый настоящий

хоспис. За пару минут, проведенных в полной тишине и полумраке, мне в голову пришла прекрасная идея. Встал с постели. Чуть не упал. Не ожидал, что все тело словно парализовало от долгого лежания, а может быть из-за того, что меня пичкали разными препаратами. Я чувствовал, как по венам течет «колючая» кровь. Смесь слабости, боли и страха добивала меня, но я назло им всем собирался жить дальше. До конца! Пока не упаду.

Выйдя из палаты, пришлось прищуриться от яркого света. Пару минут после перед глазами прыгали зайчики, но совсем скоро перестали, и я смог вздохнуть с облегчением.

— Вам прописан постельный режим! — услышал я звонкий голос медсестры и обернулся.

— ... — я понял, что голос меня покинул, хотел откашляться, но внезапно осознал, что грудная клетка вся заложена.

— Постельный режим. — Она провела меня в палату. — Спице, отдыхайте.

Отдохнешь тут, когда в голову лезут мысли о книге, а когда пытаюсь их перебить вспоминаю свое детство. Именно тот момент. Яркое воспоминание, от которого на глаза наворачивались слезы. Оказывается, я всегда был слабаком. Всегда прятался за мамкиной юбкой, а сам ничего не мог. Каким же я был дураком. Почему не мог понять этого раньше? Нужно все изменить, пока есть возможность. Вот только... Меня посетили мысли о том, что я могу отправить законченные книги в издательство. И плевать, возьмут их или нет, но я сделаю это. Вот только... они остались только на флешке, а она в мусорном ведре. Я прошёл по палате, хватаясь за голову и пытаюсь вспомнить выбрасывал я мусор или нет? Ходил, ходил, а потом, набрав полную грудь (насколько это было возможно) воздуха и попытался откашляться. Больно, но это было необходимо. Я кашлял, пока не почувствовал дрожь в коленях. Попытался что-то сказать, вышло очень хрипло и со скрипом, но зато голос был.

Снова вышел из палаты, направляясь напрямиком в ординаторскую, где должен был быть доктор. На часах было почти десять вечера. Я постучал в дверь и, постояв с полминуты, вошёл. Доктор сидел за столом и что-то записывал. Увидев меня, поправил очки и поднялся. Я заметил, что он примерно мой ровесник. Доктор. Он доктор в тридцать пять, а я в том же возрасте — НИКТО. Доктор долго хмурил взгляд, после чего наконец-то заговорил.

— Нарушаете постельный режим? Плохо. — Выдал он, потом затяжно зевнул, прикрыв рот рукой и пожал плечами. — Извините. Доктора — тоже люди.

— Я... тут не за этим... — проскрипел я и покачал головой. — Скажите, вы можете связаться с... девушкой, которая была сегодня у меня?

— Конечно, она оставила свои данные.

— Можно мне ее номер? Она привезла не все вещи...

Доктор внимательно осмотрел меня, будто бы пытался вспомнить что-то, затем нахмурил брови и взял в руки ежедневник.

— Марин? — уточнил он, сам не знаю почему. — Тот самый?

— Не понимаю...

Он снял очки и выпрямил плечи, усмехнувшись. Я смотрел в его сощуренные глаза и никак не мог вспомнить, где же я мог его видеть?

— Иван Васильевич Петриков. — Представился мужчина, и я почувствовал, как к горлу подступила неприятная тошнота.

Та самая, которая возникает при страхе. Нет, я не боялся его теперь. Мне было противно находиться рядом с ним. Наверное, мое лицо заметно исказилось, потому как Ванька надел очки и глубоко вздохнул. Вот почему меня преследуют эти странные воспоминания о

зоопарке, училке и том дне, когда меня обидели. Я почувствовал ту же обиду, которую чувствовал тогда.

— Эй, ты! Долго твоя мамашка на трассе стояла, чтобы заработать на поход в зоопарк? — крикнул Ванька Петриков, когда я пришёл в школу, после выходных.

Я молчал. Мама говорила, что молчание — лучший ответ на грубость. Вот только в тот момент стоило бы ответить, но я не знал. Нужно было защитить маму, а я не смог. Молча прошел к своей парте, поставил свой портфель и начал искать свой учебник.

— С тобой разговаривают! — Элька подбежала сзади и толкнула меня в спину.

— Отстань. — Буркнул я себе под нос, но они и не собирались меня слушать.

— Думаешь, что теперь ты с нами? Ты — лох! И твоя мамаша такая же, и бабка, а папаша вообще зек!

— Заткнись! — крикнул я и, схватив стул, кинул его в Ваньку. — Никто не смеет трогать мою семью! Даже ты, Петриков, понял?! Посмотри на свою мать! Грымза! Гадюка! А еще у нее изо рта воняет так, что лучше дохлую кошку облизать, чем выслушать её!

Я был зол, но только до того момента, пока не обернулся и не увидел разъяренные глаза Натальи Олеговны.

— Мы были детьми. — Сказал Петриков и взглянул на меня поверх очков.

— Слишком жестокими, но сейчас... сейчас мы не будем об этом говорить.

— Как Ирина Валерьевна?

— Умерла. — Сжав зубы, произнес я.

— А отец?

— И отец.

— Моя мама — тоже... в прошлом году. От рака... и я знаю, как это тяжело. — Петриков говорил тихо, после чего похлопал меня по плечу. — Держись и... глупо прозвучит, но извини за детство. Мать постоянно говорила, что ты молодец, учишься хорошо, помогаешь дома, а я... кроме как сидеть у телека — ничего не умею. Это была всего лишь детская обида.

Я кивнул и протянул ему руку для рукопожатия, и стало как-то легче. Словно камень с души свалился. Я смог глубже вздохнуть. Наверное, Ванька тоже.

— Так, тебе номер нужен, да? Сейчас... — он оживился и поспешил пролистать ежедневник на пару страниц вперед, затем назад, облизал палец и перелистнул ещё несколько. — Вот! Юлия Артуровна, да?

— Котова. — Уточнил я, после чего Ванька кивнул и, взяв листок, кривым почерком записал номер.

— Держи. Но старайся поменьше говорить. Тебе сейчас нужно больше отдыхать. Ты же понимаешь, что такое количество препаратов тебя просто...

— Да. Я в курсе. Спасибо! — кивнул я, убирая листок в карман штанов и взглянул на часы. — Пойду.

— Хорошего вечера.

Я вернулся в палату, нашел свой телефон в вещах, которые Юля благополучно разложила в тумбочке и набрал ее номер. Мысленно ликовал. Я мог с ней болтать целыми днями, а с другой стороны... горло безумно болело после разговора с Ванькой. Гудки разрушали тишину, ставшую уже практически привычной. Юля не спешила отвечать, а потом и вовсе сбросила. Меня это смутило, я передумал звонить ей. Испугался, что она будет не рада мне. Может быть рядом со мной она надевает маску и притворяется кем-то. Для чего

— не знаю и даже не представляю. Наверное, снова накручивал себя. А что если прав? Даже если и так, нужно позвонить и узнать. Нельзя быть трусом!

Снова набрав номер, я прошёл по палате, чувствуя, как быстро забилось сердце и дышать стало труднее. Странное чувство. Гудки снова разрезали тишину, но я терпеливо ждал.

— Слушаю. — Твердо прозвучал голос девчонки из телефона, и я понял, что так и не придумал, что буду говорить.

— Это я... — произнес я и прислонился лбом к стеклу.

— Что?! Вас неслышно!

Прикрыв динамик ладонью, я кашлянул, морщась от боли и снова приложил трубку к уху.

— Юля, это я — Марин... Меня же ты всё ещё помнишь? — усмехнулся, чувствуя, как трясутся руки от волнения.

— Марин?! Ничего себе! Это... это твой номер? — завизжала она, отчего пришлось убрать телефон чуть подальше, но как же я был счастлив этой реакции. — Я тоже соскучилась!

— Тоже?

— Ну... ты позвонил не для того, чтобы сказать, как соскучился?

— Да, но... — я смутился, но услышал ее смех и понял, что она шутит, как обычно, просто мне на слух ещё тяжело определять ее эмоции. — Извини, я просто хотел попросить тебя привести мой ноутбук.

— Хорошо! Завтра же привезу. Жди меня... — Юля резко замолчала, а потом крикнула, но уже громче. — Эрик не трогай! Ты совсем дурак? Не реви! Не реви, я сказала! Ты сам полез к кактусу! Ну, эй... иди сюда!

Я улыбался, как ненормальный, ведь впервые слышал Юлю такой домашней. Кажется, что рядом со мной и дома — она ведёт себя по-разному. Хотя, тогда она кричала на меня так же, как и кричала на маленького брата. По-другому она и не могла.

В детстве мне казалось, что мне не нужны ни братья, ни сестры. Зачем? Чтобы делить родителей? Я был уверен, что как только в нашем доме появятся другие дети, про меня все забудут, и даже бабушка. Когда в гости приходила тетя Равиля со своим малолетним сыном, мама так смотрела на него, таскала на руках, улыбалась и смеялась, а когда я пытался переключить ее внимание на себя — она гнала меня в другую комнату. Как же я не любил этих гостей. А когда этот мальчишка подрос и начал ходить, он трогал все мои игрушки, а уходя домой — обязательно забирал что-то и мама отдавала, говоря, что я уже большой.

— Марин? Алло?! Марин? — голос Юли обращался ко мне, я кашлянул и поспешил ответить.

— Прости, я... задумался...

— Тебе ноутбук нужен для того, чтобы писать? Пришла новая идея для книги?!

— Нет. С этим я покончил в тот день, когда...

— Когда мы познакомились? — она глубоко вздохнула и замолчала, после чего продолжила. — Марин, я... хочу тебе рассказать кое-что, чтобы ты всё знал. Не подумай про меня плохо, я просто... За день до того, как мы познакомились, я с друзьями играла в фанты. Это, когда пишешь разные штуки и выполняешь, потом смеешься, а если не выполнишь их, то тебе дают задание. Моим заданием было испечь печенье и продать его любому человеку. Твоя квартира была первой, куда я позвонила, а потом... дверь открыл ты, и я... голову

потеряла мгновенно! Увидела твои глаза, и словно с ума сошла... Я не просто так не давала тебе покоя. Ты мне понравился. И мне все равно на то, что ты говоришь, что болен! Я приняла решение, что буду рядом с тобой всегда... по-другому я не смогу... Теперь, когда я тебя знаю слишком хорошо — я просто не смогу отпустить, оставить тебя, зная, что тебе нужна моя помощь! Если только ты разрешишь мне быть рядом — я буду самой счастливой...

Я слушал ее и понимал, что сделал то, чего не хотел. Она — глупая малолетняя дурочка, которая попросту влюбилась. Неужели, нет молодых нормальных мальчишек, почему именно я? Не знал, что сказать ей. Она призналась мне в том, что я с самого начала был лишь спором, и если бы она постучалась в другую квартиру — то сейчас этого разговора не было бы. Я не знал, не мог ей ответить. Если бы я сказал Юле, что согласен, что тоже хочу, чтобы она была рядом — это было бы... очень эгоистично с моей стороны. Я просто привык, что она постоянно рядом. Мне нравилось, что за мной ухаживали, что делали все так, как я хотел, а ведь это я должен ухаживать за ней: дарить цветы каждый день, подарки, водить куда-нибудь... Она выбрала не того... Со мной ее жизнь станет совсем серой, какой она была у меня... до появления Юли... Нужно было что-то придумать. Она ждала ответа, а я молчал, как последний трус...

— Марин? Марин, пожалуйста... ответь мне... я хочу быть рядом. Ты не представляешь, как я счастлива, когда ты улыбаешься, когда смеешься и не думаешь о болезни. Можно перепробовать кучу препаратов, они вылечат тебя! Я читала... такое возможно! А вообще, главное — это поддержка. Я же чувствую, что тебе нужна моя поддержка. Или тебе плохо, когда я рядом? Ты устаешь от меня?

Я пожалел, что позвонил. Мне не нужно было звонить ей. Юля приняла это слишком лично, а может быть легче все высказать по телефону, чем в глаза? Что если она только и ждала этого момента? Вот только я никак не мог понять зачем я ей нужен? Она знала, что мне осталось жить совсем немного, возможно, даже меньше, чем я думаю, но... все равно цеплялась за меня.

Первая любовь — самая важная, самая жестокая... она бьет с такой силой, что потом не можешь дышать полной грудью. Никогда не влюблялся. Даже не знаю, как можно ощутить это. У меня не было первой любви, поэтому я не страдал, но я много читал, знал и видел, как страдают другие. Но ещё больше они страдали от безответной. И я понимал, что не могу так поступить с Юлей. Я не хотел, чтобы она страдала из-за меня.

— Юля...

— М? — оживилась она, кажется, сильнее прижала телефон к уху.

— Ты мне тоже нравишься, но... как друг. Как очень хороший друг.

— А. — Издала Юля и громко вздохнула. — Хорошо, здорово! Друзья — это лучше, чем совсем ничего. Ладно, я пойду покормлю Эрика. Поздно уже. Пока. Отдыхай. Завтра привезу ноутбук.

На следующий день ноутбук у меня уже был, но передал мне его Ванька, а не сама Юля. Я почувствовал, что обидел ее своим ответом, но лучше так, чем... совсем никак. Может быть у неё просто нет на меня времени. Да и вообще, я взрослый мужчина, а никак не могу перестать думать о том, что натворил. Если бы я не сказал ей так, как сказал — было бы еще хуже. Молчание — не ответ. Нельзя оставлять вопросы без ответов, иначе о тебе подумают, что ты безответственный неудачник, который не может разговаривать на трепетные темы. Я не хочу, чтобы после моей смерти она страдала. Я всего лишь новая страница в ее жизни,

которую она перелистнет совсем скоро. Знал, что с ней нужно поговорить на эту тему позже, но боялся снова напомнить о себе.

Время в больнице тянулось медленно. Я понял, что без Юли, я просто не чувствую себя собой. Без нее я чувствовал боль. Мне не хватало ее поддержки, так же как не хватало взгляда и смеха. Так же как легкого запаха сирени. Рядом с ней я дышал и понимал насколько жизнь прекрасна, но без нее, я снова превратился в вечно недовольного, больного человека. Ее не было около недели. Она не звонила — я тоже. Она не написала мне ни одного сообщения, и я делал то же самое. В какой-то момент не выдержал, набрал ее номер, но никто не взял трубку. Потом я был занят книгой, а спустя ещё неделю понял, что совсем отвык от Юли. Я больше не получал от нее ни поддержки, ни бодрящих слов, снова замкнулся в себе, лишь изредка перекидывался парой фраз с Ванькой, когда он заходил и спрашивал, как я себя чувствую. Но я не мог ему сказать, что мне настолько паршиво, что я снова стал думать о плохом, чаще вспоминать моменты из детства и мечтать снова оказаться в маминых объятиях.

5. Сны с ароматом сирени

За месяц, проведенный в больнице я успел написать около десяти глав к своей книге. Не знаю, возможно, мне нравилось то, что я успел написать, но между строк читалось безразличие. Я знал, что мог бы написать и лучше, но у меня не получалось. В голове все выглядело лучше, чем просто хорошо, но когда я начинал печатать — все казалось отходами. Я не допускал ни единой мысли о том, что Юля стала для меня некой Музой, о которой говорят все писатели. Но я не мог себя назвать писателем, я просто... любитель выражать свои мысли на бумаге.

Я наконец-то чувствовал себя лучше. Больше не было боли в груди и горле, усталости и той неопределенности, которую я чувствовал в первые дни в больнице. С самого утра я собирал свои вещи, Петриков готовил меня к выписке. Я собирался вернуться домой, нормально поесть чего-нибудь мясного и просто полежать на диване перед телевизором в своё удовольствие. Я понимал, что скорее всего больше даже не сяду за книгу, но отчаянно продолжал думать над следующей главой. Бросив в пакет штаны и футболку, в которых «отдыхал» все это время, я надел свитер и взглянул в окно. За месяц все изменилось. Город занесло снегом, всюду горели новогодние огни, стояли елки, даже в больнице, на этаже, где я обитал поставили небольшую. Ванька смеялся и говорил, что в новогоднюю ночь он будет лежать под ней вместо подарка. Он говорил, что ему не с кем проводить эту ночь, и лучше останется на работе. А я и вовсе не собирался думать об этом. Праздники меня уже давно не радовали. Особенно Новый год. Но я был рад, что дожил до этого момента. Ещё один месяц... и кто знает сколько осталось еще?

Взяв ноутбук в руки, я стал думать куда его положить, в пакет он не влезал, а держать его в руках — было слишком уж глупо. Открыв тумбочку, я присел и стал искать среди вещей пакет, как вдруг услышал, что в палату кто-то вошел. Петриков закончил с документами раньше и решил самолично меня проводить? Я даже усмехнулся, но стоило мне обернуться, как я остолбенел. Почувствовал, как внутри все внезапно сжалось, дыхание свело. Это была Юля! Она стояла в дверях в белой короткой шубке и платье в пол, на лице — яркий макияж, а волосы аккуратно лежали на левом плече. Она приехала ко мне? Откуда знала, что меня выпишут именно сегодня? Почему в таком виде? Настолько рада моему выздоровлению? Интересно, она звонила Петрикову? Спрашивала обо мне? Тогда почему не звонила мне? Я поспешил подняться, сделал пару шагов к ней и крепко обнял. Сам того и не понял, не ожидал от себя, но это было безумно приятно. Я сжимал ее в объятиях и наслаждался сладким запахом сирени, которым она пахла.

— И тебе привет, — услышал я, чувствуя, как девчонка застенчиво приобняла меня. — Выглядишь уставшим. Плохо спал?

— Нет... то есть да... То есть, я думал, что мы больше не...

— Не друзья? Нет, у меня просто было много дел... да и к тому же я болела, не хотела приезжать, а то вдруг заразила бы... давай, забирай свои вещи и пошли, а то у меня Эрик один в машине остался.

— Ты... — я замялся, потом чуть нахмурился и отошел к тумбочке, собирая вещи. — Раньше никогда не видел тебя такой нарядной.

— У меня сегодня... дебют, что-ли. — Усмехнулась Юля, сунув руки в карманы шубки. — Родители заняты, вот мне придется выступать от издательства. Буду дарить

подарки! Поедешь со мной? Поддержишь.

— Да? — сам не ожидал, что так быстро соглашусь. — А где будешь выступать?

— В детском саду! У Эрика утренник.

Юля помогла мне с вещами, понесла их в машину, пока Петриков выписывал еще какие-то таблетки, внимательно смотря в мою карту, а когда я собрался уходить, окликнул:

— Марин, слушай... эм... может быть обменяемся номерами? Ну так, на всякий случай. Вдруг что нужно будет? У меня связи...

К тому моменту Юля вернулась за мной, и услышав это ответила согласием вперед меня. Казалось, что не было этого месяца, который нас разделял. Я смотрел на нее и видел, насколько она изменилась за это время, но не мог представить насколько изменился сам. Петриков продиктовал свой номер и как-то подозрительно подмигнул Юле, на что она рассмеялась и, взяв меня под руку, повела к выходу.

Всю дорогу к машине мы молчали. Никто из нас не смел заговорить первым. Я попросту боялся, возможно, мне было немного неудобно, ведь она стала совсем чужим человеком. Может быть приехала за мной совсем не потому что неожиданно вспомнила, а потому что Петриков её вызвал? Конечно, она такая... увлеченная издательством, а я смертельно больной человек к тому же неудачник и никак не отношусь к писательству. Да, иной раз что-то могу написать, но это совсем не то, о чем я мечтал большую часть своей жизни.

— Стой! — остановила меня Юля. — Сядь, пожалуйста, назад к Эрику, у меня просто тут книги...

Я кивнул, открыл дверь машины и увидел испуганный взгляд светловолосого голубоглазого мальчишки в теплом комбинезоне. Он уже собирался закричать от страха, но в машину села Юля и повернувшись к нему тепло улыбнулась. Я сел на мягкое сиденье, закрыл дверь и прикрыл глаза. Совсем скоро я буду дома. Мальчишка искоса сверлил меня взглядом. Юля сняла шубку, поправила волосы и взглянула на меня через зеркало. Я был уверен, что она отведет взгляд, когда я сделаю то же самое, но нет. Мы смотрели какое-то время друг на друга через отражение. Она не моргала. Просто смотрела. Внимательно, изучающе... я не мог слишком измениться за месяц, чтобы меня можно было не узнать. А может быть я настолько плохо выглядел, что ей было стыдно появляться на людях со мной?

— Мне жарко! Поехали... — ныл мальчишка, и Юля, издав какой-то непонятный звук, пристегнулась, включила радио, и совсем скоро машина тронулась.

— Может быть все-таки обойдешься там без меня? — тихо спросил я, но девчонка покачала головой и ничего не ответила.

Мы были словно чужие. Будто бы между нами не было тех дней, которые мы провели вместе. Хотя, они ничего не значат. Мы просто гуляли, просто сидели, даже не говорили о чем-то конкретном ни разу. И теперь, она не так рада мне, просто потому что у нее появились другие дела. За месяц Юля отвыкла от вечного «присмотра» за мной. Или быть может у нее кто-то появился. Скорее всего. Да и что я тут раскисаю? Она молодая девчонка, у которой сейчас самое прекрасное время для того, чтобы прочувствовать первую любовь, и я уж точно не должен ей мешать. Обязательно скажу ей о том, что ей нужно меньше таскаться со мной. И это снова будет выглядеть так будто бы я набиваю себе цену. Ненавижу такие ситуации.

— А что за книги? Можно я взгляну?

— Нет! — резко отозвалась Юля, остановила машину у светофора и обернулась.

Я заметила страх в ее глазах и внезапно захотелось снова обнять ее, успокоить, сказать,

что все будет хорошо. Вот только я не понимал чего она боялась? Но одно знал точно... Это никак не относилось ко мне.

— Что-то я нервничаю... У меня впервые такое. Там же люди будут, а если что-то пойдет не так? — выдохнула она и взглянула на мальчишку, который смотрел в окно на стоящие рядом машины.

— Знаю, что это плохо поможет, но просто знай, что я буду рядом. Я буду морально поддерживать. — Сказал я и пожал плечами, понимая, что выгляжу, скорее всего глупо.

— Это... единственное, что мне поможет. — Юля как-то грустно улыбнулась и вернулась за руль, чуть прибавив радио.

Брат Юли молчал всю дорогу, лишь иногда поворачивался ко мне, рассматривал и снова долго смотрел в окно. Я прислонился головой к стеклу и смотрел на то, как сильно изменился город. Снежным, он казался совсем другим. Всюду сугробы, гирлянды, которые днем не горели, но вечером обещали показать настоящее представление. Здесь всегда так было, только я не обращал никакого внимания. Теперь меня удивляло и восхищало все, даже люди в костюмах снеговиков, которые раздавали листовки. Они радовались жизни, стоя на морозе и видя кислые рожи прохожих.

Мама всегда говорила, что нужно благодарить Бога за каждый прожитый день, а я не делал этого. От того и мучился сейчас. Но именно Он помог мне увидеть прекрасное... Я встретил Юлю, вернее, это она ввалилась в мою жизнь. От воспоминания нашей первой встречи, я невольно улыбнулся и вздохнул, понимая, что вряд ли теперь все продолжится так же весело.

— А мне Юля читает сказки! — вдруг сказал мальчишка, на что я чуть улыбнулся и повернулся к нему.

— Да? А какая твоя любимая сказка?

— Про медвежонка! Он добрый, но его было жалко, когда все смеялись, что у него маленький хвостик.

— Эрик, не доставай человека! — раздраженно произнесла Юля.

— Да он и не...

— Марин, ты бы тоже помолчал сейчас, я тут первый раз паркуюсь! — это было грубо, и я решил промолчать дальше.

Не знал, для чего вообще куда-то шёл, зачем только согласился? Буду, как белая ворона. Дети в костюмах разных принцесс и зайчиков бегали под ногами с криками, родители что-то громко обсуждали, а я стоял и смотрел в окно. В горле неприятно жгло. Последствия таблеток. Хотя скорее всего организм просто требовал, чтобы я скурил хотя бы одну сигаретку, чтобы успокоить внутренний диссонанс. Давно не было этого чувства. Злость, отчаяние и отрешенность — бушевали. Я злился на себя за то, что не отказался, а поехал вместе с Юлей сюда, и злился на нее за то, что она привезла меня сюда и бросила. Я выглядел безумно глупо среди родителей, которые фотографировали своих детишек рядом с плакатом Деда Мороза, где стоял я. Мне приходилось отходить, сторониться и держать чьи-то вещи, пока они быстро сделают фото.

Я отвлекся на воспитательницу, которая что-то обсуждала с Юлей, как почувствовал, что меня кто-то дергает за рукав.

— Я хочу писать... Расстегни мне костюм! — попросил Эрик, после чего бросился со всех ног куда-то.

Прошло около получаса, пока все собрались и сам утренник начался. Меня посадили

чуть ли не в самый центр событий, отчего я не мог уйти. Пришлось смотреть весь этот спектакль картавых и визглявых человечков. Юля иногда бросала на меня взгляд, но не улыбалась, продолжала нервно выкручивать пальцы и наблюдать за детьми, вернее за своим братом.

После двадцати хороводов вокруг ёлки — утренник начал подходить к концу. Какой-то худощавый мужчина в узких джинсах и большом пиджаке раздавал новогодние подарки детям, зачитывая каждый стишок, затем взрослая женщина в костюме Снегурочки пела частушки и раздавала открытки детям, а уже после пришёл черед Юли. Она гордо прошла мимо тех двоих и одарила всех своей улыбкой.

— Для начала хочу представиться, меня зовут Юлия. Я — главный редактор издательства ШокБук. Каждый год детишек лично поздравляет Артур Анатольевич, но в этот раз он не смог приехать самолично. И конечно же, наше издательство не смогло оставить детишек без подарков! — Она прошла к коробке, стоящей на столике и достала оттуда одну книгу. — Я хочу сказать пару слов, прежде чем вручу подарочки. На самом деле — это сборник сказок очень талантливого человека. Теперь уже, автора нашего издательства! Лично я, читала каждую сказку своему брату, и он оценил! Уверена, что ваши дети тоже оценят, к тому же, иллюстрировала книгу наша новая художница! Машунь, спасибо тебе большое за прекрасные картинки! Марин Николаевич, а вам спасибо большое за прекрасные сказки!

Юля указала на меня и принялась раздавать детям книги, родители хлопали и смотрели на меня, а я не понимал, что происходит. Все мои попытки взглянуть на книги, в руках детей не увенчались успехом. Я пытался воспроизвести в голове услышанное. Может быть я ослушался? Просто плохо расслышал, и Юля указывала не на меня, а на кого-то другого.

Пока все были заняты, рассматривая книжки и подарки, Юля подошла ко мне, держа в руках еще один экземпляр книги.

— Марин?! — тихо сказала она, сдерживая улыбку.

Я поднял на неё взгляд, продолжая сидеть на месте и думать о том, что же все-таки она сказала.

— Это тебе... — Юля протянула мне книгу и улыбнулась. — Надеюсь, что я не зря торопилась и... вообще затеяла это все.

Я слушал ее, но не мог оторвать взгляда от красочной обложки, на которой крупными буквами было написано «Марин Виеру. Истории медвежонка Оливера и его друзей». Это моя первая книга... но я не думал, что та история, которую мы когда-то с Юлей выдумали — будет настолько велика. Я чувствовал эту непонятную дрожь внутри. Хотелось одновременно и плакать, и смеяться, но я сидел и просто смотрел на обложку, боясь глубже вздохнуть, чтобы не испортить момент.

— ...вот. Я тебя поздравляю! — услышал я и наконец-то сумел оторвать взгляд от книги.

Это мгновение... я не успел ничего сказать, потому что сразу же почувствовал тепло на своих губах, а затем холод. Обжигающий. Юля, словно ошпаренная отскочила от меня и сразу же начала извиняться. Из всего монолога я понял лишь то, что это я не вовремя повернулся и этот поцелуй (от которого у меня до сих пор горели губы) должен был быть в щеку.

Все остальное время я был словно во сне. Не помнил, как Юля отвозила своего брата домой, не помню всю дорогу до моего дома. Я ушёл с головой в изучение своей книги. Был

безумно удивлен тому, что помимо рассказа про медвежонка, там были и написанные ранее детские сказки. Но откуда? Они были на ноутбуке, но потом я все оттуда перенес на флешку, а её выбросил... так же, как и свою тетрадь желаний. Ох, Юля... Что еще стоит от нее ожидать? Она способна на многое. У нее есть возможности и время, но она тратит его на меня. И кажется даже не жалеет.

Я снова пролистал книгу, рассматривая иллюстрации к каждой сказке и не мог поверить, что это все было придумано мной. Поднял взгляд на дорогу, затем на Юлю. Она внимательно следила за дорогой и даже не поглядывала на меня искоса. Расстроена? Чем? Моей реакцией? Неловким поцелуем? Потерей времени? Может быть она жалела, что тратит свободное время на меня? Или быть может эти книги — провальные? Я громко выдохнул и провел рукой по лицу.

Лифт не работал. Пришлось подниматься на седьмой этаж по лестнице. Я нес пакеты со своими вещами, Юля шла рядом, придерживая полы шубки. Мы по-прежнему не разговаривали. Я даже не мог придумать, что нужно сказать. Поблагодарить за книгу? Не время. Сказать, как мне было плохо в больнице без нее? Глупо. Спросить как дела? Вряд ли она сможет искренне ответить, если я чем-то ее обидел. А я мог... своей кислой, послебольничной физиономией.

Подойдя к двери, я принялся искать ключи по карманам. Совсем забыл куда их дел.

— Можно? — услышал я и отошел от двери.

Юля улыбнулась, достала из кармана шубки ключи от моей квартиры и в два счета открыла дверь. Я уже совсем забыл о том, какая она «самостоятельная».

— Проходи. — Требовательно произнесла девчонка, кивнув мне.

Я вошел в квартиру, не подозревая ни о чем. И как же был я удивлен, когда из коридора увидел, множество ярких гирлянд в гостиной. Сбросив обувь и оставив пакеты у двери, я прошел в гостиную, где царило праздничное настроение. Гирлянды на окнах, небольшая живая елка в углу, увешанная целой кучей разных игрушек и такими же гирляндами и несколько коробок, обернутых блестящей бумагой. На всю квартиру разносился запах хвои и мандаринов. Я обернулся.

— Если ты скажешь это все убрать — я буду вынуждена выцарапать тебе глаза. — Усмехнулась Юля, кидая шубку в кресло. — Я вчера весь день провела, украшая тут все. Это хорошо, что соседи у тебя хорошие, помогли. Кстати, у тебя тут лампочка перегорела. А я забыла купить новую.

Она ударила по выключателю и вновь улыбнулась, сделав глубокий вдох. Вот такой я ее и знал: болтливой, но в то же время заботливой.

— Я должен сказать тебе спасибо? — тихо спросил я, пытаюсь отогнать от себя мысли о том нелепом поцелуе.

Почему вообще вспомнил о нем именно сейчас. Именно в тот момент, когда мы остались вдвоем. Один на один в комнате, свет в которой исходил только от гирлянд. Я чувствовал неловкость момента, но не мог перестать думать о том, что вводило меня в краску.

— Просто я думала, что тебе понравится... Новый год все-таки... Через пару дней. — Тихо сказала Юля и глубоко вздохнула, поправляя волосы. — Пойду поставлю чайник. Ты голоден?

Молча кивнув, я пошел в спальню, взял чистые вещи и закрылся в ванной. Как бы отвратительно это не звучало, но я должен был избавиться от напряжения. Что я как

школьник? Не могу совсем себя сдерживать... либо это последствия болезни, либо побочный эффект таблеток, которыми меня пичкали весь месяц.

Я умыл лицо холодной водой, взглянул на свое отражение и выдохнул. Как я вообще мог допустить такие мысли? Почему не представлял в них кого угодно? Почему в мыслях была только Юля? Почему она никак не выходила из головы? Целый месяц без нее я провёл словно побывал на каторге... словно умер и попал в Ад.

— Марин? — услышал я ее голос, стук в дверь и щелчок ручки. — Что ты там делаешь?

— Дай мне пару минут...

— Ага, разбежался! За дуру меня держишь?! Последний раз когда ты закрывался в ванной, я подумала, что ты решил...

Это было сложнее, чем казалось. Я продолжал слушать ее голос, но в какой-то момент внутренний голос приказал мне не глупить. Лучше сделать что-то и не жалеть, чем потом жалеть, что ничего не сделал. Но почему пересилить себя было слишком сложно? Я вытер лицо и подошел к двери, взявшись за ручку. Юля продолжала читать мне нотации, а я был счастлив, что снова слышу ее. Все-таки этот месяц был слишком сложным... без нее. Я и правда, не представлял себя без нее. Она — самое прекрасное, что случилось в моей скучной жизни. Если бы не она, я бы точно прекратил это все...

— Что ты молчишь?! Марин?! Это не смешно! — она начала стучать в дверь с такой силой, что точно бы вынесла ее, если бы я не повернул замок.

— Ну что ты делаешь?

— А то! До тебя же не доходит, что я переживаю за тебя! Да! Я переживаю! И переживала каждый день, пока ты отлеживал бока в больнице! А ты даже не подумал позвонить! Ни разу! А все потому что ты эгоист и думаешь только о себе!

Она говорила громко, а я просто слушал и понимал, что ей не плевать на меня, и за весь месяц ничего не изменилось. Юля ударила меня ладонью по груди, и я понял, что больше нельзя мучить нас обоих. Если все так происходит, то да и должно быть. Я схватил ее за запястье, притянул к себе, но стоило мне приблизиться к ее губам, как я услышал оглушающий хлопок, а следом покалывающую боль в щеке. Юля меня ударила? Влепила мне пощечину... Значит, я был не прав.

Я поднял взгляд и увидел, как растерянная девчонка, прижимала ладони к губам, не зная что делать.

— Я тебя понял...

— Нет. Ну не-е-ет! — протянула она, шагнув в мою сторону, но тут же отступила назад. — Ты не так все понял, просто... ты это так сделал, что я испугалась и... Марин, прости! Я просто... испугалась. Я не... Я принесу что-нибудь холодное.

Я сидел на диване, прижимая холодную бутылку с водой к горячей щеке. Мерцающие огоньки раздражали. Я снова хотел остаться один. Всегда, когда я набирался смелости что-либо сделать — все шло не по плану. Да и как я вообще мог подумать о том, что могу себе позволить даже дотронуться до нее. И тот поцелуй в детском саду действительно был случайным. Как я вообще подумал об этом.

Юля присела рядом со мной и как-то виновато посмотрела. Не знаю, что я чувствовал, после этой пощечины. Растерянность? Страх? Удивление? Смятение? Ни одно слово не подходило. Но теперь я понял, что больше не решусь даже взглянуть на нее с этими гадкими мыслями. Тот момент был минутной слабостью. И плевать. Все делают ошибки. Я — не исключение.

— Прости... — она под села ближе и положила руку мне на плечо. — Я же говорю, что это было слишком... неожиданно!

— Давай не будем об этом.

— Хорошо. — Поспешно согласилась Юля, и это означало, что для нее тот момент совсем ничего не значил.

Я выдохнул, стараясь не терять лица и поставил бутылку на столик, растирая щеку. Зарядила она знатно. Умела отбиваться от ухажеров. Такой, как она — ничего не страшно. Усмехнувшись своим же мыслям, я хлопнул ладонями по коленям, и собирался вставать. Хотел сказать, что Юле уже пора домой.

— Ты так и не поблагодарил меня... — протараторила она.

Я видел, как блестели ее глаза в свете гирлянд, но не мог рассмотреть выражение ее лица. Было сложно понять, чего именно она ждала. В голове снова была каша, будто бы все мысли сплелись воедино и спутались.

Юля надрывисто выдохнула и поднялась с дивана. Я думал, что она собралась уходить, но...

Юля приподняла платье на бедрах, набрала полную грудь воздуха и села ко мне на колени. Платье треснуло. Разошлось по шву сбоку, оголяя бедро еще сильнее. Я не успел произнести ни слова, как вновь почувствовал горячий поцелуй на своих губах. Такой же легкий и невесомый, как и тот в детском саду, но стоило мне снова поддаться чувствам, как он превратился в более чувственный. Юля прижималась ко мне всем телом, и я чувствовал ее тепло, даже через одежду. Ее запах, губы и легкие прикосновения будоражили все внутри. Я боялся, что она в какой-то момент возьмет и прекратит все, я останусь в такой же растерянности, как и пару минут назад. Но я и не мог позволить себе большего.

Дыхание сбилось, как только ее прохладные ладони коснулись кожи под одеждой. Мне казалось все это сном, но я чувствовал по-настоящему. Со стороны это, наверное, выглядело до безумия неправильно. Юля будто бы принуждала меня, а я, как неопытный, неумелый подросток зажимался и боялся взять большего. Нужно было скорее брать себя в руки. неподходящее время для долгих размышлений.

Стоит лишь раз переступить эту грань, и все меняется навсегда. Стоит лишь раз прыгнуть с парашютом или нырнуть с аквалангом, и ты больше не будешь бояться. Но тут действует и обратная сторона. Если в детстве тебя укусит собака, ты будешь бояться всех их до конца жизни. Я не прыгал с парашютом, не нырял и не был укушен... меня терзало чувство совести. отвратительное чувство, когда тело получает удовольствие, а мозг пытается отторгнуть его. Удивительно, но я совсем не хотел ничего менять. Более того, я собирался приучить себя наслаждаться жизнью.

Мои руки легли на ее спину, и я почти сразу же нащупал застёжку платья. Собрал остатки, непонятно откуда взявшейся гордости и потянул застёжку вниз. Платье почти сразу же спало с ее плеч. Юля вздохнула глубже и взглянула на меня. Я видел, как огонь полыхал в глазах. Не хотелось, чтобы он потухал. Наоборот, нужно было взять то, что я хотел... что она хотела... О чем мы оба думали.

Я сумел стянуть платье с Юли, она сделала то же самое и с моей кофтой. Кинула ее куда-то, в сторону и сразу же перешла к ремню. Ее руки сразу же ухватились за него, но никак не получалось расстегнуть. Мне никак не верилось в то, что все происходит на самом деле. Еще вчера я представлял у себя в мыслях подобное, а теперь это было слишком правдоподобно. Я мог дотронуться до ее нежной кожи, мог оставить свои поцелуи на ее

теле... Я мог насладиться запахом сирени. Ее запахом, который сводил меня с ума. Сводил до такой степени, что я еле сдерживал свой порыв. Понимал, что не имеет смысла, но продолжал сдерживаться.

Это случилось немного не так, как я представлял, и кажется, совсем не так, как мечтала Юля. Она громко вскрикнула, утыкаясь носом в мое плечо, и у меня в голове возникла пугающая до глубины души мысль, но останавливаться, прекращать все было бы слишком глупо. Нельзя было отступать. Что сделано, то сделано... Я пытался быть как можно нежнее. Боялся сделать ей больно и в какой-то момент начал понимать... Юля не просто так была зажата и скромна... Но стоило мне задуматься об этом, как ее губы снова коснулись моих, и я вновь поддался чувствам. Снова утопал в них. Просто отдавался и не думал о том, что будет когда мы снова трезвым взглядом посмотрим друг другу в глаза.

Наслаждение накатывало волнами. Я терял голову, растворялся в своих мыслях, чувствовал нежные поцелуи на своей коже и до сих пор не понимал о том, что все произошедшее — правда. Юля детально изучала мое лицо, заглядывая своими огромными глазами в самую душу. На ее покрасневшем лице читалось столько эмоций, что я не решался задать вопросы, потому что знал, что это будет слишком долгий монолог. Шумно выдохнув, я нашел в себе силы подняться с дивана. Не хотелось покидать крепкие объятия девчонки, но... нужно было освежиться. Поправив на себе джинсы, я не стал затягивать ремень и отправился на кухню. Наступил на что-то в темноте. Что-то маленькое впилося в ногу, и я несдержанно выругался, отчего Юля не смогла сдержать смеха.

— Осторожнее, там могли остаться детальки железной дороги... — тихо сказала она, словно промурлыкала, как довольная кошка, которую приласкали.

— Я... да...

Поставив чайник, я принялся ждать, когда он закипит. Внезапно захотелось вспомнить юность... подойдя к шкафчику, я открыл дверцу и полез в старую железную банку, где хранились ненужные вещи, с которыми я не мог расстаться. Почти пустая пачка сигарет сразу же попала под руку, и я достал ее. Чуть приоткрыв окно, прикурил и, оперевшись обеими руками на подоконник, прикрыл глаза. Я растворялся в блаженстве, словно сигаретный дым... чувствовал знакомую горечь. Будучи заядлым курильщиком по малолетству, я разделял каждую сигарету на отдельные виды наслаждения. После пары бокалов вина — она ярче раскрывала вкус. После бутылки пива — помогала расслабиться сильнее. После близости — продливала наслаждение.

Но сейчас... я не мог сказать того же. Дым окутывал голову... Я думал о том, что поступил неправильно. Не так должно было быть. Но в душе я ликовал. Все не так плохо! Я жив! Я наслаждаюсь жизнью... Я почти полноценный человек. И о болезни ничего не напоминает. Хорошо значит меня в больнице напичкали.

Выдохнув дым, я почувствовал, как до плеча дотронулись. Вздрогнул от неожиданности, открыл глаза и увидел рядом с собой Юлю. Она стояла, прижавшись щекой к моему плечу и смотрела в окно. На ней была моя футболка, волосы были влажными, что означало, что только что она была в душе... Чайник молчал — уже успел вскипеть. На подоконнике лежала кучка пепла, упавшая с сигареты. Я снова задумался надолго. Не любил эти моменты, но они случались все чаще.

— Я что-то сделала не так? Теперь будешь меня избегать?

— Нет... С чего ты взяла? — удивился я, закрывая окно и взглянув на Юлю, которая поежилась от холода.

— Не знаю... просто ты ушел, оставил меня одну.

— Я хотел сделать чай и...

— О чем ты думал?

— Не поверишь... но я не думал ни о чем. Ты заставила меня не думать о последствиях, а жить так, как получится. — Усмехнулся я, снова открывая окно и выбрасывая окурок на улицу.

— Неужели?

— Ты мне не веришь?

— Не знаю... ты какой-то не такой сегодня. — На её лице появилась довольная улыбка. — Но сегодня ты мне нравишься намного больше!

— Насколько?

— ... — она состроила хитрую мордашку и обняла меня так, как могла только она. — Намного-намного больше! А еще я хочу, чтобы ты еще раз отблагодарил меня за книгу!

Я рассмеялся, не в силах сдерживаться и обнял ее, прижимая к себе. Никогда в жизни не подумал бы о том, что буду влюблен, как дурак. Это прекрасное чувство! Хочется смеяться и каждое мгновение целовать ее. Я уткнулся носом ей в макушку и глубоко вздохнул. Меня распирало от счастья. Я не мог даже подумать о том, что та девчонка, которая настойчиво трезвонила в дверь моей квартиры, желая втюхать какое-то печенье — станет частью моей жизни. Пусть мы знакомы не много лет, не ходили за ручку по парку и не целовались на закате, как это принято в фильмах, но между нами была куда большая связь. Теперь я верил в ее искренность. Теперь, видя то, как она смотрела на меня, я готов был поклясться, что она чувствовала то же, что и я.

— У меня есть вопрос. — Тихо сказал я, взглянув на Юлю.

— Задавай!

— Не рылась в мусорном ведре, значит?

— В каком ведре?

— В том, куда я выкидывал флешку и тетрадь.

— Так, мы сейчас не будем это обсуждать! Все, что там было, я же не присвоила. И вообще, я работала над твоей книгой целый месяц, не спала по ночам, а ты мне про мусорку напоминаешь. Налей чаю и пошли смотреть фильм! Там какой-то новогодний идет! Не смей портить мне вечер!

Она похлопала в ладоши и поспешила к телевизору, шлепая по полу босыми ногами. С ней в моей квартире поменялось все. Я редко включал телевизор, не любил, когда звуки отвлекали меня от мыслительного процесса, хотя почти всегда, когда я об этом думал — не писал ни строчки, а продолжал обдумывать одно и то же предложение.

— Ну где ты там? — услышал я и поспешил все же сделать ей чай.

Поставив чай на столик, я отправился в ванную. Нужно было принять душ, освежиться перед сном, чтобы бесполезные мысли не лезли в голову. Прохладная вода остужала горячее тело, оставляя приятную прохладу, и я почувствовал, как устал. Захотелось лечь в постель и уснуть. Месяц в больнице — оказался для организма сразу и полезным, в плане приёма препаратов, но в то же время этот месяц вымотал меня. Я смотрел на себя в зеркало и понимал, насколько я устал. Это было написано у меня на лбу, прямо на морщинах, которые я раньше то ли не замечал, то ли они появились за месяц. Щека все так же оставалась красной, после пощечины. Забавно.

— Я думала, что ты уже сбежал, хотела идти на поиски. Садись! — Юля похлопала

рядом с собой, и я чуть улыбнулся.

Праздничная атмосфера ворвалась в мою квартиру совершенно неожиданно. Гирлянды, елка, какой-то новогодний фильм — и зная Юлю — это только начало. Она способна на многое. Не удивлюсь, если она живого Деда Мороза притащит сюда. Я сел рядом с ней и, потерев лицо руками, взглянул на экран. Каждый год — одно и то же. Иногда казалось, что те, кто работает на телевидении даже не думают о том, чтобы показать людям что-нибудь новое. Но нет, на любой праздник у них один и тот же список фильмов.

Я просидел совсем недолго. На экране еще ничего интересного не произошло, а я почувствовал, как глаза предательски слипаются. Взглянул на Юлю, но она увлеченно смотрела в экран, и на её лице я не увидел ни грамма усталости. Наверное, все же разница в возрасте у нас достаточно заметная. Но теперь я не могу задаться вопросом о том, зачем ей нужен такой, как я!? Я — ей нужен и все тут!

— Я пойду спать. — Тихо сказал я, проведя руками по лицу снова.

— Угу...

— Не забудь выключить это все, когда тоже соберешься.

— Угу... угу... — она не могла отвлечься от фильма, либо усердно делала вид, что заинтересована.

Стоило мне лечь в постель и прикрыть глаза, как в мыслях всплыли воспоминания из детства. Мы уже давно не жили в городе, переехали в деревню, после того, как маму уволили. К тому же, у бабушки был там дом. Покосившийся от старости, с огромными щелями в окнах, из которых безумно дуло. В квартире же тянуло не от окон, а только от двери на балкон. В деревенском доме было холодно. Мы ходили одетые в теплые вещи, мама не разрешала мне снимать валенки или шапку. Зато в городе у мамы не было работы, а в деревне ее взяли сразу же, и она каждый день по вечерам приносила нам молоко. Когда я его пил оно было ещё тёплое и так пахло, словно я ел подтаявший пломбир.

Так прошли самые сложные дни, но потом все наладилось.

Мне четырнадцать. Мы все так же жили в том домике. Отец два года, как освободился, и учил меня заниматься мужскими делами. Он научил меня рубить дрова, забивать гвозди, ремонтировать бабушкину плитку, которая ломалась по два-три раза на дню. Я любил проводить время с отцом, помогал маме на работе, и таскал воду с колонки домой, потому что бабушка то и дело затевала стирку.

А вот в сельской школе — все было так же, как и в городской. Меня никто не любил. Друзей не было. У одноклассников давно уже были девчонки. Самые смелые на переменах прятались под лестницей и «изучали» друг друга. Но однажды, весной, перед самыми летними каникулами Дашка, с которой мы сидели за одной партой пригласила меня прогуляться вечером. В тот момент, я был слишком глуп, даже не думал о том, что где-то может быть подвох. Весь оставшийся день готовился к нашей встрече, даже купил шоколадку, как бы подарок.

Мы прогулялись до реки, она молчала почти всю дорогу, лишь иногда хихикала. Мы сели на берегу речки, я начал рассказывать ей о том, как здорово было бы, если мы и в школе так же дружили. Чтобы все знали, что у меня есть такой друг, как она.

— Только друг? — пролепетала Дашка, подсев ко мне ближе и улыбнулась. — Закрой глаза...

Все внутри меня трепетало. Сердце готово было вырваться из груди, я прикрыл глаза. Чувствовал лишь запах речки и легкое дуновение ветра. Это был прекрасный вечер... я был

готов впервые почувствовать поцелуй на своих губах. Втянув вечерний воздух, я уже представил, как это произойдет, но тут же почувствовал что-то мерзкое и липкое. Оно воняло тиной и зашевелилось. Я открыл глаза и увидел лягушку. Маленькую, но успел испугаться. Вскрикнул и подскочил на ноги под громкий хохот одноклассников и той самой Дашки.

— Ну и придурок!

— Ненормальный.

— Как вообще мог подумать, что ты и он... Сказок начитался!

Они смеялись надо мной, а я понял, что больше никому и никогда не доверюсь. Как бы крепка не была дружба — её просто не существует. Есть только подобие, к которому все приходят, спустя годы общения.

— Марин? — шепот Юли заставил меня открыть глаза и включить лампу. — О, ты не спишь! После телевизора ничего совсем не вижу. Я замерзла... и решила, что будет здорово, если я составлю тебе компанию!

Не знаю, что чувствовала она, но точно понимал, что это что-то настоящее и искреннее. Чуть улыбнувшись, я подвинулся и откинул свободный край одеяла. Юля, вся холодная, с еще влажными волосами сразу же шмыгнула ко мне под бок и прижалась так, что у меня защемило ребро.

Я выключил лампу, лег удобнее и лишь крепче обнял девчонку, чувствуя, как погружаюсь в сон.

°6. Каждый день не может быть хорошим

Утро оказалось безумно приятным. Я сумел проснуться лишь к двенадцати дня. Юля сопела под боком, закинув на меня все что было можно: и руки, и ноги, и волосы. Я осторожно провёл рукой по лицу, убирая ее волосы и зевнул. Нужно было вставать и начинать день, как всегда. Хотя, лучше все же стоило остаться в постели и наслаждаться этим прекрасным моментом. Стоило лишь прикрыть глаза, и я сразу же вспомнил вчерашний вечер. То, что случилось — стало неожиданностью для меня. До этого я был уверен, что держу себя в руках, а на деле оказалось, что я поплыл от одного лишь неловкого поцелуя. Вот это да...

Мне четырнадцать. Я сидел в пустом классе, склонившись над своим блокнотом и писал новую историю про мышонка Булька, когда в класс с визгом вбежали одноклассницы. Подняв глаза, я увидел Серегу, который залетел следом, держа в руках живую лягушку. Школа находилась недалеко от речки, и такого "добра" на школьном участке было предостаточно. Девчонки визжали, а толстяк-Серега пытался заставить их поцеловать его. Даже я тогда не мог придумать подобного. Да и уже к тому времени смирился с тем, что никогда не доверюсь ни одной юбке. Я выше этого! В первую очередь я должен думать о будущем. О том, как я отремонтирую наш дом, о том, как куплю бабушке новое платье, о том, как приду и скажу маме, что ей больше не нужно будет работать. А пока, я просто медленно шёл к желаемому. У меня уже было два блокнота с рассказами, и я при первой же возможности отнесу их в издательство. Только вот добраться до города было проблемой. Мама ездила в город в пятницу с утра, а я в это время был в школе и не мог пропустить, а поехать в другой день было просто невозможно.

Учителя жаловались на то, что на перемене я не даю им «отдохнуть» потому что сижу на месте. Но что мне было сделать, если из друзей у меня был только Серега, который не мог усидеть на месте даже во время урока. Тогда я совсем не понимал, почему он стал со мной дружить. Вроде бы и семья у него приличная, и деньги всегда на обеды были и не маленькие суммы. Мне тоже давали деньги на обеды, но я усердно прятал их в своей комнате в шкапулке. Я откладывал на мечту! Хотел на свое восемнадцатилетие что-нибудь себе подарить. Денег там уже было очень даже прилично. За два года могло накопиться много, по крайней мере, скоро нужно было менять шкапулку, потому что та не будет закрываться.

В тот день мы с Серегой возвращались домой, обсуждая, как здорово было бы жить в городе. Серега уже несколько лет жил за городом, потому что его отцу-астматику было тяжело жить там, где вечный смог. Постоянные приступы рано или поздно могли его убить. А мы когда-то переехали потому что в городе не осталось работы, сейчас отец вернулся домой, но мы так и не возвращались в город. Продолжали жить там. Мама работала, отец ремонтировал что-то по заказам, бабушка получала пенсию, и нам хватало. Но мне хотелось большего. Хотелось так же, как и моим одноклассникам приходить в школу не в одном и том же, а в новых брюках или ботинках, а про модный радио-приемник я даже мечтать не мог. Хотя, из накопленных денег мне могло хватить на что-нибудь.

— Что у вас там? — услышал я и поднял взгляд на дом и увидел, что у ворот стояла скорая, а во дворе что-то происходило.

Я со всех ног бросился домой. Залетел во двор и увидел сидящую на лавочке, плачущую бабушку и маму... Она сидела на корточках и кричала не своим голосом. У меня от страха

сжалось сердце, но я сразу же подошел к ней и заставил подняться. Мама очень похудела за последние несколько лет, выглядела, как мои одноклассницы, только морщины выдавали возраст и темно-синие мешки под глазами. Я прижимал ее к себе и чувствовал, как ее дрожь передается мне. Она будто бы не понимала, что сейчас перед ней я, а не кто-то. Обычно она сдерживала все эмоции передо мной.

Взглянув на бабушку, я понял, что что-то случилось с отцом. Утром, когда я уходил, он, смеясь, говорил, что пока приду, он всю крышу починит. Мы еще поспорили на рубль.

— Ч-что случилось? Мама? Мам, что происходит? — не выдержал я и тут же попытался усадить ее на лавку и пойти на поиски санитаров и отца, но она мертвой хваткой вцепилась в мою руку. — Мам, перестань! Я не маленький! Я должен знать, что случилось!

Не думал, что она это сделает, но она отпустила мою руку. Сердце неприятно саднило. Я пошел за дом, где отец собирался работать и увидел, как несколько санитаров накрывают простыней тело отца. Увидев меня, они нахмурились.

— Ну-ка, иди отсюда! — крикнул один, а я не мог пошевелиться.

Легкая рука легла на мое плечо, я вздрогнул и увидел бабушку. Она слабо кивнула и повела меня в дом. Я слышал, как кричала мама, как санитары что-то ей говорили. Через открытую форточку все было слышно, и при желании я мог все услышать, но кровь внутри меня бурлила. Я почувствовал внезапную пустоту внутри, и страх, что теперь я должен защищать свою семью. Но как, если я не могу защитить даже себя.

Я почувствовал легкое прикосновение к щеке и вздрогнул, открывая глаза. Сонная Юля смотрела на меня с улыбкой и прижималась еще сильнее, чем вечером. Неприятный осадок от воспоминаний отягчал дыхание. Сердце саднило. Я старался не подавать вида, но внезапно Юля ахнула и, схватив меня за подбородок, повернула голову.

— О, Боже, что это?

— Что там? — я в три секунды поднялся с постели и прошел к зеркалу.

Правую щеку «украшал» синяк с кровоподтеками. Я провёл пальцами по нему. Больно, но не смертельно. Странно, что он вообще появился. Я не помнил, что могло оставить этот след на моем лице? Нужно было воспроизвести прошлый вечер с самого начала, но в голову лезло лишь его завершение.

Юля сидела в постели и ждала, когда я ей объясню откуда у меня синяк в пол лица.

— Единственное, что я помню, так это то, как ты влепила мне пощечину. — Усмехнулся я, проходя к окну и оглядывая на улицу.

— Марин, после пощечины такого не может быть... Я не сильно же ударила...

— Значит, сильно. Пройдет, не забивай голову. — Присев на край кровати, я потер лицо руками и шумно выдохнул.

— Ну ты что? Из-за синяка так расстроился?

— Никак не могу проснуться. — Солгал я, чувствуя, как грудную клетку что-то сдавливает. — Давай прогуляемся. Хочу подышать свежим воздухом.

— Да! Блин... давай через час! Мне нужно съездить домой, переодеться. Но как только я приеду обратно, мы пойдем гулять! — Юля поцеловала меня в щеку и поспешила в гостиную, где оставила вчера свое платье. — Марин!? Я совсем забыла о тетрадке! Там под номером семь... ты написал, что хочешь вернуться домой.

«7. Вернуться домой (хотя бы на день).

Мне стало плохо. Я сдвинул брови и сжал пальцами переносицу. Когда я это писал, я гостил у бабушкиной сестры. Мама с бабушкой отправили меня туда только потому что

думали, что так будет легче пережить смерть отца. Это всего лишь эмоции. За столько лет впервые я поддался им, и почему? Только потому что доверился кому-то. Нужно держать себя в руках. Я мужчина. Стержень. Как говорил отец: «Скрипи зубами, но не показывай, что тебе больно! Эти ублюдки видят, что ты сильный, но хотят внушить тебе обратное! Будь выше этого! В нашей семье — нет трусов! Понял, сынок?»

— Что случилось? Ты сам не свой... — Юля бросила платье на кровать, села рядом со мной и нежно провела рукой по моим волосам. — Ну же... расскажи мне, что случилось? Дело во мне?

— Не думай о том, что дело может быть в тебе. Просто плохой сон...

— Я знаю тебя не первый день, и могу понять, когда ты врешь мне, а когда говоришь правду.

Шумно выдохнув, я долго не знал с чего начать, но я хотел высказаться. Я начал рассказывать ей о своём детстве, о родителях, о бабушке, о своих неудачах, потерях, работе. Все мне давалось сложно. Я был закрытым, и каждое сказанное слово, камнем сваливалось с души. Юля держала меня за руку и внимательно смотрела на меня. В ее глазах я мог прочесть сожаление, страх, в каких-то местах ужас и жалость. Я продолжал ей рассказывать все до тех пор, пока не увидел, как по ее щекам покатались слезы. Мне стало страшно. Что творилось в ее голове? Почему она заплакала? Но стоило ей обнять меня, и все вопросы тут же исчезли.

— Ненавижу всех и каждого, кто когда-либо обидел тебя... — прошептала она. — Никому не позволю обидеть тебя снова! Только...

— Не стоит об этом...

— Ты стал закрытым из-за НИХ! Из-за всех, кто тебя обижал! Но это неправильно.. людям можно доверять. Не всем, но можно. Вот смотри: мне можно доверять, соседи у тебя отзывчивые и котик у них милый, им тоже можно, Петрикову — можно. Да, я поняла, что в детстве у вас были проблемы, но ты видел, как трепетно он к тебе относился в больнице? Да, его мать — еще та... неприятная особа, но она просто все свои эмоции перевела в агрессию!

Она провела руками по плечам и вздохнула, после чего села удобнее и взглянула в окно.

— Знаешь, я все же завидую тебе...

— Что? — удивился я, на что она грустно улыбнулась.

— Мне было пять, когда отец начал заниматься издательством, а мама открыла салон. Времени на меня у них не было. Меня воспитывала бабушка, а родители каждый раз отвлекали меня игрушками, чтобы я не возмущалась. Однажды на Новый год, мы с бабушкой приготовили стол, ждали маму с папой, а они лишь отправили мне в подарок дорогую куклу, а сами остались на своих работах. У меня было все о чем я только могла мечтать, но... семьи как таковой не было. Мы не были дружными, а сейчас... вообще. Все, что не касается издательства — папу не интересует, а маму вообще нельзя застать дома. Эрик растет с бабушкой, как и я когда-то. И я очень боюсь, что он вырастет озлобленным.

— Озлобленным?

— Да... ребенок должен быть желанным.

— А разве он не...

— Когда мама узнала, что беременна, она сказала: «Ну получилось и получилось». Боюсь, что со мной было так же. Ладно, не будем о грустном больше! — она поднялась с постели и взглянула на время. — Я сейчас домой и к тебе, а потом мы поедем куда-нибудь, по-о-обедаем и... нужно вернуться к твоей тетрадке желаний!

Она при мне же сняла с себя футболку и принялась натягивать платье. Подойдя ко мне, Юля повернулась спиной и, собрав волосы, попросила застегнуть молнию. Это было не сложно, но воспоминания того, как я расстегивал платье приятно грели что-то внутри.

— Я быстро! Жди меня и не перебивай аппетит чаем.

Она уехала, а я снова остался один. Это стало немного непривычным, но Юля ведь обещала вернуться.

В четырнадцать лет я был обязан стать опорой для своей семьи. Я морально себя подготавливал к этому весь день, пока бабушка куда-то поехала, а мама после двух уколов успокоительного спала.

Отца привезли на следующий день. Меня сковал страх, я не мог зайти в дом, зная, что увижу там мертвого отца. Это очень сложно. Несложно заставить себя войти и увидеть. Самое сложное — это осознать то, что ты больше не услышишь его голоса, смеха, не почувствуешь крепкое мужское рукопожатие... именно отцовское. Я прошел по двору, пиная старый сдувшийся мяч и пытаюсь подготовить себя к последней встрече.

— Ирина! — услышал я бабушкин голос и обернулся, видя, как мама, укутанная шалью быстрым шагом шла к калитке. — Ирина, стой, кому говорю!?

— Я устрою этому жадному уроду! Из-за него Коля умер! Из-за него! Так пусть он это знает! — кричала мама, что люди, оборачивались, проходя мимо.

— Ирина! — бабушка, хромая поспешила за мамой, но у калитки обернулась на меня. — Марин, поди, выключи чайник!

Ком подступил к горлу. Я кивнул сам себе и, сделав вдох, прошел к дверям, но испугался в самый последний момент. Схватившись за ручку двери, я сжал зубы, нервно потрепал себя по волосам. Там мой отец! Отец, которого не надо бояться. Он не сделал мне ничего плохого, подарил мне жизнь и помогал стать мужчиной.

Выдохнув, я зашел в дом, прошел на кухню и выключил кипящий чайник. Сердце от страха колотилось с невыносимой силой. Уши закладывало. Я сунул руки в карманы и, еле переставляя ватные ноги, пошел в зал, где находился отец.

От одного взгляда мне стало плохо и больно. В груди неприятно заныло. Я взглянул на отца и почувствовал, как начало резать глаза, но сдержался.

— Я проспорил... — хрипло выдал я и тут же откашлялся. — Ты выиграл наш спор. Я должен рубль.

Я достал из кармана смятую купюру и прикрыл глаза, не зная, стоит ли делать так или нет. И правильно ли разговаривать с отцом сейчас? Да и вообще зачем нужно говорить с мертвыми? Всегда считал это глупостью, пока не столкнулся с этим сам.

— Тебе стоило дождаться меня. Если бы я был рядом, не произошло бы того, что... произошло. — Я выпрямился и сжал зубы, чтобы не дать волю слезам. — Обещаю тебе, что не посрамлю нашу фамилию! Постараюсь заменить маме и бабушке тебя... Не получится, я знаю, но... я буду стараться. И вот... рубль, который я проспорил!

Я подошел ближе и вложил в карман отцовской рубашки рубль. Да, много раз слышал, что плохая примета и так делать нельзя, но отец всегда говорил, что долг — это святое. И мне не было страшно, когда я это делал.

— Будь он проклят! Чтоб он сгорел от своей жадности! Пусть слезами своими умывается, так же, как и я сейчас умываюсь! — кричала мама с коридора, и я поспешил к ней.

Я вытер влажные волосы полотенцем и взглянул в запотевшее зеркало. Есть в

общественном месте — я не хотел, да и не любил. Знал, что там вечная антисанитария, поэтому решил устроить для Юли сюрприз и приготовить что-нибудь самостоятельно. Вот только проблема заключалась в том, что в квартире не было продуктов, а те что оставались, давно уже испортились. Собравшись, я оделся потеплее, проверил бумажник и вышел из квартиры, столкнувшись со своей соседкой.

— Здравствуйте, — сказал я, отчего у Брянской взлетели брови вверх от удивления, и она только и смогла кивнуть.

Никогда с ней не здоровался. Не нравилась мне она. Вечно недовольная, угрюмая и вообще странная женщина. Но сегодня... сейчас все изменилось. Я отбросил все плохие мысли куда-подальше и по-настоящему смог насладиться жизнью. Летел в небольшой магазинчик на углу словно на крыльях. Нужно было придумать, чем я предпочитал обедать. Время близилось к трём часам. За разговорами с Юлей я и не заметил, как прошло время. Не это было здорово. Я почувствовал что-то чего у меня никогда не было.

Людей было предостаточно. Они были всюду: на улицах, в магазинах были огромные очереди, и я не сразу понял что случилось. Лишь уже будучи на кассе со спагетти и курицей в корзине, я услышал «С наступающим!» и ошарашенно взглянул на кассира. Я отстоял в очереди минут двадцать, и теперь, осознав, что завтра тут и вовсе будет не протолкнуться, нужно было закупиться. Я уже давно не отмечал никаких праздников, но в этом году я хотел быть в кругу нужных мне людей.

Набрав полную тележку продуктов: и нужных, и ненужных, я снова отстоял очередь и вернулся домой. Поставив пакеты на стол, мне оставалось только передохнуть и можно было приступать к готовке, но в дверь позвонили. Юля вернулась. Я был уверен, что это она, поэтому не раздумывая открыл дверь и охнул. На пороге стоял Есенский. Он расставил руки в стороны, зажимая в одной бутылку, а в другой книгу.

— Дружище-е-е! Я в дерьме! — громко объявил он и ввалился в квартиру.

Я покачал головой, прислушался к звукам на лестничной клетке и закрыл дверь. Серега прошел на кухню, сел за стол, громко поставив бутылку.

— Наливай!

— Да я... и не планировал... я же...

— Давай, не мямли, как всегда. А че за пакеты?

Я шумно вздохнул, достал из шкафа стакан и поставил перед бывшим другом. Он уже был навеселе, от него несло алкоголем, и стало очень интересно, что его привело ко мне. Вряд ли он пришел бы, чтобы поздравить меня с моей первой книгой.

— Прикинь, я совсем случайно нашел твой адрес в записной! Думаю, дай-ка приеду. А чего один стакан? Давай второй! — он поднялся, прошел к шкафу и достал ещё один, потом долго разбирался в том, как открыть бутылку. — А че с лицом? Откуда синяк?

— Да так, ерунда...

Не понимал его намерений. Что ему было нужно? Почему он так яро собирался меня напоить? Надоело одному? Я стал разбирать пакеты и поглядывал на время. Юля должна была уже вернуться, но я бы не хотел, чтобы к ее приходу Есенский был все еще тут.

— Так и что у тебя случилось? — спросил я и тут же получил в руки стакан с крепким алкоголем.

— Вот! — он залпом влил в себя виски и протянул мне свою книгу.

— А что не так?

— Что нетак?! — взорвался Есенский. — Ты серьезно? Ты глянь, как эти придурки

мелко мое имя напечатали! Они бы вообще убрали его с обложки! А мы с ними договаривались! Уроды!

— Действительно. — Выдохнул я и в пару глотков осушил стакан.

Очень было неприятно от того, что я к своей мечте шёл столько лет, а этот тупоголовый жалуется на мелкий шрифт. После первого стакана разум словно помутнел. А дальше все шло, как... шло. Мы с Серегой говорили о работе, потом разговор зашел о детстве, а там и о моей болезни. Мы выпили чуть больше половины бутылки, Серегу унесло, да и меня тоже. В голову лезли отвратительные мысли.

Я сидел на подоконнике у открытого окна, курил и рассказывал о лечении своей болячки, когда на кухне появилась Юля. Она скривилась, взглянув на Есенского и перевела взгляд на меня. Мне стало одновременно неловко и неприятно от того, что Юля мало того, что задержалась, так еще и ворвалась в мою квартиру без спроса. Я не знал, как объяснить Сереге о том, почему эта девчонка вечно рядом. Может быть потому что она уже стала мне близким человеком? К тому же после того, что было между нами, мы точно стали ближе. Мой опьяненный разум не давал возможности правильно мыслить.

Юля подошла к окну, закрыла его и выхватила у меня из рук сигарету, поворачиваясь к Есенскому.

— Что тебе тут надо? Тебе рядом с ним медом намазано? Зачем ты приперся? — с напором начала Юля, потом затушила сигарету и уперев руки в бока. — Ты его напоил? Тебе на улицах собутыльников мало? Пошел отсюда!

— Марин, это кто? Ты себе завел домашнего питомца?

— Серег, давай не будешь грубить, — сказал я, соскочив с подоконника и чуть не упал.

— Бери теперь свои ноги в руки и вали отсюда. — не унималась Юля, а на все мои попытки дотронуться до нее оказались безрезультатными.

— Ты вообще знаешь кто я такой?

— Мне наплевать, кто ты такой! Но знаешь что?! Одно мое слово, и ты вылетишь из своего тухлого издательства, а в другие тебя попросту не возьмут! Я уж точно позабочусь об этом!

— Слушай сюда! — Есенский резко поднялся на ноги, склонившись над Юлей, отчего я испугался, что он может ударить ее. — Ты вообще знаешь, что я его друг? С детства! Мы с ним и через огонь, и через воду, а ты... кто ты такая, чтобы что-то мне указывать?!

Он ткнул пальцем ей в грудь, и это меня разозлило.

— Так, Серег, давай отсюда. Тебе пора. — Я отодвинул Юлю в сторону и взял Есенского под руку.

Я сам еле стоял на ногах, но должен был показать, что никому не позволю так с ней разговаривать. Она заслуживает уважения.

— Вот как? Друга на бабу? — возмутился Серег надевая ботинки.

— Давай молча.

Юля стояла в дверях кухни и наблюдала за нами, а я мечтал выкурить еще одну сигарету, потому что меня начинало подташнивать от выпитого количества.

— Да она тебя бросит, как только узнает, что ты вот-вот сдохнешь! На квартиру позарилась, ты ж глянь на неё! Как она могла на тебя глаз положить? — шепнул мне Есенский, выходя из квартиры, на что я грубо вытолкнул его на лестничную клетку и закрыл дверь.

Перед глазами все плыло. Становилось все хуже, но мне предстоял еще разговор с

Юлей, а это было куда страшнее.

Вернувшись на кухню, я снова сел на подоконник и взглянул на Юлю. Она продолжала стоять там, где стояла и молча на меня смотрела. Может быть ждала, что я начну извиняться? За что? Есенского я выставил за дверь, а то, что мы немного выпили — это... касалось только нас с ним и нашей, когда-то закончившейся, дружбы.

— Теперь я понимаю, почему у тебя до сих пор нет семьи. — Внезапно выдала Юля, присев на стул, на котором пару минут назад сидел Серега. — Ты делаешь только то, что хочешь ты... и, к сожалению, это никак не исправить. Я не знаю, что мне сделать, чтобы ты хоть чуточку прислушивался ко мне.

— Я не собираюсь отчитываться.

— Я не собираюсь отчитывать! Марин, ну ты же сам понимаешь насколько все серьезно... А этот козел что тогда в больнице строил из себя не пойми что, и теперь пришёл к тебе же домой и заставил тебя пить! А если тебе, не дай Бог, сейчас плохо станет? Укол делать нельзя! Ладно... я вижу, что до тебя я сегодня не достучусь. Поеду домой, раз уж здесь мне не рады!

Она вышла из кухни, а я снова испугался, что она уйдет надолго. Спрыгнув с подоконника, я поспешил за ней. Юля и правда собиралась уходить. Уже надела шапку и наматывала шарф на шею. Взглянув на меня, она продолжила одеваться, а я будто бы забыл все слова разом. Стоял и смотрел. Я вёл себя, как козел. Самый настоящий. Она могла подумать, что я жду момента, чтобы закрыть за ней дверь. Но я тоже стал собираться.

— Ты куда? — удивилась Юля, взглянув на меня.

— Хочу прогуляться с тобой. Исполнить восьмое желание.

«8. Хочу покормить уточек на пруду».

— Со мной? Я собираюсь домой, если ты не заметил. Марин, я не понимаю тебя! У тебя отношение ко мне меняется так быстро, что я просто не успеваю тебя понимать! — она развела руками и поправила шапку. — Ты ведешь себя, как... как мужлан! Если тебе хорошо — ты держишь меня рядом, если плохо... стараешься избавиться от меня.

— Юль... — мне стало стыдно, я присел на тумбу и попытался скорее прийти в норму, чтобы ответить что-нибудь.

— Я уже говорила тебе о том, как я отношусь к тебе. Я доверяю тебе полностью, но если ты этого не ценишь...

— Я ценю!

— Нет. Если бы ценил, то не пытался бы скорее приблизить конец. Марин, ты болен.

— Ты все время мне об этом напоминаешь!

— Нет... — Юля подошла ко мне, сразу же обняла и прижалась щекой к моему лбу. — Я просто боюсь, что твои эти... встречи с «друзьями» могут тебе навредить. А я же не могу быть вечно рядом с тобой...

Первую зиму без отца нам пришлось тяжело. Мама сильно заболела. Мне приходилось работать вместо нее, а потом идти в школу. Я просыпался рано, часа в три ночи, чтобы все успеть. Бежал на работу. До шести утра как раз со всем управлялся, прибежал домой, переодевался, собирал портфель и бежал в школу. Иногда я заходил в школьную библиотеку, где никогда никого не было, прятался за последний стеллаж и плакал. Все тело болело после работы, одноклассники ненавидели, маме не становилось лучше, а я не мог ничем помочь. Если бы отец был жив, он бы объяснил мне, как нужно сделать так, чтобы было правильно, но его нет, и я не знаю, что делать. Было страшно потерять еще одного дорогого человека.

Однажды вернувшись домой из школы, я увидел, что мама сидела с бабушкой на кухне. До этого дня, она ни разу не вставала с постели. Я обрадовался, что ей стало лучше. Сразу же обнял, пытался сдержать эмоции, но слезы сами по себе потекли по щекам.

— Милый, не плачь... жизнь — сложная, но интересная. И даже если в ней случаются горести, не время вешать нос. — Ласково говорила она, обнимая меня и проводя теплой рукой по моим волосам. — Ты же большой мальчик, ты же понимаешь, что я не могу быть вечно рядом с тобой...

— Прости, — сказал я, еле сдерживая пьяные слезы, которые навернулись на глаза.

Юля поцеловала меня, ласково улыбнулась и чуть сморщилась.

— Больше не буду целовать тебя... от тебя пахнет каким-то... спиртом смешанным с вареньем! Твой дружок Есенский ещё и в алкоголе не разбирается. — Усмехнулась она, поправляя мои волосы. — Давай, собирайся, пойдём тебя проветривать.

Я быстро собрался. Решил одеться потеплее, чтобы прогуляться подольше.

Мы вышли из дома и направились в парк, где я бывал редко, и еще реже с кем-то. Юля прятала щеки в шарф. Она, привыкшая не гулять, а кататься на машине, никак не могла смириться с морозом. Мы зашли в магазинчик по дороге, купили первый попавшийся на глаза батон и отправились к пруду, где всегда можно было покормить уток. Только не все это делали. Вот и когда мы подошли туда, там не было людей. Несколько птиц плавали кругами в одном месте, но Юля сразу же их спугнула своими эмоциональными возгласами:

— Смотри! Смотри! Смотри!

Мне по-прежнему было плохо, но уже не так, как было дома. Вернее, это не плохо... просто алкоголь постепенно выветривался из организма. Вероятно, я только поэтому еще не замерз. Пока Юля выглядывала уток с другой стороны, я стоял оперевшись на стальные перила, которые разделяли нас от пруда и, понемногу отщипывая батон, кидал кусочки в воду. Ну, признаться, из-за пропущенного завтрака и обеда иной раз куски батона отправлялись и мне в рот. Не мог сдержаться, чтобы не съесть хоть кусочек свежей выпечки. Оказалось, что когда безумно голоден — вкусным будет даже хлеб, а некоторые жалуются, что не знают, что им съесть, чтобы утолить голод. Чревоугодие. Грех.

Я передернул плечами и почувствовал ледяные мурашки, пробежавшие по всему телу.

— Ого, сколько их прилетело! — прошептала Юля, отчего я вздрогнул.

Не заметил, как она подошла. Выдохнув, я бросил еще кусок в воду и взглянул на птиц. А ведь им страшно, но выбора нет: либо умереть от голода, либо от рук человека. Если уж умирать, то умирать зная, что ты приложил все усилия в достижении своих целей. А какая у меня цель? Все эти глупые желания из детства, которые я за всю жизнь не исполнил — исполнила девчонка, которую я знаю пару месяцев. Пусть и не все, но если бы не она — ничего бы так и не исполнилось. Я взглянул на то, как увлеченно, она отрывала кусочки батона и кидала их в уток. Это выглядело забавно.

— Юля, постой... Ты их убить решила? — рассмеялся я, обнимая ее и показывая куда лучше всего кинуть следующий кусочек угощения. — Нужно не пугать их, а кормить.

— Я кормила! И вообще, я думала, что они попросту не заметят, если я кину подальше.

— Они голодные, так что заметят все, что ты бросишь в воду.

— Такие миленькие и голодные... давай каждый день будем сюда ходить и кормить их! — предложила Юля и обернулась на меня. — Давай?

— Каждый день? Ну... думаю, что свежий воздух пойдет на пользу! А вот сейчас лучше вернуться домой. У тебя уже нос красный.

— Но я не замерзла! — возмущалась Юля, но все же согласилась пойти домой.

Мы вернулись. Юля, не успела снять шапку, сразу же прошла в гостиную, включила телевизор, гирлянды и, кинув куртку на диван, отправилась на кухню. Она вела себя так, будто бы это был я у нее в гостях. Но мне безумно это нравилось. Я чувствовал себя спокойно. Возможно, это все выглядело так, будто бы я всю жизнь ждал, когда появится человек, который будет ухаживать за мной, заботиться и радоваться всем моим достижениям.

— Ты чего там застыл? Плохо? — обеспокоенно спросила Юля, выйдя в коридор и подойдя ко мне. — Марин?

— Я снова задумался... — выдохнул я, вешая куртку в шкаф и прошёл на кухню за Юлей.

— О чем ты постоянно думаешь?

— В основном это воспоминания о детстве... самые яркие события, которые у меня были.

— Какие?

— Моменты обиды, страха, горести... мне кажется, что как только я вспомню день, когда... умерла моя мама — это будет и моим последним днем.

— Что за бред?

— Извини? — я присел на стул и взглянул на Юлю.

— Ты сам веришь в то, что говоришь? Прости, я понимаю, что тебе тяжело, но... неужели, ты не можешь думать о чем-то хорошем? У тебя в жизни не было хороших моментов?

Я пожал плечами, ведь я совершенно не помнил, что меня радовало в детстве? Всю жизнь я пытался смириться со смертью близких людей. После смерти отца я долго не мог прийти в себя. Несколько лет не мог спать ночами, все думал, что виноват только я. Только смирился — беда случилась с мамой. Острая боль потери преследовала меня на протяжении десяти лет, если не больше. Но стоило мне перестать каждую ночь думать о той трагедии — умерла бабушка. И я остался один. Я был совсем один. Работал, подрабатывал, писал в свободное время, и стоило душевной боли чуть стихнуть, я узнал о диагнозе. Нет радости в жизни.

— Ты не можешь этого понять, потому что твое детство отличалось от моего. — Сказал я, проведя руками по волосам.

— Отличалось? — разозлилась Юля и прошла по кухне. — Ты вообще знаешь, что я пережила в детстве? Ты рассказывал мне утром о том, как здорово тебе жилось с мамой, с бабушкой, с отцом... А я даже представить не могла своих родителей в одном месте в одно время! Отец вечно был занят своим издательством, мать все время гуляла где-то, уж точно не со мной, потом у неё салон появился. А бабушка уделяла мне время в перерывах между готовкой и уборкой! Да, мы жили в огромной квартире, с кучей дорогой мебели, с отдельной библиотекой, в которой было огромное количество сказок, я не умела читать, и мне не давали брать что-либо с полки, чтобы просто картинки полистать! А стоило мне пойти в школу, мать сразу же отправила меня сразу на пять кружков! И мне не было классно, я была в кругу таких же эгоистичных придурков, как и мои родители! — Ее будто бы трясло от всех этих воспоминаний, но она продолжала ходить по кухне и выговариваться. — Мне было тринадцать, когда родился мой брат! И в тринадцать я сама записывалась на всевозможные кружки, лишь бы не быть дома, где орал не только маленький Эрик, но ещё и отец, которому

нужно было сосредоточиться на документах, мать, вечно была недовольная пеленками, и бабушка, которой приходилось растить моего брата и слушать ссоры родителей! Ты думаешь, что раз я родилась в семье богатенького папаши — то все? Детство удалось?! Да я бы все на свете отдала за то, чтобы в выходные сходить с отцом в зоопарк или покормить уток! Но им с матерью, что тогда, что теперь — плевать на меня! А у тебя было счастливое детство. Твой отец — герой! Он был готов на все ради своей семьи! Мама — сильная женщина! Она вырастила тебя, несмотря на сложности! Бабушка — это... да по твоим рассказам, я вообще в восторге от нее! И ты еще смеешь жаловаться... Бедненький, воспоминания его донимают! Да у тебя хотя бы есть что вспомнить! А я — не могу вспомнить ни одного хорошего момента! Ни одного за всю свою жизнь!

Она прошла к холодильнику, достала оттуда бутылку с водой и сделала пару глотков, затем выдохнула и взглянула на меня. Конечно, Юля ждала, что я скажу хоть что-то, но мне в голову ничего не приходило.

— Я хочу есть! Я устала... из-за тебя не ела весь день. — Она открыла холодильник и пару минут все рассматривала, потом закрыла его и ушла в другую комнату.

Я сидел и ждал ее, но Юля все не возвращалась. Поднявшись, я неторопливо прошел в гостиную и увидел то, как она уже застегивала куртку.

— Ты куда?

— Домой.

— Что случилось? Я могу приготовить ужин... да и планировал сегодня приготовить что-нибудь, просто Есенский...

— Марин, я не могу так... Ты слишком закрыт. Я не знаю, может ты думаешь, что я слишком глупая, поэтому не разговариваешь со мной на темы, которые тебя беспокоят. Не могу я так. Я устала... хочу немного отдохнуть без тебя. Я думала, что ты будешь рад, когда я издам твою книгу. И да, ты отблагодарил, но... мне очень жаль, что для тебя это ничего не значило.

— Что ты такое говоришь? — я был безумно удивлен, слушая ее.

— Не хочу больше ничего говорить. — Она развернулась и решительно направилась в коридор.

— Юля! — я пошел за ней, ну не мог же просто так отпустить ее. — Если ты сейчас уйдешь, я не перенесу этого!

Юля подняла на меня взгляд и смотрела, не моргая, а затем продолжила собираться, словно не слышала того, что я сказал.

— Юль...

— Не надо мной манипулировать!

— Я и не собирался. — Я взял ее за руку и подошел ближе, чему она удивилась и даже растерялась. — За месяц в больнице, я чуть с ума не сошел, потому что не видел и не слышал тебя.

— Угу... и поэтому ты мне не звонил! Прекрасно! — она высвободила свою руку из моих и вздохнула.

— Я не звонил потому что...

— Почему?

— Потому что думал, что тебе не до меня.

— А, ну класс! — Юля развела руками, повернулась к двери, и я испугался, что останусь один.

— Да, я закомплексованный, больной идиот! Я не звонил потому что думал, что так будет лучше! Я не хочу, чтобы после моей смерти ты страдала! И я не хочу и не хотел, чтобы ты привыкала ко мне, но пока я пытался отгородить тебя от себя, сам привык... и я ценю каждое мгновение, проведенное с тобой. Ценю, Юля, понимаешь? Но мне страшно, что будет с тобой потом.

Не знал, останется Юля или нет, но после признания стало легче. Сердце колотилось так, словно я пробежал марафон. Но она не ушла. Вероятно, обдумав все за короткое количество времени, Юля обернулась, подошла ко мне и поцеловала. Казалось, что в один миг все разрушится, но... наверное, она только этого и ждала. Ей нужна была только моя искренность. Взаимность.

— То, что будет «потом» тебя уже не будет волновать... а то, что есть сейчас просто прими. Неужели, это так сложно? — тихо проговорила она.

— Я каждый раз даю себе обещание, что буду наслаждаться жизнью, но у меня не получается.

— Значит, я тебе помогу! Не зря же я рядом! — Юля улыбнулась, снова поцеловала меня, и все же осталась.

Я еще раз попытаюсь начать все заново. Научусь радоваться мелочам. Научусь ценить моменты, проведенные с близкими людьми. Я постараюсь больше не вспоминать о прошлом, чтобы оно не убило меня раньше времени. Я смогу.

7. С НОВЫМ «СЧАСТЬЕМ»

После больницы я каждую ночь спал спокойно и так крепко, что ничего вокруг не слышал. Казалось, если бы среди ночи мне кто-нибудь позвонил, я бы даже не пошевелился. Уколы я не делал, ведь приступов не было. Может быть за время, проведенное в больнице что-то изменилось, и мне предстоит прожить долгую и счастливую жизнь? Стоило этой мысли закрасться в мою голову, как все внутри сжалось. Я проснулся и услышал, как в дверь кто-то яростно звонит. Юли рядом не было. Странно. Если она в квартире, но не открывает, то что произошло? Или она ушла? А если и ушла то почему? Мне казалось, что вчера вечером, мы наконец-то обсудили все, что тревожило меня и задевало ее.

Неторопливо поднявшись с постели, я как обычно осмотрел комнату на предмет тапочек и, не найдя их, прошел в коридор. Потерев лицо, я повернул ключ и приоткрыл дверь. Это была Юля. Она довольно улыбнулась, я открыл дверь шире и увидел огромный чемодан, который девчонка тут же затащила в коридор.

— Ты спал? Я тебя разбудила? — пролепетала она, закрывая дверь и хмурясь. — Ты вечно ходишь без тапочек? Заболеть решил опять?

— Постой, я не очень понимаю... — я кивнул на чемодан, отчего Юля закатила глаза. — Нет, правда.

— Ну ты же сам ночью говорил, что... хочешь, чтобы я всегда была рядом! — она обняла меня, и я почувствовал запах морозца на ее волосах.

— Да, верно, но я не думал, что ты сама додумаешься тащить свои вещи... Тяжело же. — Выдохнул я, беря чемодан и потирая лицо, понес его в спальню.

— Ну почти и не тяжело! Я просто думала о том, что будет здорово жить с тобой. Мы все равно спим вместе, а это уже что-то значит! Так и до свадьбы недалеко! — рассмеялась она, с размаху прыгая на кровать прямо в куртке.

Я улыбнулся, поставив чемодан у шкафа и прошел по комнате, открывая шторы. По телу пробежали мурашки от одного вида снега на крышах соседних домов. А ведь вчера... снега было не так много или это я не замечал. Скорее всего так.

Обернувшись на Юлю я увидел, что на постели ее уже не было, валялась только куртка. А через пару минут в спальне появилась и сама девчонка со стаканом воды и горстью каких-то таблеток.

— О, нет... Юль, давай хотя бы сегодня не будем... — Начал я, но она только показала головой.

— Пьешь сейчас, чтобы в Новый год без болей, без приступов и без нервов! Ну про нервы — это уже лично моя прерогатива!

Я нахмурился и взглянул на разноцветные таблетки в ее маленькой ладони.

— Ну же... они не горькие. Давай скорее, мне еще посмотреть, как ты будешь готовить!

Это точно. Юля предлагала заказать что-нибудь, чтобы не готовить, к тому же нас будет только двое. Вернее я так думал, но потом что-то пошло не так, и она с размахом начала приглашать друзей. Обзвонила всех, и даже Петрикова пригласила. Вот ему я точно был бы рад. После нашего «примирения» здорово было бы обсудить с ним все, что касалось нашего общения в прошлом. Можно было вспомнить детство или расспросить про все, что интересовало так долго. Мне это было нужно. Может быть и ему тоже.

Все-таки смирившись, я выпил таблетки, которые прописал Ванька, и отправился в душ.

Я был уверен, что прохладная вода взбодрит и даст возможность насладиться новогодним утром. Прикрыл глаза и просто наслаждался тем, как вода легко скользила по телу, даря приятные ощущения. В последнее время я стал слишком зависим от всех ощущений. Мне нужно быть более серьезным, но эти постоянные Юлины выходы, которые заставляют мое сердце биться чаще — не дают мне возможности быть таким, как прежде. Хотя, может быть это именно то, что мне всегда было нужно? Немного баловства.

Я провел руками по лицу, сгоняя воду в стороны и выдохнул, как вдруг почувствовал легкое прикосновение к плечу. Сначала думал, что задел что-то, но когда это повторилось, тут же понял, что Юля вновь решила «поиграть». Ее детская веселость во взрослые моменты, казалась мне немного неподобающей, но это отходило на второй план, как только она целовала. Каждый раз я думал о том, что же она чувствует? Почему делает то, что делать по сути не стоило бы?

Ее пальцы пробежались по моим плечам, а я продолжал стоять и прислушиваться к ощущениям. Ласковые прикосновения сливались с каплями, и на мгновение я подумал, что мне показалось, и это вовсе не ее пальцы только что блуждали по моим плечам. Она поцеловала мое плечо, оставляя на нем горячий след, и я почувствовал то, чего не позволял себе очень давно. Я расслабился. Словно слился с водой. Мне стоило бы остановить Юлю, сказать ей, что не время, да и не стоит делать того, о чем она может пожалеть. Но однажды, совсем недавно, все произошло. Она теперь знала мои слабости, знала, что я, как и все только и делал, что мечтал ей овладеть. Даже в самую первую встречу, когда я увидел ее синие глаза, я почувствовал то, что хочу видеть, как изменится ее взгляд, после...

Таблетки туманили разум. Это было мимолетное «задымление», после которого наступает некое прозрение и становится легче. Но прикосновения Юли и действие таблеток стали отправной точкой. Я будто бы переставал контролировать своё тело. Переборыв самого себя, я перехватил ее руку, которая не спеша направлялась от груди вниз и какое-то время стоял так.

— Не хочешь, чтобы я продолжала? — тихо спросила Юля, даже не подозревая, что у меня внутри происходила настоящая борьба.

Я хотел, чтобы она продолжила. Хотел вновь погрузиться в омут наслаждения, но было не время. Нужно было готовиться к празднику, к тому же Юля сама пригласила гостей.

— Ты снова закрываешься от меня... — прошептала она, свободной рукой проводя по моему плечу. — Что я делаю не так? Марин... я не смогу понять тебя, если ты мне не поможешь.

Я выдохнул и вздохнул глубже. Каждый раз ругал себя за то, что не мог расслабиться. Напрягался в моменты, когда этого совсем не нужно было. Но я не мог иначе. Все детство, всю школу, университет, да и последующие годы — я знал, что у меня ничего не получится. И у меня не получалось.

Рука, крепко сжимающая запястье Юли, невольно дрогнула, я закрыл глаза и постепенно выпустил ее ладонь. Вновь почувствовал, как Юля поцеловала в плечо и попытался расслабиться. Нужно относиться ко всему проще... хотя, казалось бы, куда еще проще?! По телу пробежали мурашки, но не те неприятные от прохлады, а те самые, от которых сердце начинает биться быстрее. Те, от которых по всему телу ощущаешь дрожь... приятную дрожь. Юное тело девчонки прижималось к моей спине, и я чувствовал весь жар, который исходил от нее. Если бы она только знала, что происходило в моей голове, в моих мыслях от ее прикосновений, то точно бы не стала больше искать встречи. Она бы и вовсе не

стала находиться рядом. Выдохнув, я открыл глаза и взглянул на то, как капли воды струйками стекали по стеклянным стенкам душа. Они словно держались из последних сил, а потом стремительно срывались вниз. Я чувствовал то же самое. Держался из последних сил, боясь вот-вот сорваться, не сдержаться и упасть в бездну наслаждения, о которой раньше только читал в сопливых любовных романах. Я слышал свое собственное дыхание и дыхание Юли... мне было безумно интересно узнать, о чем же она думала в этот момент, но я попросту не сумел даже предположить, потому что внезапно почувствовал, как что-то внутри меня изменилось. То что годами было напряжено и сжато до характерной дрожи, теперь внезапно раскрылось с большей силой и яркостью. Громко выдохнув, я прикрыл глаза и постепенно начал приходить в себя. Вода по-прежнему омывала тело, смывая теперь уже остатки блаженства, но я продолжал стоять еще какое-то время. Жизнь — это борьба. Вечная борьба с собой, со своими страхами и комплексами. Кто-то обращается к психологам, кто-то пытается разобраться во всем самостоятельно, что приводит к долгой и затяжной депрессии. В моем случае — депрессия овладела мной последние лет пятнадцать. С самого университета. И я бы дальше вдавался в подробности, думал о прошлом и стоял под душем, если бы не услышал грохот, доносящийся из кухни.

Выйдя из душа, я только успел обернуться в полотенце и прошел на грохот, где увидел, как Юля собирает осколки разбитой тарелки. Как она только все успевает? Совсем недавно девчонка была в душе, совсем рядом, теперь что-то делала на кухне. Мне даже показалось, что в какой-то момент я моргну, а она будет уже где-то в другом месте творить то, что она так хорошо умеет.

— Прости, я не удержала... но ничего! На счастье ведь, да? — улыбнулась Юля, выбрасывая осколки и открывая холодильник. — С чем тебе помочь?

— Может быть... пока просто посидишь?

— Тоже верно! Буду наблюдать за тобой.

Она улыбнулась, поправила влажные после душа волосы и села на стул, рассматривая меня так, что мне стало не по себе. Нужно было одеться и приступить к готовке. Признаю, не любил это дело никогда, да и не думаю, что Ванька расстроился бы, не приготовь я что-то. Но Юля требовала праздника, и я не мог ей отказать. Кому угодно смог бы, но ей — нет.

— Как ты научился готовить?

— Точно не помню. Может быть... когда отец еще сидел в тюрьме, и мне было лет десять... Зимой перед Новым годом, маме дали первую настоящую зарплату, а не продукты, и она решила встретить праздник по-настоящему. Может тогда, наблюдая за ней и бабушкой, я что-то запомнил. — Я пожал плечами и чуть улыбнувшись продолжил. — Мама тогда на половину зарплаты накупила продуктов, и помню, как они весь день с бабушкой готовили что-то, а я наблюдал за ними и подъедал «лишнее». Да, наверное, поэтому потом и сам стал готовить. Запомнил. Да и когда бабушка заболела, не могла вставать с постели, нужно было за ней ухаживать, готовил тоже я. Денег на сиделку у меня тогда не было, да и вряд ли я бы доверил кому-то ухаживать за родным человеком. — Последние слова будто бы ударили по самому больному, я ведь знал, что дальше со мной произойдет, но вот кто будет за мной ухаживать — никто.

— Ого...

— Да. А разве тебе не хочется научиться готовить? — Усмехнулся я, на что девушка скривилась и покачала головой.

— Ты и без этого на мне женишься, так зачем я буду страдать?

— Юля...

— Что? Не женишься?

— Закроем тему, — ответил я, как можно мягче и продолжил своё занятие.

— Ладно, но не думай, что тебе удалось меня переубедить! Я просто попробую что-нибудь нарезать! — она потянулась через весь стол, взяла в руки нож и уже собиралась что-то резать.

— Только не на столе! — вовремя остановил ее, потому как Юля не думала останавливаться. — Давай, я все же сам.

— Ну вот! Больше ворчал.

Мы управились за час. Разговаривали о чем-то, не задевая личные темы, которые волновали меня куда больше, чем бесполезные покупки, платье не того размера и то, что интересовало Юлю. С каждым новым рассказом я все больше понимал насколько мы разные, и задавался вопросом: «Почему она все равно здесь?». А что если эта девчонка не понимает до конца, что я болен? Что если она думает, что я обманываю? Она же все переводит в шутку... так же, как и я в каких-то моментах, но я же — совсем другое дело. Я не веду себя, как взрослый мужчина. Чем больше времени я провожу с ней, тем больше похожу на глупого подростка, который не может управлять собой.

Нахмурившись я взглянул на Юлю, листающую каналы и прошел к окну. Ну что же я делаю не так? Если б я только знал, то все бы исправил. Обязательно исправил бы, и не стал так поступать, но иначе не получается.

В то время как мои одноклассники всю обжимали девчонок в школе, я читал книжки и мечтал о большем. Все мои мысли были забиты сюжетами, которые я писал с особым удовольствием, а воскресные рассказы, выходявшие в местной газете были всего лишь набросками, которые я успевал написать с понедельника по четверг. В пятницу бабушка или мама относили их в местную типографию, где меня печатали в газете под псевдонимом Мартин Вейр. Гордость разрывала изнутри, когда я слышал, что одноклассники на переменах обсуждали мои рассказы, пусть и не зная о том, что написал все только я. Они бы все равно не поверили. Не любили меня по-прежнему, да я и не переживал по этому поводу. Я усердно шел к своей мечте.

Мне было почти семнадцать. Десятый класс. Я также писал рассказы на переменах, пока все были в буфете. Но как на зло к нам определили молодую практикантку — Елену Юрьевну. Худая, темноволосая с огромными медовыми глазами и приятным голосом сразу же поразила всех парней. Ох, если б она только слышала, как ее обсуждали все: учителя завидовали ее молодости и уму, так же как и мои одноклассники завидовали мне, а ученики представляли ее в самых грязных фантазиях, которые не стеснялись озвучивать в коридорах школы. Но, наверное, ей было все равно, потому как она будто бы ничего не замечала.

Однажды, задержавшись после физкультуры я пришёл чуть позже в кабинет и увидел Лену плачущей. Она стояла оперевшись на первую парту, ее плечи подрагивали, но всхлипы были еле слышны.

— Что случилось? — спросил я, чем напугал ее.

Она обернулась, растирая слезы по щекам, затем попыталась ответить на мой вопрос, но не смогла. Закрыла лицо руками, как маленькая девочка и заплакала еще громче. Что мне оставалось? Я закрыл дверь в кабинет на ключ и подошел ближе, не зная, как себя вести. Да если бы не я, она просто бы поплакала и пришла в себя, а тут... ей еще придется и отчитываться передо мной.

— Снова эти старые клуши сказали, что ты что-то неправильно делаешь? — тихо спросил я, присев рядом с ней.

Лена убрала руки от лица, негромко всхлипнула и, поправив волосы, взглянула на меня с каким-то подозрением.

— Откуда ты знаешь, что мне что-то кто-то сказал?

— Люди не плачут без повода.

— Ммм... — она кивнула, глубоко вздохнула и вновь растерянно взглянула на меня. — Прости, я не знаю кто ты... не запомнила еще всех.

— Марин... с вон той парты, — кивнул на последнюю и чуть улыбнулся, видя, как она проследила за моим кивком.

— А, о... а я думала, что ты неразговорчивый.

— Я тоже много чего о тебе думал, — усмехнулся я, но увидев, как ее лицо вновь меняется, а на глазах выступают слезы, поспешил добавить, — я о стойкости говорил. Просто... ты уже сколько тут работаешь, и только сейчас я увидел, что ты не справляешься.

— Я справляюсь! — нахмурилась она, и шумно выдохнула. — И это... не повод разговаривать со мной так. И вообще, что ты пристал?

— Я не пристал, просто думал, что... — мой взгляд упал на ее ноги, по капроновым колготкам шла жирная стрелка, и я поспешил отвести взгляд. — Прости, просто думал, что что-то случилось, а это... извини...те.

Обычные женские штучки, из-за которых и правда не стоило так рыдать, но видимо это было слишком... важно для молодой девушки. В тот день мы больше не разговаривали, даже на уроке Елена Юрьевна не смотрела в мою сторону. Вечером того же дня я написал рассказ о чужой неблагодарности и людском непонимании. Я написал про то, как парень спас волчицу из капкана, но когда это сделал, она его укусила... чтобы он тоже почувствовал ее боль. Никакой благодарности...

Прошла неделя с того момента. Я все также ходил в школу, писал. В то день, когда все ушли в буфет, я сидел за партой и писал в блокнот новую историю, когда услышал, что в кабинет кто-то зашел. Нужно было дописать до точки и убрать блокнот, но вдруг передо мной оказалась газета, в которой публиковали те самые рассказы. Вздвогнув, я поднял голову и увидел Лену Юрьевну. Она стояла надо мной и чего-то ждала. Шумно вздохнув, я вытянул свой блокнот из-под газеты, убрал в портфель, затем вновь взглянул на Лену.

— Ну что? — не выдержал я. — Я газет не видел? Или домашку не сделал?

— Это ведь ты написал? — негромко произнесла она, отчего у меня на лице появилась улыбка.

— Что за бред? — я хотел подняться, но она уперлась руками мне в плечи, не давая встать, и вновь взглянула на газету. — Что ты хочешь?

— Давно уже читаю, нравится.

— С чего взяла, что это я?

— Знаю, — довольно улыбнулась она, пнув меня носком туфли по ботинку, чтобы я подвинулся, и села рядом. — Почему под своим именем не публикуешь?

— Потому что.

— Думаешь, что читать не будут? Или думаешь, что дразнить начнут? Но я тебе скажу то что ты пишешь — это очень красиво, очень хорошо... У тебя талант! Тебе нужно идти дальше! Стараться... это же здорово! Я в детстве мечтала стать актрисой... но подумала, что у меня не получится, поэтому пошла в учителя, но ты... уверена, что у тебя получится.

— Угу... — только и выдал я, смотря в её глаза, полные энтузиазма. — Я думаю, что тебе не стоит лезть в мою жизнь. И не нужно на каждом углу озвучивать, что это мои рассказы.

— Хорошо! Теперь у нас будет свой секрет. Здорово, да? — улыбнулась Лена, смотря на меня с неподдельным интересом. — А что ты сейчас пишешь?

Ее интерес к моим работам рос все больше и больше, а я воодушевленный тем, что кому-то настолько нравится мое творчество писал как можно быстрее. В какой-то момент, Лена предложила мне перейти с рассказов на книги, но тогда, мне было страшно. Сам объем меня пугал, и я отметал любую мысль о романах, продолжал делать наброски, публиковал рассказы и наслаждался комментариями Лены. Она поверила в меня, и я был благодарен этому.

— Марин? — тихий голос Юли заставил меня обернуться, и я слегка улыбнулся, видя, как она наматывает на себя мишуру.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь завернуть тебе подарок! Какой лентой перевязать?

— Красной с огромным бантом! — рассмеялся я, подходя ближе и обнимая ее.

Мне нужно было почувствовать ее. Я знал, что с каждым днем она влюбляется все сильнее, но когда-то этот порыв угаснет, и влюбленность пройдет. Я больше не буду для неё самым-самым, она найдет мои морщины чем-то отвратительным и мерзким, начнет стесняться моей седины и вечной щетины, станет поглядывать на парней своего возраста. Скоро это пройдет. Скоро она забудет о том, что когда-то вообще смогла взглянуть на меня так, как смотрят на любимого человека.

— Давай смотреть фильм! Я принесу что-нибудь перекусить! — снова взбодрилась девушка и поспешила на кухню. — Новый год уже скоро!

Я листал каналы, отгоняя от себя мысли о прошлом, о школе, о газете, в которой издавал свои первые работы и о Лене... странно, что я вообще о ней вспомнил. Никогда не позволял себе подобного, но чем больше я открывался Юле, тем чаще вспоминал прошлое, которое так хотел забыть. Там не было ничего плохого, возможно, те годы даже были лучшими... самыми лучшими, несмотря на многие проблемы и другие сложности, но мне было тяжело окунаться в то время.

— Вот! — Юля села рядом со мной и вручила вазочку с мандаринами. — Как раз для праздничной атмосферы! У тебя же нет аллергии?

Я улыбнулся, поднеся мандарин к лицу, и вдохнул запах.

— К сожалению, я не в ладах с цитрусовыми.

— Ну ты серьезно?! Блин, ладно. — Юля нахмурилась и поставила вазочку на столик рядом и, прижавшись ко мне, уставилась на экран.

Какой-то фильм то и дело прерывался на рекламу, Юля недовольно ворчала, лежа у меня на плече, иной раз отвлекалась на то, чтобы очистить мандарины от кожуры и возвращалась обратно. Запах цитрусовых разносился по всей комнате, а мои мысли были полностью забиты воспоминаниями о прошлом. И как бы я не отгонял их от себя, у меня не получалось. Я смотрел на экран, но не понимал сути фильма. Это меня и беспокоило. Мне нельзя было настолько отвлекаться. Я не давал себе разрешения вспоминать прошлое, но вспоминал. И чем больше вспоминал, тем больше злился на себя же.

— Марин, нам надо поговорить, — внезапно сказала Юля, и я понял, что все то, что она делала ранее: сосредоточенно смотрела телевизор, чистила мандарины один за другим и то

и дело глубоко вздохнула — все это было на нервах.

— Что такое?

Она шумно вздохнула, выключила телевизор и повернулась ко мне, кладя руки на свои колени и потирая их. Мне показалось, что этот разговор будет сложным, возможно, то же самое терзало и меня. Недосказанность в наших... отношениях?

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что я буду с тобой до конца, но... в качестве друга! И не перебивай меня... я не маленькая глупая девочка, которая влюбилась в тебя просто потому что увидела... красивое лицо... я хочу, чтобы ты знал, что все, что я делаю для тебя — все это осознанно. И я знаю к чему все приведет, но я не могу поступить иначе...

— Хочешь сказать, что все настолько серьезно? — усмехнулся я, скорее нервно, чем весело.

— Марин, это серьезно... — тяжело вздохнула она, после чего потерла лоб и пожала плечами. — За месяц, пока ты лежал в больнице я взвесила все «за» и «против»... И скорее всего я сделала выводы именно сегодня.

— Я немного не понимаю тебя.

— Я вижу, что ты ничего не чувствуешь ко мне...

Этого я не ожидал, я ведь пытался делать вид, что для меня важно то, что она делает для меня. Да и делать вид не нужно было, это и правда — очень важно, она отдавала всю себя на то, чтобы мне было лучше. И вообще, я должен радоваться, что на меня тратила своё время такая девушка.

— Нет, это не так.

— Я дура по твоему? Я вижу, как ты смотришь на меня, обнимаешь только потому что пытаешься разбудить в себе чувства, которые... вряд ли, когда-нибудь проснутся. Да, мы можем быть друзьями, и то... если ты захочешь. — Она провела руками по волосам и снова положила их на колени. — После того, как гости уйдут, я заберу вещи и уеду. Просто, я так подумала... нам нужно все обсудить до Нового года, чтобы уже в следующем, все было так, как нужно.

— И как нужно?

— Порознь... — совершенно спокойно произнесла Юля, а у меня внутри все как-то неприятно сдавило.

Неужели я своими собственными руками положил всему конец? Чему именно? Тому, что не ценил. Тому, о чем даже не думал до этого момента.

Через несколько часов, которые я потратил на то, чтобы обдумать все сказанные Юлей слова, пришел Петриков, но не один. Когда в дверь позвонили, я сразу же отправился открывать, в то время, как Юля переодевалась и готовилась встречать гостей. Стоило мне открыть дверь, как я увидел довольную улыбку Ваньки.

— С Наступающим! — воскликнул он, входя в квартиру, после чего отвел меня в сторонку, махнул кому-то и вновь тихо сказал. — Я не знал, что так получится, но ко мне приехал брат двоюродный с женой в гости. Не мог же я из дома оставить?

— Нет, все отлично! Не стесняйтесь, куртки можете бросить вот... — я принялся убирать свои вещи с вешалки, как вдруг из комнаты вышла Юля.

— Всем привет! Вань, — она улыбнулась и, подойдя к Петрикову обняла его, — с Наступающим!

Юля выглядела восхитительно. В коротком голубом платье с белым воротничком она была похожа на Снегурочку. Не хватало двух косичек вместо высокого хвоста. Я будто бы

увидел её с другой стороны. Такая маленькая, но такая сильная, но все ее решения, которые она ранее озвучивала были ничем иным, как просто баловство. Теперь же, она была серьезна. В ее глазах пропал тот огонек. Взгляд блуждал по гостям, иногда пробежал по мне, но я не видел тех эмоций, которые были ещё утром.

— Знакомьтесь, это Стас и Римма — мои горячо любимые родственники! Стас, Римма — это Юля и Марин — мои... — он запнулся, ведь называть наше общение дружбой — было немного странно.

— Пациенты! — рассмеялась Юля, на что Римма подхватила ее смех.

— Если б я так каждое знакомство начинал! Марин?! — кажется, Петриков уловил мое недомогание и решил это ещё и озвучить. — Все хорошо, выглядишь...

— Нет, все хорошо. — Кивнул я, после чего вздохнул и продолжил. — Юля утром накормила меня таблетками.

— От молодец!

— Простите, а что... — влез в разговор светловолосый Стас с нелепой рыжей щетиной, которую вечно потирал рукой.

— Марин болен, но уже идет на поправку! — сказала Юля, но я слышал, как дрогнул ее голос.

Маленькая девочка, которая все это время бегала за мной только для того, чтобы я вовремя пил таблетки и делал уколы, а я начал строить из себя непонятно кого. Каким же нужно было быть идиотом. Почему раньше никто не говорил, что так может случиться? Почему с детства никто не привил мне это чувство? Почему я не научился быть благодарным? Благодарить — это ведь не только сказать «спасибо»... это ещё и... И? Ну, что же это? Что?! Где была мама или бабушка в те моменты, когда мне было плохо? Почему я начал идеализировать свою жизнь? Почему? Каким бы я не был, я сам дошёл до этого. Своими руками погубил себя и своё будущее, которого, как оказалось и нет. Вот оно... тот самый случай, когда Бог совершенно случайно дал жизнь не тому и теперь, найдя эту «ошибку» в своих записях, решил все уничтожить. Но взять и внезапно «убрать» человека, Он не может, поэтому насыпает на него болезни, чтобы они добились его.

— Все хорошо? — услышал я, поднял взгляд и увидел над собой Юлю, она стояла склонившись и ждала ответа.

— Лучше и быть не может. Где гости?

— Понятно, — шумно выдохнула она, — они пошли мыть руки, прежде чем садиться за стол. И знаешь...

— Знаю! — резко отозвался я, поднимаясь с дивана.

— Ты козел! Надеюсь, что и это ты знаешь!

Я закипал от злости, но старался держать себя в руках. Странно, да. Ещё пару минут назад меня мучила совесть за то, что я потерял Юлю, а теперь, я стал инициатором очередной ссоры. Лучше способ предотвратить конфликт — промолчать. И я промолчал. Прошел на кухню, взглянул в окно и, простояв какое-то время так, не шевелясь, вернулся в гостиную, где Юля «обхаживала» гостей. Сначала она рассказывала какие-то истории про издательство, где она работает, затем Петриков начал говорить про болячки своих пациентов, про то, как устал, а затем и светловолосый Стас подхватил разговор.

— Марин, а вы кем работаете? — поинтересовалась Римма, доедая, кажется вторую порцию салата и окосевшая от двух бокалов шампанского.

— Никем, я...

— Автор-неудачник! — усмехнулась Юля, зная, что это меня разозлит, но я лишь улыбнулся и пожал плечами.

— Она всегда так говорит, когда у меня что-то не получается. Наверное, боится, что я не закончу очередную книгу в срок, и ее издательство понесет убытки за потраченные средства на рекламу.

— А у тебя никогда ничего не получается! Если бы не я, ты бы и первую свою книгу не увидел. Трус!

— Юлечка, кажется, тебе уже хватит. — Ваня попытался отобрать у Юли бокал, но она ловко извернулась и рассмеялась.

— Вань, что ты распереживался? Марин хочет знать правду. Верно?

— Верно. — Кивнул я. — Пусть говорит, Вань, я давно хотел узнать почему она привязалась к «автору-неудачнику», «трусу» и «козлу».

— Марин, — Петриков взглянул на время и поднялся с дивана, — идем, отойдем. Стас, пошли тоже... Юлечка, Риммочка, пошущукайтесь пока без нас.

Я встал и вышел на кухню, куда следом пришел Ванька и Стас. Меня накрывала злость, я чувствовал, как все внутри меня кипит, но не мог успокоиться.

— Глубже вдохни и выдохни! — сказал Петриков, открывая окно и закуривая сигарету.

Стас устроился на подоконнике, сверлил меня взглядом, но молчал. В его глазах читалось непонимание. Оно и понятно, его пригласили в гости, а тут... непонятная ссора, которая началась из ничего. Да и вообще все началось еще днем, когда Юля сказала, что уедет вместе с гостями. Зачем? Зачем она это сказала? Решила меня вывести? У неё получилось!

— Ты чего на взводе?

— В постели какие-то проблемы? — совсем не вовремя влез Стас, на что я еле сдержался, чтобы грубо не ответить.

— Она же девчонка еще. Гормоны бушуют, вот она и пытается ущипнуть тебя, а ты как маленький ведешься.

Я закатил глаза и почувствовал, как по губам что-то пробежало. словно волос, дрожащий при дыхании. Проведя рукой по губам, я открыл глаза и увидел на ладони кровь.

— Сколько можно?!

— Не запрыкидывай ты голову! — Ваня выбросил окурок в окно и подошел ко мне, глазами ища хоть что-то, но Стас подкинул полотенце.

— Перенервничал, ничего. Нашел из-за чего переживать. У тебя в жизни ещё столько ссор будет! Это же обычные бытовые. Я со своей бывшей женой тоже не сразу сошелся. Характеры у нас несовместимы...

— Ага, и гороскопы, — усмехнулся Стас, на что я тоже не смог сдержать смеха.

— Ну вот, в себя приходишь. А то аж побелел от злости.

— Нормально. — Кивнул я, чувствуя, как голова начинает кружиться и оперся на тумбу.

— А какие таблетки ты пил? — вдруг спросил Ваня, рассматривая блистеры с таблетками.

— Не знаю, Юля какие-то приносила, я их и выпил. Что? Отравка какая-то?

— Очень смешно. — Съязвил Ваня. — Юля!? Юль, подойди-ка.

Мне показалось, что она не хотела идти, но спустя пару минут все же появилась на кухне. Увидев меня, она растерянно взглянула на мужчин и снова вернула лицу равнодушное выражение.

— Какие таблетки ты ему дала?

— В с-мысле? Вань, все, что ты прописал, то и дала. Ничего больше, честное слово... — начала оправдываться девчонка, прижав руки к груди.

— Да я не про это. Ты все вместе дала?

Она кивнула, потом принялась лазить по шкафчикам, и протянула ему какой-то листок.

— Вань, ну тут написано как давать и какие! Я ему по часам давала, что не так?

— Да не переживай ты так, просто небольшой побочный эффект.

— Какой?! — чуть ли не выкрикнула она, взглянув на меня, но тут же отвела взгляд.

— Агрессия! — нелепо улыбнулся Стас и встал с подоконника, проходя по кухне. — Это не страшно, но оба пострадали.

— Идемте дальше встречать Новый год! Уверен, что следующий год у вас будет куда лучше, чем конец этого!

— Конечно будет! Как ты там говорила, Юль?! Порознь?! — не сдержался я, за что получил от Вани хмурый взгляд.

Остаток вечера до Нового года мы провели за какой-то настольной игрой, которую нашли у меня в шкафу. Играли все, кроме меня. Им было весело, а я сидел и мысленно пытался себя успокоить. Кровь долго не останавливалась. Впрочем, как и в прошлые разы, но это не мешало мне. Я же был дома. В первый раз, когда это случилось я тоже был дома, но один. Кровь пошла, когда я работал над очередной статьей. Капля упала прямо на клавиатуру, и я почти сразу же сообразил, что нужно делать. Приложил холодное, промыл нос, дышал ртом, но ничего не помогало. Я насторожился, но не думал, что все настолько серьезно. Да и кто вообще думает о серьезности в таких ерундовых случаях? Некоторые себя чувствуют прекрасно, но болезнь их сжигает за считанные дни. А я мучаюсь уже почти год. И каждый раз мне становится все хуже и хуже. Приходит осознание того, насколько я бесполезен. Обычный кусок дерьма, который вот-вот раздавят и размажут по асфальту.

— Идем смотреть фейерверк! — предложил Ваня, и мы вышли на балкон, смотря на то, как соседи внизу готовятся похвастать салютом, купленным на деньги, которые откладывали весь год.

— Пусть наши желания сбудутся! — улыбаясь произнесла Римма, прижимаясь к Стасу, на что тот нежно обнял жену и поцеловал в висок.

Интересно, о чем они мечтали? О чем может мечтать молодая семья? О доме? Ремонте? Детях? Бред какой-то. Хотя, о чем я там мечтал? Каток? Торт? Книги? Я внезапно вспомнил про тетрадь... Если желания невозможно исполнить, про них нужно забыть!

Пока все были увлечены наблюдением за салютом, я ушел в комнату. Я знал, что тетрадь Юля обычно носила с собой, что было совсем неправильным решением. Достав ее из дамской сумочки, я прошёл на кухню, бросил ее в раковину и, схватив с подоконника спички, поджег листы. Медленно загорелась обложка, затем последующие листы, а потом пламя объяло всю тетрадь. Я стоял и наблюдал за происходящим, пока не услышал тяжелый вздох за спиной. Обернулся и увидел ее лицо, искаженное словно отвращением.

— Тебе стало легче? — спросила она, кивая на горящую тетрадь.

— Намного!

— Ты сам себя убьешь... Марин, ты сам себя убиваешь! Как ты этого не можешь понять?

— Тебе поговорить захотелось? Давай, поговорим в следующий раз, когда меня не будет раздражать в тебе... абсолютно ВСЕ!

— В таком случае, мы с тобой больше никогда и не поговорим. Ты точно этого хочешь? — Юля скрестила руки на груди и глубоко вздохнула. — Марин, я хочу, чтоб ты понял... Я не маленькая девочка, чтобы так со мной обходиться! Поиграл и бросил? Ладно, но поступи, как мужик и признайся хотя бы в этом! Признайся в том, что все, что было между нами — это было только для того, чтобы потешить твое самолюбие! Ну же!

— Это было не так!

— Ты еще хуже, чем я думала...

— А зачем ты тогда носилась с таким «монстром», как я? М? Зачем? — я сделал шаг к ней, но она отступила назад.

— Я влюбилась! Но я влюбилась, наверное, в красивую обертку... не зная, что внутри далеко не сладость.

— Мне казалось, что ты утром говорила совсем обратное. Разве нет?

— Говорила... и что? Я много чего говорю, жаль только, что ты не все слышишь. — Вновь шумно вздохнув, Юля покачала головой и взглянула на меня совсем уже другим взглядом. — Сегодня вышла твоя вторая книга, поздравляю... Подарок под елкой. Кто-нибудь после праздников оповестит тебя о презентации. С Новым годом... ура...

Она развернулась и ушла, а через пару минут ушли все. Я снова остался один. Ее слова словно на повторе звучали в моей голове. Понимал, что был не прав, но теперь все зашло ещё дальше, чем когда-либо, и теперь только чудо вернет все на места. Я даже не очень хорошо помнил, как прощался с Ванькой, как жал руку Стасу, улыбался Римме и помог вынести Юлин чемодан на лестничную клетку. Вот и все. Прошлая моя жизнь в одиночестве вернулась. Снова молчал телевизор, в комнатах не горел свет, даже гирлянда на елке перестала мигать, а застыла в одном положении. Я провёл рукой по лицу и прошел по гостиной, не зная, чем себя занять. Долгожданная свобода — не приносила радости, а ведь я мечтал избавиться от Юли уже долгое время.

— Я так хорошо себя вел в этом году, что ты решил исполнить мое самое идиотское желание? — усмехнулся я, обращаясь к нарисованному на подарочной упаковке Деду Морозу. — Я сошел с ума...

°8. Новый знакомый

— Ты эгоист! Ты привык, что за тобой все должны бегать! Но я себя уважаю и не собираюсь бросать все ради твоих каких-то тупых «желаний». Ты знаешь о чем я вообще мечтаю?! — кричала Лена, пока я молча собирал свои вещи в чемодан.

Для меня ее крики ничего не значили. В то время я жил лишь ради своего будущего, и Лена постепенно начала забывать об этом. Мама с бабушкой сидели в соседней комнате и скорее всего слышали её крики.

— Что ты молчишь?! Ты знаешь о чем мечтаю я? Знаешь?!

— О чем ты мечтаешь? — выдохнул я, подняв взгляд на покрасневшую от злости Лену.

— О семье, Марин... ты можешь на мне жениться! — произнесла она, подойдя ближе и обхватив мое лицо руками, сжимая щеки. — Неужели ты не хочешь, чтобы мы стали семьей? Родим детишек, и будем жить здесь. К тому же... твоим родным без тебя будет сложно.

— Лена, — я отошел от нее, продолжая складывать вещи, — моим родным будет куда сложнее, если я заведу семью, детей и буду жить в нищете! Не мне тебе говорить о здешних зарплатах.

— Ты сейчас унизить меня решил?

— Все, хватит. Либо поедешь со мной, либо я поеду сам! — Я закрыл чемодан и взглянул на время. — Я тебе уже миллион раз говорил о том, что собираюсь и работать в городе! Все, время учебы закончилось, теперь нужно расти, чтобы через несколько лет добиться того, к чему я шел с раннего детства.

— Ты помешался на своих желаниях! И если ты думаешь, что я за тобой побегу, то ты ошибаешься! Знаешь, как трудно найти работу в городе?!

— Все, пока! Мне пора.

— У тебя ничего не получится! — крикнула она, пытаясь ударить меня по самому больному. — Ты — неудачник! Твои книжки никому не нужны! Ты еще вспомнишь!

Я прошел мимо нее, попрощался с мамой, бабушкой и ушел, направляясь к автобусной остановке. Всего каких-то несколько часов, и я начну самостоятельную жизнь.

Мысли произвольным потоком сменяли одна за другой, от воспоминаний тошнило. Хотя скорее всего тошнило не от них, а от количества выпитого алкоголя, подкрепленного сигаретой... не одной. Если кто-то мог подумать, что таким образом я праздновал своё одиночество, то он очень не прав. Возможно, я устроил себе преждевременные поминки, а может быть и наоборот, хотел напиться и сделать то, о чем думал уже достаточно давно, но... как же было неприятно находиться в тишине. Да, работал телевизор в гостиной, в кабинете во всю орала музыка из колонки, в дверь тарабанила Брянская, но даже этот шум не мог отвлечь меня. Я прекрасно понимал все масштабы этого беспредела, который устроил самостоятельно, но без Юли было слишком тихо. Привыкший к её звонкому голосу, я не мог отвыкнуть от него. Все в квартире напоминало мне о ней.

Я медленно поднялся с пола. Все плыло, и мне от этого чувства было не по себе. Нужно было умыться холодной водой. Кое-как дошёл до ванной, умылся и взглянул на себя в зеркало. Ничтожество. Как я мог её обидеть? Почему обидел? Почему она ушла? Почему не высказала ничего? Почему издала вторую книгу? А самое главное... когда успела?

Вновь обдал лицо ледяной водой и, не вытираясь, пошел к елке. По дороге чуть не упал. Ноги были ватными.

Шум отвлекал. Я не мог сосредоточиться на чем-либо. Выключил телевизор и музыку. Звонящая тишина с новой силой ударила по мне, но я продолжил искать свой подарок под елкой. Пару часов назад, когда Юля только уехала я нашел книгу именно там, и кажется положил обратно, но нет... нашел книгу в той же подарочной обертке с веселым Дедом Морозом на ней, я только на кухне, на подоконнике. Приоткрыл окно, сел на пол, закурил новую сигарету и принялся открывать «подарок».

Толстая книга с каким-то существом на обложке, моим именем и название... «Путь длиною в жизнь» — сразу же захватили дух. Дышать стало труднее. Я тяжело сглотнул. Это моя вторая книга. С ума сойти. И все благодаря маленькой веселой девчонке, которая за несколько месяцев изменила мою жизнь. Никому не удавалось этого сделать, а она смогла.

Я выдохнул дым и открыл книгу. В нос ударил запах, который не сравнится ни с каким другим. Поднеся ее к лицу, я вновь глубоко вдохнул. Блаженство. Как жаль, что этот момент я переживаю в одиночестве... Но я могу все изменить, как только приду в себя. Если приду в себя... Вероятность остаться таким, каким я был вечером слишком велика.

Страхнув пепел прямо на пол, я пролистал книгу и нашел в самой середине листок с быстрым почерком. Тряхнув головой и прищурившись, я пробежал глазами по тексту и понял, что это было поздравление от Юли.

«С Новым Годом, мой милый писатель! Ты автор ШокБука, ты в это веришь?! Кажется, что я сама не осознаю этого, НО (!) благодаря тебе я поняла, что работа редактора — это моя жизнь. Знаешь, когда я редактировала твои книги, я поняла, что это некий интимный момент, и я хочу делить его с тобой. И многие другие моменты я хотела бы разделить с тобой. Надеюсь, что сейчас ты читаешь это «письмо» и смотришь на меня (даже если я уже валяюсь под елкой). Я люблю тебя! Хочу, чтобы ты это знал, и можешь даже не отвечать, потому что... ты не тот человек, который разбрасывается такими громкими словами. Просто буду надеяться, что ты правильно меня поймешь. А еще я буду надеяться на то, что нравлюсь тебе чуть больше, чем раньше! С Новым годом! И я напому, что я люблю тебя! Если я рядом (а я рядом) обними меня!».

Если бы она знала, что сейчас я читал эти строки в полнейшем смятении, то поняла бы мое состояние. Я затушил сигарету, поднялся с пола, закрыл окно и поплелся в спальню. В голове мелькнул самый лучший (на тот момент) вариант, и я принялся переодеваться. Мокрая, после умывания, футболка осталась валяться на полу у кровати. Искать новую не было времени, поэтому я надел колючий свитер на голое тело, стянул штаны и, шатаясь по всей комнате начал натягивать джинсы. Наверное, я выглядел, как идиот, но совсем не думал о том. Нужно было скорее добраться до Юли.

Надев ботинки и куртку, я взял бумажник и вышел из дома. Только у подъезда догадался взглянуть на время. Три ночи. Куда я собрался? Мозг кричал одно, а сердце звало куда-то. Я шел по дороге, пошатываясь из стороны в сторону, пока водитель, которому в новогоднюю ночь не спалось, не остановил меня.

— Эй, мужик, подвезти? — крикнул он, приоткрыв дверцу.

Я только кивнул и сразу же в такси, ещё раз проверяя бумажник.

— С Наступившим! Куда поедем?

— Взда... в зд... — язык не поддавался, отчего я сначала оторопел, но увидев искреннюю улыбку водителя, собрался. — В из-да-тель-ство ШокБук! Знаешь где?

— Конечно! Только что подвозил девчонок туда! Там корпоратив! Весело.

На мгновение мне показалось, что Юля может быть там, но чем ближе мы подъезжали,

тем больше я понимал, что в том состоянии, в котором она уходила, вряд ли бы она захотела праздновать дальше. Я обидел ее, и только теперь понимал насколько сильно мои слова и действия ранили, ещё не познавшую жизнь, девочку, какой она и была в душе.

— Приехали!

— Сколько я должен?

— С Новым Годом, приятель! — усмехнулся он, не озвучивая суммы, и я не мог уйти просто так.

Достал из бумажника пару купюр и протянул ему, затем взглянул на здание и чуть сморщился. Зачем приехал сюда? Зачем-то же ехал?

Я вышел из такси и пошел внутрь. Дверь оказалась не заперта, хотя охранник тут же подошел ко мне, собираясь выпроводить. Пришлось умолять, упрашивать, но в итоге заплатить за то, чтобы он сделал вид, что не видел и не слышал меня. Это было самым правильным решением данной проблемы.

Я был впервые в этом издательстве, но повезло, что указатели показывали куда нужно было идти. На пятом этаже гремела музыка, доносились смех и разговоры девушек, несколько мужских голосов и непонятные звуки. Для приличия я постучал по дверному косяку и зашел в большой и просторный кабинет, где веселье шло полным ходом. Женщины облаченные в ультра облегающие платья танцевали у окна, как вдруг одна отвлеклась на меня и, разведя руки, пошла навстречу.

— Какой красивый молодой человек... заблудились? — сразу же начала она, стреляя взглядом.

— Это... — я обвел взглядом помещение и продолжил, — ...издательство, да?

— Угу... — оторвавшись от бокала с шампанским произнесла женщина. — Но мы не работаем, праздник же. А вы кто?

— А, я... новый автор. И я знаю, да... Мне в... общем-то нужен адрес редактора.

— ЭЛЯ! — крикнула она, отчего я сморщился и сделал шаг назад, чувствуя, как постепенно начинаю трезветь, и как головная боль сдавливает виски.

— М? Здрасьте. — Плотная дама в красном мини подошла к нам и вопросительно взглянула на подружку. — Что такое?

— Он адрес твой просит.

— Нет-нет, вы не поняли, я не ее адрес просил. Мой редактор — Юл... Юлия... — в самый важный момент я забыл фамилии, поэтому прошло некоторое время прежде чем я продолжил. — Котова, кажется!

— М... а она что, плохо отредактировала? Ну так ты с этим вопросом после праздников к Эдуардовичу подходи. Он ее пнет. — Эля смачно чавкнула бутербродом с икрой, и я вновь взглянул на ее подружку.

— Ладно, только если что нас не выдавай. Если Эдуардович узнает, что мы слили его адрес — убьет. — Сказала женщина, в размах написав на листке адрес.

— Спасибо! — улыбнулся я, убирая листок в карман. — С Новым Годом!

Я был вне себя от счастья. В меня получилось сделать самостоятельно хоть что-то. Значит, еще не все потеряно. Оставалось надеяться на то, что Юля простит... снова. Но ведь я только сейчас понял насколько дорожу нашими отношениями... мы стали друзьями, а затем чем-то большим, но я просто не успел уловить эту тонкую грань и продолжал думать, что мы друзья. От этого и не давал чувствам раскрыться. В Новый год все сбывается, а значит и мое желание должно сбыться. И сбудется, ведь я отчаянно верил в него.

Быстро пройдя к дверям, я вышел на улицу, чуть зазевался в поисках такси, и увидел водителя, который так и не уехал. Будто бы ждал меня. Я свистнул ему, махнул рукой и шагнул вперед, уже потом понимая, что обо что-то споткнулся. Попытка устоять — не увенчалась успехом, и я растянулся прямо на пороге издательства. Позорище, но сделаем скидку на то, что я был пьян. Я уже собирался подниматься, как вдруг увидел перед самым лицом черный нос-пуговку. Он шевелился, что значило, что обладатель его принюхивался. Все же я поднялся и увидел толстого щенка на коротких лапках и с таким грустным взглядом, что что-то внутри меня словно щелкнуло. Я никогда не думал о том, чтобы брать животных с улицы, но этот малыш... с подранным ухом и коротким хвостом растопил мое сердце. Он дрожал всем телом. Пару раз твякнул, попрыгал на месте и вновь уставился на меня.

— Ладно, парень, пошли со мной. Но взять навсегда я тебя не смогу... я скоро умру, и за тобой некому будет приглядывать. Но пока пошли. — Сказал я, поднимая дрожащего щенка на руки.

Его глаза с нескрытой благодарностью смотри на меня, и я просто влюбился в этого карапуза. Наклонив голову, я сжал зубами воротник куртки, свободной рукой потянул молнию вниз. Расстегнул больше чем наполовину, сунул щенка за пазуху, и прихрамывая пошел к такси. Водитель с хитрой ухмылкой стоял и смотрел на меня, словно я был каким-то придурком. Хотя, скорее всего со стороны все так и выглядело. Плевать. Я пьян... все еще.

— Повезло малышу, его уже трое пнули, а ты забрал. — Усмехнулся он, заглядывая за пазуху и рассматривая щенка. — Куда едем?

Я запустил руку в карман джинсов, достал оттуда бумажку с адресом и протянул водителю. Он понимающе кивнул. Мы сели в машину и поехали напрямиком к Юли. Всего каких-то минут сорок-час и я вновь увижу ее, смогу сделать отчаянный шаг, какой не делал никогда в жизни. Да, я понял, что никогда ни у кого не просил прощения. Не было надобности. Хотя, скорее всего если б в своё время я попросил прощения у Лены, сейчас бы у меня была большая семья... или же нет, все же она была невыносимой. Но что будет, когда я попрошу прощения у Юли?

— А ты чего не празднуешь-то, а гуляешь? — вдруг спросил водитель взглянув на меня.

— Долгая история... — выдохнул я, но понял, что должен проговорить это в слух, чтобы окончательно понять в чем не прав. — Я поссорился с близким человеком... слишком поздно понял, что был не прав. Испортил ей... праздник...

— Ей? Девушка, значит?

— Нет... друг.

— Вот пока ты считаешь её другом, вряд ли вы помиритесь. Девушкам нужна взаимность! Это тебе любой психолог скажет! — он взглянул на меня и усмехнулся.

— Но мне это говоришь ты, а не психолог.

— А кто тебе сказал, что я не психолог? С отличием закончил, вообще-то. Правда... психологи в наше время невостребованы. Приходится таксовать, чтобы прокормить семью. Меня Олег звать!

— Марин, — кивнул я.

Я почувствовал усталость, следом головную боль и тошноту. Завтра будет «весело». Но половина страны проснется в таком же состоянии — так что не так обидно будет. Новый год — жестокий праздник. Один день пьешь — десять отходишь.

— А ты не писатель, случаем? — вдруг спросил Олег. — Я недавно купил дочке

сборник сказок... там тоже автор — Марин... забыл фамилию... И в издательство ты ехал... Ну точно твои сказки! Эх, а я не взял книжку, так бы автограф выпросил!

— Да ну, какой автограф?! — рассмеялся я, понимая, что это уже слишком.

— Ничего себе, я писателя везу! — посмеялся Олег, на что я рассказал ему всю историю о себе, начиная со знакомства с Юлей.

Мы ехали, болтая о книгах, о девушках, он рассказывал мне о своей семье, а я о себе. Мне казалось, что он и правда отличный психолог, но смущало то, что в последнее время около меня околачивалось слишком много подобных мозгоправов. То этот Стас, теперь Олег... Может я себя накручивал? Хотя этих психологов и правда развелось слишком много.

Обменявшись номерами мы попрощались. Я погладил щенка, успокаивая нервы, посидел у подъезда какое-то время, смотря на двери и думал о том, что зря все это затеял. Но обратного пути не было. Нужно выдохнуть и идти. Колено ныло. Я взглянул на него и охнул, видя небольшое кровавое пятно на темных джинсах. Пьяный, грязный, в крови и с щенком — завидный жених. Главное, чтобы Юля дома была одна... Бред, с чего бы она была одна? А если спит? На часах только шесть утра. Ну а вдруг не спит?

— Ну что, дружок? Либо пан, либо пропал... Пошли. — Я провел рукой по лицу, прогоняя сон, поднялся и отправился на восьмой этаж.

Ещё пару минут, и я стоял у её дверей, прислушиваясь к звукам в квартире. Шумно. Голоса отчетливо доносились — значит никто не спал еще или уже... Рука легла на звонок, пальцы начали на кнопку и раздался громкий звонок. За дверью послышались шаги. Я напрягся, отступил и нервно сглотнул. Дверь чуть приоткрылась, худощавая женщина в очках кинула на меня пренебрежительный взгляд.

— Слушаю, — процедила она, сквозь зубы.

Странно вообще, что она открыла мне дверь. Обычно такие люди разговаривают через преграду или вовсе посылают на все четыре стороны. Бесстрашная, а ее профессионально поставленный голос — немного смущал. Казалось, что эта женщина — мастер по ораторскому искусству или актриса, а может и учительница. Главное не прогибаться. Не отступать.

— Мне нужно поговорить с Юлей.

— Не живут тут такие.

— Ну как же не живут? Мне дали ее адрес.

— А мне-то что? Иди отсюда, к тому кто адрес дал и переспроси ещё раз!

— Нет, вы не понимаете, я... — попытался найти подходящий предлог, чтобы эта бабка позвала Юлю, — ...я — автор мне нужно уточнить пару моментов насчет презентации!

— Время видел, автор? Иди отсюда, пока полицию не вызвала! — повторила женщина, снова взглянув на меня с каким-то подозрением.

— Ба, кто там? — услышал я голос Юли и сделал шаг к двери.

— Никто!

— Юля! Юль — это я! Выйди, пожалуйста! — крикнул я, пока бабка закрывала дверь.

За дверью послышался какой-то шум, потом дверь открылась, и я увидел Юлю. Она в домашних тапочках-зайцах, в синей шёлковой пижаме с небрежным пучком стояла и смотрела на меня с удивлением. Я б на ее месте тоже удивился бы. Да что уж там? Будь я на её месте, я б вообще не стал присматривать за больным придурком, который к тому же не ценил ее заботы.

— Что ты тут делаешь? — тихо спросила она. — Как ты нашел где я живу?

— Кто ищет — тот...

— Марин... — перебила меня Юля, — Мне казалось, что мы поговорили... Нет?

— Я пришёл не просто так, — я шагнул к ней, колено вновь заныло. — Я хотел...

— О, Господи, у тебя кровь! — воскликнула она и тут же кинулась ко мне, чуть ли не в ноги, чтобы увидеть рану, но не увидела, джинсы не были порваны. — Что у тебя в куртке?

— Я просто поскользнулся... А в куртке... ну... в общем-то я споткнулся об него... не смог оставить на улице. — Мои слова даже мне показались несвязным бредом, но я впервые в присутствии Юли волновался и нервничал.

— Это щенок, да? Какой лапочка! — она расстегнула мою куртку и погладила малыша по голове, отчего он сладко зевнул и настороженно принюхался. — Маленький какой...

— Я решил взять его на какое-то время к себе...

— Это... Марин ты что... — Юля принюхалась, приподнявшись на носочки, на что я отвернул голову, ожидая нотаций. — Ты пил что ли? Тебе нельзя пить, ты ж таблетки принимаешь! Что ты за человек такой? Боже мой...

Она выдохнула, схватила меня за рукав и втащила в квартиру, где я тут же встретился со взглядом её бабки. Она ждала Юлю, чтобы отчитать, а она вернулась не одна, а с каким-то алкашом. Вероятно, я именно так и выглядел в ее глазах... скорее, я и правда так выглядел. Как было неловко и в то же время радостно от того, что мы с Юлей больше не в ссоре. Хотя, это еще было непонятно. Я снял обувь, сделал шаг и вновь взглянул на женщину, она с презрением смотрела на меня, буквально испепеляя. Юля помогла снять куртку, снова потискала щенка и повела в комнату.

— Юля, ты зачем этого алкаша в дом притащила?! В нем дури больше, чем в нас с тобой! Не дай Бог, изнасилует и ограбит! А мы потом будем сидеть и глазками лупать, как ты привыкла, да? — не унималась женщина, чуть ли не наступая нам на пятки.

— Ба, утомонись!

— Я тебя уму разуму пытаюсь научить, а ты как и твоя мать! Такая ж!

— Вот и иди учи свою дочь с кем спать, а перед кем глазками лупать! Отдыхай! — не выдержала Юля, закрывая перед носом бабки дверь и обернулась на меня. — Да поставь ты уже этого щенка!

Ещё некоторое время я просто ходил по ее комнате, рассматривая фотографии, которыми была увешана вся стена. На них была Юля: совсем маленькая и постарше, несколько школьных фотографий, где она с огромными белыми бантами и недавние... на которых она за рулем своей машины, парочка фото на природе и несколько с друзьями. Не знал, что у неё столько друзей, я совсем ее не знал. Стоило больше разговаривать с ней, а я каждый раз думал только о себе, о своём спокойствии, о том, что будет потом, но не думал о том, что будет с Юлей. Да, знал, что ей будет тяжело, после моей кончины, но сейчас она заслуживала похвалы и доброго слова за то, что она делала. Пока я жив, должен ей показать, что в жизни все прекрасно. И пусть это будет сказкой, но зато это будет! У неё останутся приятные воспоминания. Да и у неё вся жизнь впереди, не будет же она оплакивать меня все это время.

— Садись, — сказала девчонка, кивнув в сторону компьютерного кресла и открыла аптечку, выискивая там что-то.

— Я пришел вообще-то не просто так...

Я прошел по комнате и сел в кресло, не зная слушает ли она меня или настолько занята, что ей наплевать на все. Но нет, на мое присутствие не наплевать же. Она могла не выйти

из квартиры, когда я позвал ее, но вышла. И я благодарен ей. Если бы все обернулось по-другому, я просто сошел бы с ума... винил себя до конца своих дней в том, что виноват, обидел и... совесть меня сожрала бы вперед рака.

— Снимай штаны!

— Юль...

— Марин, не спорь, пожалуйста. — Юля наклонилась ко мне и потянулась к ремню на джинсах.

Эти ее выходки каждый раз немного волновали меня. Не знаю почему, может быть каждый раз я боялся оплошать? Мне умирать — а я думаю не о болезни, а о том, как получить удовольствие. Нужно было исправляться, но если я вновь закроюсь, все только ухудшится. Я взглянул на Юлю и ухватил ее за запястье. Она грустно улыбнулась, кивнула и сделала шаг назад, зная, что я отпущу ее руку, но я сделал то, чего сам не ожидал. Это уже было однажды в ванной, тот момент не забыть никогда. Я потянул ее к себе. Хотел чтобы она знала, что я нуждаюсь в ней, в ее ласке и заботе, просто не могу этого показать. Если бы только она могла прочесть мои мысли, то сама бы все поняла.

Юля сделала несмелый шаг ко мне, я словно замер, читая неопределенную канитель эмоции на ее лице. Мгновение и громкий, непонятный звук нас разлучил. Юля отдернула руку и взглянула в сторону двери, я сделал то же самое, но никто, как оказалось, нам не мешал. Это был щенок... Он выспался по дороге от издательства до дома, и теперь всю скакал по комнате и громко тявкал. Девчонка рассмеялась первой, присаживаясь на корточки и приманивая малыша к себе. Он сразу же побежал к ней, забавно задирая лапы выше головы. Никогда бы не подумал, что подобная ситуация будет вызывать во мне столько эмоций. Наверное, потому что я пьян, а может быть из-за страха потерять Юлю, я наконец-то смог перебороть себя. Даже в тот момент, пока девчонка дурачилась с щенком, я боролся с желанием вновь обнять ее и снова глубоко вдохнуть запах сирени.

— Как ты его назовешь? — спросила Юля, взглянув на меня и тут же спохватилась, начиная закатывать штанину на моих джинсах.

— Я не знаю... но... Юль, подожди...

— Дальше не поднимается, так что... — она взглянула на дверь, поднялась с пола и наклонилась к моему лицу. — Так что снимай штаны, пока я не сняла их с тебя самостоятельно! Ну Марин! Не смотри на меня таким взглядом, а то я чувствую себя неловко!

Я рассмеялся, проведя рукой по лицу, затем поднялся из кресла, расстегнул ремень и взглянул на задумчивое лицо Юли. Она смотрела на щенка, вернее взгляд был направлен на него, но мыслями она была где-то далеко. Стянув одну штанину, я взглянул на ранку на колене и сморщился. Выглядело это немного неприятно. Посиневшее колено с кровоточащей раной, что может выглядеть хуже? Да, есть вещи выглядящие похуже, но... отвратительно ощущать себя больным и знать, что этот день может быть последним. Я сел обратно в кресло, Юля смочила кусок ваты перекисью и без предупреждения приложила к ране.

— Щиплет!

— И что? Подуть? — рассмеялась она, вновь промокнула вату перекисью и принялась дуть на мое колено. — Очень жаль, что ты испортил нам Новый год...

— Я это уже понял, — выдохнул я и провёл рукой по лицу, тяжело сглотнув. — Я много чего делаю не подумав, но я исправлюсь, если ты захочешь.

— При чем тут «если ты захочешь», Марин? Главное, чтобы ты сам захотел измениться.

Я же не могу заставить тебя меня полюбить или... — Юля покачала головой, не находя нужных слов и снова поддула на рану.

— Ты права, я не смогу сказать тебе тех слов, которые ты хочешь услышать, но я могу дать тебе эмоции.

Она грустно усмехнулась, взяла другой кусок ваты и приложила уже его к колену. Я знал, что эмоции ей не нужны, но не понимал почему? Эмоции, воспоминания и прикосновения — этим нужно жить, но не словами. Они могут быть пустыми.

— Что это значит? — вдруг спросила Юля, взглянув на меня. — Какие эмоции ты хочешь мне дать?

— Только те, которые ты сама захочешь испытать! Восхищение... обожание... веселье... трепет... неловкость... смущение... радость... желание... боль...

— Боль? Хочешь, чтобы мне было больно?

— Нет, я не хочу, чтобы после того, как все закончится тебе было больно, но...

— Не говори так! Как только боль пройдет, я забуду тебя... а я не хочу... И вообще я не хочу об этом говорить сейчас! — она поднялась, подошла ко мне и крепко обняла.

Её объятия стали для меня успокоением. Я полностью растворялся в них, каждой клеткой тела чувствовал ее напряжение и то как сильно она сдерживала себя, чтобы не показать мне слез. Сильная. Ее выдержке позавидует каждый, даже я. Тот еще слабак. Ее рука коснулась моей щеки, и я прикрыл глаза. Прикосновения — дарили новые эмоции... Казалось, что наш «договор» действовал в обе стороны. Нам нужно было переживать все эмоции вместе, и пусть после я не буду чувствовать боли... я буду чувствовать ее до. Каждый день, просыпаясь и видя ее улыбку, мое сердце будет разрываться на части от одной мысли, что я ее скоро оставлю. Но знал, что Юле куда тяжелее... я не знаю, что будет после моей смерти, я просто умру, и для меня все закончилось, но для нее... Для хрупкого ангела, который всеми своими силами пытается меня вернуть к нормальной жизни — для Юли все только начинается. И она готова это все в раз перечеркнуть, лишь бы быть рядом. Я должен быть благодарен ей за все. Должен целовать ее руки и радоваться каждому прожитому дню, и не должен думать о том, что будет завтра.

Мне снова восемь. Худой мальчишка с вечно растрепанными волосами и грустным взглядом. Я стоял перед зеркалом в своем новом костюме, мама поправляла рубашку, которая была великовата, бабушка держала в руках пиджак. Не знаю или уже не помню, откуда появился этот костюм, но я был самым счастливым на свете. Новая вещь. До этого я носил старенькие серые брюки, которые были чуть коротковаты, отчего все вечно смеялись и называли меня «подстрельшем» и белый свитер, который вязала бабушка. Он был колючим, но я терпеливо ходил в нём весь день, потому что другого ничего у меня не было. А тут... настоящий костюм! И пусть великоват. Вырасту.

— Ну, что скажешь, милый? — улыбаясь произнесла мама, разглаживая пиджак на моих плечах. — Какой ты у меня уже взрослый...

— Я теперь буду самым важным в классе! Даже у Мишки нет костюма, он чернила пролил на пиджак, а они не отстирываются. — Посмеялся я, продолжая рассматривать себя в зеркале.

— Мам, а тебе как?

— Великоват костюмчик, Ирина, великоват, — сказала бабушка, смотря на меня и скорее всего думая о том, как лучше подшить рукава и длинные штанины.

— И пусть великоват! Зато новенький, да? Вот, даже Марин согласен! Мужчинка

мой! — мама крепко обняла меня, так крепко, что у меня перехватило дыхание. — Брючки и подвернуть можно, а пиджак... может тоже подвернуть? Дай руку!

Я протянул маме руку, и она тут же загнула край рукава, смотря на то, как это все выглядит. Мне нравилось и до этого... подумаешь, велико. Уже не терпелось прийти в школу в обновке. Не помню, как я пережил тот день, но с вечера лег спать пораньше, на что мама только посмеялась.

Раннее утро. Ещё даже бабушка не проснулась, она та ещё ранняя пташка, а я уже не спал. Лежал в постели и думал о том, как все удивятся, и сразу начнут дружить. Больше никто не обзовет меня, ведь я буду, как и все. А если они еще позовут меня играть в футбол — я стану самым счастливым! Только бабушка проснулась, я встал следом. Она поставила чайник, достала из шкафчика сушки и насыпала их в вазочку, стоящую на столе. Следом встала и мама. Она не могла лежать, видя как я, путаясь в пуговках, пытаюсь застегнуть рубашку. На ее лице были полосы от подушки, сонный взгляд смотрел на меня с особой любовью, спутанные волосы небрежно топорщились во все стороны.

— Спал бы еще, — тихо проговорила она, подкатывая рукава на моей рубашке.

— Я хочу скорее пойти в школу! Представь, как все удивятся моему новому костюму!

Мама рассмеялась, потрепала меня по голове и ушла на кухню. Еще час я сидел, как на иголках, ожидая, когда меня уже отпустят в школу.

Шел до школы быстрым шагом, стараясь поскорее до неё добраться, а это было не так близко, как казалось на первый взгляд. В класс влетел на всех парах. Осмотрелся — только Наталья Олеговна и ее Ванька. Он всегда был самым первым, потому что приходил в школу вместе со своей мамкой. А еще он часто рассказывал, что по утрам он сидит в учительской с учителями и пьет чай. Не знаю насколько это правда.

Пройдя к своему месту, я достал из портфеля учебник, дневник ручку и сел. Все молчали, а я ждал, когда же все соберутся. Следом пришли девчонки-отличницы, затем близнецы Агапкины, а потом уже и все остальные. Но на перемене никто не заговорил со мной. Урок прошел скучно. Наталья Олеговна что-то монотонно рассказывала. За окном шёл дождь. Все зевали. Даже девочки-отличницы.

На следующей перемене, учительницы ушла куда-то, девочки побежали в библиотеку, мальчишки побежали играть в догонялки, а остальные остались. Петриков, близнецы Агапкины, Павлик Ветлячков и Колька, живущий недалеко от нас — что-то оживленно обсуждали. Кажется новый выпуск «Мурзилки». Я встал с места, прошёл к доске, взял тряпку и начал стирать с нее мел. Услышал, как мальчишки затихли, потом начали шептаться.

— Эй, ты, — крикнул Петриков, я сразу же обернулся, — классный костюмчик!

Другие мальчишки прыснули, стучая друг дружку по рукам, чтобы перестали смеяться.

— Да! — кивнул я, на что рассмеялся даже Петриков.

— Где-то я уже видел этот костюмчик. — Задумчиво произнес Павлик. — О! Вспомнил, на брате! Этот недоносок донашивает шмотки. Ты б еще у бомжа отобрал штаны!

— Это мой костюм. — Вторил я, на что все смеялись еще больше.

— Конечно. Твой. Папаша зек купил на зоне и передал тебе, да? — ухмыльнулся Петриков. — А нет... твоя мамашка работает за еду и тряпки!

— Заткнись! — я сжал кулаки.

— А то что? Бабка твоя прихрамает и нам пальцем пригрозит? — продолжал Ванька, стоя у парты близнецов и смеряя меня взглядом полным ненависти.

Не знаю что мной двигало тогда, но я в два прыжка оказался рядом с Петриковым и

замахнулся, пытаюсь попасть кулаком тому позубам. Я хотел, чтобы он заткнулся. Кровь бурлила во мне. Я слышал лишь шум в ушах, поэтому когда Ванька что-то сказал, не услышал, но близнецы тут же схватили меня за руки и стали держать. Как бы я не пытался вырваться, не получалось.

— Поиграем в «швыряй дерьмо», — расхохотался Павлик и близнецы толкнули меня к нему, он тут же оттолкнул меня к Ваньке.

Петриков смотрел на меня с ненавистью, схватил за рукав, толкнул сначала на себя, а потом к близнецам. Так было пару раз, пока все не услышали треск порванной ткани.

Прозвенел звонок. Мальчишки тут же разбежались по местам, а я стоял, пытаюсь собраться. Голова кружилась так, что я не мог сделать и шаг. Плечо саднило. Петриков не только оторвал рукав пиджака, но еще и рубашки и поцарапал само плечо.

— Ты чего встал посреди класса? Решил рассказать стихотворение первым? — громкий голос Натальи Олеговны напугал меня, но я по-прежнему не мог собраться.

Я испугался. Меня толкали на протяжении десяти минут, поэтому все и плыло.

— Я жду. — Сказала учительница, прошагав к столу. — Ну? Александр Сергеевич Пушкин... я что, сама должна рассказывать?!

— Наталья Олеговна, да он не готов! Можно я? — не выдержала одна из отличниц.

— Садись! Два! — выдохнула учительница, садясь за стол и шелестя страницами журнала. — Неси дневник!

***

— Я зацепился. — Говорил я, видя мамин обеспокоенный взгляд, каким она осматривала порванный рукав пиджака.

— А двойка-то? Ты же наизусть знаешь этот стих. Вы ж с бабулей учили.

— Забыл.

— Ты мне что-то не договариваешь. Марин, милый, скажи, тебя продолжают обижать? — мама тогда смотрела с такой болью во взгляде, что я просто не мог подтвердить ее опасения.

— Нет! — бодро отозвался я, выдавив из себя улыбку. — Мы просто играли в догонялки, я зацепился за... вешалку в раздевалке и оторвал.

— Сейчас я зашью, и пойду на работу. Пойдешь со мной?

Я кивнул, снял пиджак вместе с рубашкой и побежал в комнату, собираться с мамой на работу. Я слышал, как она с бабушкой обсуждала моих одноклассников. Бабушка говорила о том, что я вру, выгораживаю всех, но мама хотела верить мне. Я понимал, что ей хватало проблем, а мои школьные разборки будут ей только в тягость. Не нужно. Я сам справлюсь! Я мужчина!

— О чем ты задумался? — прошептала Юля, поглаживая меня по волосам.

— Вспоминал детство. Забавно так... — я поднялся, надел джинсы, затянул ремень и взглянул на девушку, которая продолжала стоять на месте и ждать ответа. — У меня не было детства после того, как отца посадили в тюрьму. Я пытался быть мужчиной с семи лет, думал, что я сильный, а по итогу... превратился в депрессивного ворчуна.

Юля рассмеялась, проходя по комнате и открывая шкаф с одеждой. Она быстро натянула джинсы, накинула куртку прямо на шелковую рубашку от пижамы и взглянула на меня.

— Поехали, я отвезу вас домой.

— Нас? — удивился я, только потом вспомнил о щенке, который грыз Юлин

тапочек. — Поехали.

По дороге домой мы с Юлей подбирали имя для маленького пса, который норовил выскочить из моих рук. Казалось, что это просто невозможно, все попытки придумать малышу имя — заканчивались тем, что девчонка хмурилась и лишь отмахивалась. Нет, ну выбрать имя — это пол беды, а приучить — куда сложнее.

По дороге мы зашли в магазин, нужно было купить корм, миски и всю ерунду для щенка. Вот и зачем я только решил взять его к себе домой? Ведь даже не думал в тот момент о том, что с ним придется гулять по утрам и вечерам, а если я буду не в состоянии это сделать? Нет, есть вероятность того, что Юля возьмет все на себя, но я не знал, останется она у меня или все же нет.

Споры продолжались. Щенок на этот раз сидел спокойно во все глаза смотря на резиновый пончик, который Юля зачем-то купила. Нет, возможно, он будет грызть игрушку, но... пока он просто рассматривал ее.

— Может быть... все же, назовем его Рекс? — вновь завела беседу Юля.

— Ну какой Рекс?! Он на него даже не похож... дворняжка обычная. Да? — я потрепал щенка по голове, на что он довольно хрюкнул, пытаясь играючи укусить.

— Макс?

— Юля, ему единственное, что может подойти, так это — Шарик.

— Ну нет! — вновь возразила она, остановив машину на светофоре.

Юля улыбнулась, отстегнула ремень безопасности и потянулась ко мне, поцеловала, погладила щенка и довольная вернулась за руль.

— Что это было?

— Пыталась заткнуть тебя поцелуем! Как пишут в книгах!

Мы рассмеялись. Я чувствовал такую легкость, какую не смог бы передать словами, если бы попросили. Юля каждый раз вытворяла что-то, о чем никто бы никогда не додумался. Ради ее улыбки, я хотел жить. Только эта мысль давала мне сил, и я продолжал бороться.

9. Вечер встреч

Первые месяцы в большом городе были самыми интересными. Я не сидел на месте, ходил по разным типографиям, по издательствам, но мои книги никому не были интересны. Нельзя было унывать, поэтому я устроился на работу в один, на тот момент известный журнал, и писал небольшие выдуманные рассказы. Они оказались востребованными, и каждую неделю я писал что-то новое и интересное. Но совсем скоро журнал начал набирать обороты. Стал выходить три раза в неделю вместо одного, и я попросту не успевал придумать ничего нового. Сидел по ночам в маленькой комнатке в общежитии и смотрел на пустые страницы в блокноте.

У меня началась депрессия.

Я ушёл из журнала со скандалом, потому что они не хотели отпускать меня, говорили, что мне стоит подумать, но я не думал ни о чем. Половину отложенных на квартиру денег пропил за пару дней. Полгода работы насмарку! Был ли я на себя зол?! Нет, я был зол на тех, кто придумал выпускать журнал три раза в неделю. Осознание того, что я мог не писать каждый раз новый рассказ, а предложить что-то из старого пришло слишком поздно. После моего первого в жизни запоя, я несколько дней отлеживался, а потом пошел в издательство, где работал. Думал, что меня возьмут обратно с радостью, но... у них уже все вакансии оказались заняты, и мои рассказы никому не нужны.

Боль и отчаяние — единственное, что я тогда чувствовал. Меня будто бы облили дерьмом. Я шел в общежитие и думал о том, что нужно было сидеть в деревне. И плевать на мечты, деньги — важнее. Но только я об этом подумал, поднял голову и увидел на одном из столбов, где клеяли объявления, яркую афишу. Подошел ближе и с удивлением прочел о том, что в детский журнал нужны авторы. Сказки некому писать. Это было не совсем по мне, ведь я совсем не знал что читают дети, но все же нельзя было терять надежды. Я сорвал со столба афишу, прочел адрес и отправился в издательство.

На работу меня приняли уже через неделю с небольшим. Им понравились мои работы, и оказалось, что главный редактор был фанатом моих рассказов, которые раньше выходили в газете. Это оказалось приятным сюрпризом.

Когда я вышел на работу в офис, присутствие автора на рабочем месте было обязательным критерием, у меня уже был небольшой сборник детских рассказов.

— А давай мы тебя издадим, как автора, м? — как-то сказал Федор — главный редактор. — Ну а, я извиняюсь, какого... ты до сих пор не издаешься? Напиши объемную сказку... ну чтоб на книгу страниц так на двести. Я помогу!

Это стало моим первым достижением! Я даже хотел позвонил домой, чтобы рассказать маме о том, что меня хотят издать, но работа над сборником сказок «Рыцарь Оливер» кипела. Я не спал, мог не есть, ходил на работу и уже запутался в днях. Так прошло месяца три. Я закончил книгу. И довольный нес рукопись Федору. Мы часто обсуждали мои книги и творчество в целом, мне казалось, что ему нравилось. Но в тот день, когда я пришел к нему, чтобы узнать вердикт, он устало вздохнул, надел очки и отложил листы с рукописью в сторону.

— Марин, ну... — протянул он, откладывая мою работу в сторону и беря в руку красную папку с другой. — Пойми, я не могу помочь издать то, что не будут читать. Вот глянь...

Я взял папку в руки, открыл её и первое что бросилось в глаза — это ярко-

нарисованный цветными карандашами заголовок «Олег Пой — Синий кот».

— Пой?

— Знаешь его?

— К сожалению. — Прощел я сквозь зубы и пробежался по первым строкам.

«Кот сидел под деревом. Громко мяучил. Сосед Василий и кот Василий. Сосед красил забор в синий цвет, а кот продолжал сидеть под деревом и громко мяучить».

— Ты это собрался издавать?! Ты хоть читал? — возмутился я, бросив папку на стол.

— Читал дочке! Под Поей она заснула за пять минут, а под твою херотень она пол ночи с вопросами просыпалась!

— Так так и должно быть! Книга должна вызывать вопросы — тем более у безмозглого ребенка, которому это будет прочитано! — я уже не сдерживал своего порыва, но понимал, что хожу по лезвию.

— Ты только что обозвал мою дочь безмозглой?! — глаза Федора налились кровью, он поднялся, шагнул ко мне и хотел схватить за ворот.

— Сидеть! — я толкнул его, забрал со стола рукопись и пошел к двери. — Я увольняюсь!

— Нет! Это я тебя увольняю!

И снова я остался без работы. Снова запой и потрачена половина денег. Мама и бабушка точно бы это не одобрили, но иначе не получалось. Я эмоционально был истощен. Каждый раз, заканчивая новый рассказ я чувствовал себя выжатым, словно лимон, и отдых не придавал мне сил. Спустя несколько месяцев я вновь смог устроиться в один малоизвестный журнал, где печатал статьи о книжных новинках. Мои мысли о писательстве отошли на задний план. Я не стал продолжать писать свои книги. Бросил все в ящик с хламом, и стал жить, как и все.

Через несколько лет мне удалось скопить достаточное количество денег, чтобы купить квартиру, и я сразу же перевез маму и бабушку обратно в город, откуда мы и уехали, когда я был маленьким.

Я открыл глаза, чувствуя, как голова начинает болеть. Боль нарастала. К горлу подступил горький ком, я понял, что если сейчас задержусь, то меня стошнит прямо тут, в спальне. Но если я пошевелюсь, произойдет то же самое. Зачем я вообще пил? Нужно было держать себя в руках. Хотя, если бы не выпитое количество алкоголя я бы не поехал к Юле, и сейчас она бы не лежала рядом. Нужно встать и быстро пройти до ванной. Только бы не стошнило по дороге. Я ещё в состоянии контролировать своё тело. Сплотнув густую слюну, я заставил тело подняться и пошел в ванную. Мне повезло, я успел как раз вовремя. Меня стошнило. Никогда такого не было. Наверное, все из-за смешения с таблетками. А может быть просто давно не пил, поэтому?

Умыв лицо холодной водой, взглянул на своё отражение: глаза покраснели и выдавали мое вчерашнее состояние. Но кто меня видит дома?! Только Юля, но она уж точно готова к такому.

Я принял душ, чтобы освежиться, переоделся и прошёл на кухню, где уже стояла сонная девчонка с телефоном у уха. Моя футболка, в которой она вчера заснула смотрелась на ней безумно притягательно. Теперь я понимал, почему в фильмах на этом всегда делали акцент.

— ...да, Вань... я тебя поняла. Я ему передам! Во сколько, ты говоришь? Угу... — говорила она, пока я ставил чайник на плиту и искал чистые кружки.

— Что он хотел? — спросил я, как только Юля положила трубку и подошла ко мне.

— Приглашает нас в кафе! Говорит, что стоит «подлечиться». Ты как?

— Не знаю... Думаешь нужно ехать?

— Марин, он твой друг! К тому же праздник — раз в год! Когда ещё так соберемся? Только... придется заехать ко мне... а то мне не в чем ехать в кафе. — Она обняла меня и довольно улыбнулась, поправляя мои волосы. — Ох... а где песик?!

— Я видел его в гостинной.

— Нужно его покормить! Эй, малыш...

Юля ушла, но через пару минут вернулась вместе с щенком на руках. Он довольно вилял коротким хвостом и смотрел то на нее, то на меня, а когда перед ним поставили тарелку с едой, сразу же накинулся. Голодный. Над именем мы продолжали спорить все утро, по дороге к Юле, а потом еще и всю дорогу до кафе, где нас должен был ждать Ваня и скорее всего Стас с Риммой.

— Бонифаций! — вдруг выкрикнула Юля, когда мы заходили в кафе и взяла меня под руку. — Красивое же имя для щеночка!

— Юля, ну какой... Бонифаций?

— Боня! Боня — маленький и круглый! А наш щенок как раз такой! — не унималась девчонка, и я сдался.

— Боня, так Боня. Согласен!

Мы шли между столиков, пока Юля не взвизгнула и не стала махать Ване. Он сидел в самом углу, и не один. Столик был рассчитан на восемь персон. Мне стало не по себе от вида лысого мужчины, который выглядел мягко говоря болезненно. Рядом с ним сидел еще один мужчина в сером свитере, держа в руках телефон и что-то показывая Петрикову. Яркая женщина с огненно-красными волосами, собрынными в высокий хвост и с откровенным декольте увидела меня, поднялась из-за столика и раскрыв объятия пошла навстречу.

— Марин! Ты не изменился, негодник! — рассмеялась она, обнимая меня, и оставляя на щеке смачный поцелуй и след помады. — Не узнал? Серьезно?!

Я растерянно взглянул на Ваню, затем на лысого и второго, и у меня подогнулись ноги. Я их знал... Близнецы Агапкины, а женщина — это Ульянка Баранкина — наша отличница. Что с ними стало? Неужели и я выглядел так плохо?

— Уля? — выдавил я из себя, на что женщина рассмеялась и довольно кивнула.

— Ага!

— А нас помнишь? — тихий голос лысого близнеца заставил мое сердце сжаться от неприятного чувства.

— Конечно, Кирилл! — кивнул я, садясь напротив него.

— Ты не обращай внимания на мою «стрижку», это временно!

— Кир у нас отчаянный, решил попробовать постричься в салоне «Центрифуга». — Отшутился Филипп, но по взгляду я понимал, что что-то тут не так.

— О! Я последний? — услышал я сначала отдышку, а затем и голос, обернулся и увидел жирного мужчину в костюме и очках. — Так, ну-ка, Ванёк, близнюки, две дамочки и... Марин, ты? Взгляд тот же.

Он обошел стол и сел на свободное место, доставая из внутреннего кармана платок и протирая сначала лоб, а потом один из подбородков.

— Коль, а вот ты изменился! — усмехнулся Ваня.

— Да пошел ты! Я еще ого-го...

— Ты хоть червячка своего видишь? Или вы уже попрощались, давно? — Кирилл

рассмеялся, но взгляд его был словно безжизненным.

— Так, мальчишки, вы тише, тут ребенок! — Ульяна кивнула на Юлю, которая и правда, среди всех нас выглядела достаточно странно. — Это доченька?

— Вообще-то, я его девушка!

Мужики громко расхохотались, особенно толстяк, а когда замолчали, снова взглянули на девчонку, оценивая. Не верили. Да и я бы сам не поверил, если бы мне сказали, что в мои тридцать пять у меня будет восемнадцатилетняя девушка, которая готова со мной и в огонь, и в воду...

— Ну что, закажем по сто грамм? За встречу! — предложил Филипп.

— Можно! — поддержала Ульяна, тряхнув рыжим хвостом.

— Поддерживаю! — кивнул Ваня.

— По стопятьдесят! — хмыкнул толстяк.

— Мне пока нельзя, я на таблетках, — выдохнул Кирилл.

— Я тоже воздержусь, — поддержал его я.

— А я за рулем. — Юля взглянула на меня, явно радуясь тому, что я не согласился пить, ведь мне хватило вчерашнего.

Мы заказали выпивки, закуски и продолжили болтать. Больше вспоминали школьные годы, хоть и нас связывало и не так много. Я все же отучился с ними всего пару лет, но как оказалось, они помнили меня. Ульянка говорила, что была влюблена в меня, поэтому и часто пыталась уколоть больнее. Скорее всего она просто вешала лапшу на уши, пытаясь заставить Юлю ревновать, но девушка оказалась намного умнее её. Сидела и кушала, иной раз задавая интересующие её вопросы. Близнецы помнили лишь наши драки, когда они держали меня, а Колька и Петриков били. Толстяк и сейчас не был дружелюбным, а вот Петриков не упускал возможности вставить слова извинений.

— Эй, жирный, а помнишь, как у тебя штаны лопнули в третьем классе? — рассмеялась уже подвыпившая Ульяна, ткнув Кольку в толстый живот, на что он издал непонятный звук.

— Не припоминаю!

— Марин, а ты все пишешь, да? Или это было твоим любимым занятием в первом классе на перемене? — вдруг спросил Филипп усмехнувшись, отчего морщины на его бледном лице собрались в кучу.

— У Марина в декабре вышло целых две книги! А десятого января презентация! Можете прийти. — Ответила за меня Юля и улыбнулась, затем взглянула на меня, и ее улыбка тут же исчезла.

Я почувствовал, как по губе что-то стекло. Прижал ладонь. Взглянул. Кровь. Снова. Хотя, как снова?! Давно не было. Я то уже и обрадовался, что все в прошлом. Ваня обеспокоенно поднялся, достал из кармана джинсов платок и прижал к моему носу.

— Пойду на кухне попрошу льда! — торопливо произнес Петриков, уходя.

— С сосудами проблема? — спросил Филипп.

— ...в общем-то... — выдохнул я, взглянув на Юлю, и перевел взгляд на бывшего одноклассника. — Рак.

— Тоже? Вон, Кирюха уже третий год мучается.

— Да не мучаюсь. Просто неуютно лысым ходить, а так норм! Дозу облучения получил и ходи кайфуй, как наркоман! — хохотнул Кирилл, но тут же тяжело вздохнул. — Это такая зараза... Жрет тебя изнутри, а ты сидишь и надеешься на докторов, которые сами ничего не знают. Только пишут назначения и выписывают таблетки. Хорошо, что Ванька помогает. Ты

вон даже еще с шевелюрой! У тебя химия щадящая?

— Да... это... неприятно. Я уже давно сдался бы... — Я не понимал его шуток, просто становилось не по себе, когда он обращался ко мне.

— Ну не будем о болячках! А то я тоже начну говорить о том, как мне — диабетчику отстойно живется! — влез в разговор Колька.

— А у меня нормально все, вроде! — усмехнулась Ульянка, доедая салат.

— А тебе какие прогнозы дают?

— Давали месяц... прошло два... — я почувствовал, как дыхание спирает, воздуха становилось все меньше.

— О, а мне еще месяцев шесть, как минимум! Я в плюсе! — рассмеялся Кирилл, но мне было не до этого.

Юля заметила неладное. Взяла меня за руку, придвинула бокал с водой ближе, но я не мог пошевелиться. Меня будто бы парализовало. Никто за столом больше не замечал моего состояния, а вернувшийся со льдом Ванька, сразу же приложил его к моему лбу и принялся рассказывать о том, как его хотели выгнать из кухни. Зачем вообще это все? Зачем эта встреча бывших одноклассников? Петриков решил мне показать, что будет со мной совсем скоро? Не смешно... Страшно. Что со всеми стало? Прошло не так много времени... нет, вру... прошло так много времени, что если бы я встретил кого-то из них на улице — ни за что не узнал бы. Вечно боевые близнецы стали серыми и скучными, хоть из них болен был только один. Может быть это такая особенность? Болеет один — чувствуют оба. Говорят же, что у близнецов связь намного сильнее, чем у других людей. А Колька — нет, безусловно, отвратный характер у него остался, но где тот азарт? Где тот Колька, который на физкультуре без «лягушки» мог перепрыгнуть через козла? А Ульянка... отличница, которой светило большое будущее — выглядела как тетка из супермаркета или потрепанная временем проститутка. Судя по яркому макияжу и короткой юбке — второй вариант ближе. А я? Я ведь тоже изменился...

Извинившись, я поднялся из-за стола и отправился в сторону уборной. Меня вновь стошнило. На этот раз это было не похмелье, а самый настоящий страх или же... отвращение. Да, стыдно, что я так вел себя, но Кирилл... его синяки, бледная серая кожа, лысая голова и взгляд — пугали меня. Он не выглядел живым человек. Живой мертвец, каких показывают в фильмах ужаса. Нет, я не смогу жить так. Если мне дано умереть, то пусть я не буду мучиться...

Тошнота не отступала. Кровь из носа капала на бачок унитаза, а я продолжал стоять, прислонившись лбом к кафельной стене. Я — трус! Дрожь не проходила, наоборот нарастала, словно кто-то постепенно увеличивал вибрацию. Еще немного, и я уже тряса, как припадочный. Вытер нос платком. Вышел из кабинки и подошёл к раковине и зеркалу. Нет, еще нельзя было сравнивать меня и одного из близнецов. Во мне еще дышит жизнь. Хотя, кого я обманываю? Я на последнем издыхании... грудь снова сдавило.

— Марин?! — Юля ворвалась с мужской туалет, следом за ней вошел какой-то мужчина и тут же проследовал в одну из кабинок. — Ты как? Хочешь, поедем домой?

Она подошла ко мне и погладила по волосам. По взгляду я видел, что она напугана, как и тогда, впервые увидевшая приступ. Ничего... то, что мы увидели сегодня — намного хуже. Я включил воду, набрал полные ладони и принялся омыwać лицо.

— Только не молчи, прошу...

— Ты видела, что меня ждет? — проговорил я, оперевшись руками по обе стороны

раковины, куда продолжала капать кровь из носа, смешиваясь с водой.

— Не говори так...

— Ты всё ещё ждешь чуда? Ждешь, когда я вылечусь? Юлечка, не все в жизни будет так, как хочешь ты! Как же до тебя не дойдет!?

Мужчина в кабинке громко чихнул, подтверждая мои слова, и я вновь окатил лицо водой. Юля продолжала стоять рядом и молчать. Либо переваривала сказанное мной, либо по-прежнему хотела навязать мне своё мнение.

— Ты опять хочешь поругаться? — спросила она, смотря на меня в упор, в то время как я видел ее только в отражение.

— Это сейчас последнее, чего я хочу... Но ты его видела? Юля... я скоро стану таким же.

— Ты хочешь правды?

Я кивнул.

— Ваня специально позвал их всех. Он позвал их, чтобы... — она отвлеклась на мужчину, который неторопливо проследовал от кабинки к двери и вышел. — Он их позвал, чтобы показать тебе, что ты лучше них! Николай — диабетчик, у него нет семьи, о жене он теперь может только мечтать! Ульяна — пол жизни проработала в эскорте, да, у неё есть муж, но дети ей только снятся, потому что ей вырезали все «по женской части» после того, как кто-то из «клиентов» заразил ее чем-то. Да, Филипп в этом списке лишний, но его брат болен раком и жить ему считанные дни! А ты... ты жалеешь себя! Перестань это делать, начни жить так, словно каждый день последний! Наслаждайся жизнью! Марин... у тебя еще есть время, так не трать его на депрессию. У тебя есть все, чтобы быть счастливым!

Я не мог согласиться с ней, ведь нужно было ценить жизнь, а не тратить каждый день на хотелки. С другой стороны, оставалось не так много времени, но это время у меня было.

— Я не хочу быть таким как он... я еще не готов... — слезы кольнули глаза, отчего я нахмурил брови и вздохнул глубже.

— Все будет хорошо... Мы справимся со всем! Иди сюда, глупенький... — Юля потянула меня за плечо и обняла, поглаживая по волосам.

Не понимаю, как ей это удавалось каждый раз, но я успокаивался. Стоило ей прикоснуться ко мне, и весь страх, вся боль — отступали на второй план. Юля — мое спасение. Наверное, я только из-за нее все еще жив. Кто знает, что бы со мной случилось, если бы она вечно не ходила за мной и не напоминала о таблетках. Нужно было возвращать уколы, пока приступы не начали повторяться.

— Все хорошо... главное, не переживай, хорошо? — прошептала она, отстранившись от меня. — Приводи себя в порядок и приходи, с одноклассниками нужно поговорить. Но... мне кажется, что вы не были дружны в детстве, да?

— Это мои заклятые враги...

— Как?

— Все они вместе с Ванькой — испортили мою жизнь с самого начала.

Дни, когда мама забирала меня из школы были самыми прекрасными, но такими редкими. Время уже близилось к концу урока, когда Наталья Олеговна разрешила нам уйти пораньше. Все начали довольно галдеть. Все — кроме меня, ведь я знал, что мама приходит через десять минут после звонка с последнего урока. А раз звонка еще не было, то и мама еще не встретит меня, и у меня только два пути: либо идти домой одному, либо ждать. Я выбрал второе. Собрал учебники, оделся в раздевалке, убрал сменку в пакет и вышел на

лицу, смотря по сторонам в надежде, что мама решит прийти пораньше. Но её не было видно. Пройдя по школьному двору, я пнул сугроб и наклонился, чтобы зачерпнуть горсть снега. Наверное, хотел попробовать его на вкус. Такой белый, как мороженое, да и на вкус такой же, только не сладкие. В то же мгновение что-то словно упало мне на спину. От тяжести ноги подкосились, и я упал лицом в сугроб.

— Давай, жри снег! — услышал я голос Кольки, который еще и держал мою голову в снегу.

Лицо щипало от холода, я не мог открыть глаз. Смог лишь, когда меня за шарф потянули обратно. Ткань сжала горло. Я взял себя в руки, обернулся и увидел близнецов Агапкиных и Петрикова. Они шли в нашу с Колькой сторону.

— Смотрите, он еще не наелся!

— Сейчас мы его накормим! — крикнул Ванька, со всех ног бросаясь в мою сторону.

Я не стал разбираться. Оттолкнул Кольку в сугроб, схватил портфель, пакет со сменкой и кинулся бежать по тропинке. Валенки соскальзывали, я то и дело спотыкался, как вдруг один из близнецов схватил меня за руку. Отбиться получилось и от него. Я бежал так быстро, как не бегал никогда, но Ванька бегал тоже быстро. Он с разбега прыгнул на меня. Я упал на дорожку, больно ударившись подбородком. Петриков этого даже не заметил. Выхватил у меня портфель, пакет и кинул близнецам со словами «ревизия». Они начали вытряхивать все в снег, пока Ванька держал меня.

— Хочешь мороженое?! Гляди! Жёлтое... Лимонадное! Ну-ка открой ротик! — крикнул Колька, отчего я испугался еще больше и начал барахтаться, пытаюсь сбросить с себя Ваньку.

Меня могло спасти только чудо. И оно случилось. Я услышал торопливые шаги.

— Вы... вы что устроили!? — крик мамы придал мне сил, я сбросил с себя Ваньку и начал вставать. — Я вам устрою, мрази малолетние! Я на вас найду управу!

— Пошла ты! — крикнул Колька, отбежав подальше, на что все остальные начали громко хохотать.

Мама опустилась на колени передо мной и крепко обняла, прижимая к себе. На ее глазах выступили слезы. Она поправила на мне шапку, взглянула на разбитый подбородок и показала головой.

— Прости меня... — шептали ее губы, но звука я не слышал. — Сильно больно? Прости меня, хорошо?

— Это же не ты виновата... Почему ты просишь прощения?

— Потому что из-за меня тебя обижают.

— Не из-за тебя... — проворчал я, смотря на свои ноги. — Из-за папы...

Юля крепко держала мою руку, когда мы шли обратно к столику, где веселье было в самом разгаре. Ульяна что-то рассказывала, Кирилл отчаянно спорил с ней, а жирдяй Колька то и дело поглядывал на них, протирая салфеткой подбородок. Во что они превратились? Как такое может быть? Неужели и правда наказание за то, что они творили в детстве? В этой жизни я уже ничему не удивлюсь — это точно.

— А вы до сих пор за ручку ходите? Небось и не целовались-то ни разу! — усмехнулся Кирилл, поглядывая на Юлю.

— Ага, а по ночам он ей сказки читает, вместо дела! — расхохотался Колька, на что Ульяна ударила его по плечу, но тоже залилась смехом.

— Скажешь тоже. Сказки читает... Сам пишет, и сам же читает! — не отставала от них Уля, она никогда не упускала момента подшутить надо мной в школе.

— А вам какое дело до наших отношений? — не промолчала Юля, взглянув на Кирилла, который покраснел от смеха.

— Юль, — попытался сгладить ситуацию Ванька, но он не знал, что если она начала, то ей нужно договорить.

— Вань, не лезь! Вы думаете, что раз в школе можно было издеваться над Марином, то и теперь это сойдет с рук?

— Девочка, давай ты помолчишь или вообще пойдешь домой уроки делать, а взрослые дяденьки поболтают. — Усмехнулся Кирилл, откидываясь на спинку стула.

— А давай ты закроешь рот, и послушаешь меня! Если ты думаешь, что ты тут весь из себя крутой — ты ошибаешься. Выглядишь глупо! А вы? Вам всем, завидно, что человек наконец-то добился того, о чем мечтал! Вы бы лучше порадовались! Или в вас ничего человеческого уже не осталось? М?

— Ясно... нам не о чем говорить! — Кирилл не выдержал, поднялся и пошел на выход, Филипп поспешил за ним.

Следом ушли и Колька с Ульяной. Посидели, называется. Да, я понимал, что скорее всего им не понравились слова Юли, но она же была права, разве нет? Они испортили мое детство, мою молодость и последующие годы. Из-за них я стал таким, каким я стал. Закомплексованный, трусливый идиот. Если бы я был другим, возможно, и сейчас все было по-другому. Да, скорее всего я бы уже давно был писателем, каким был мой когда-то близкий друг — Есенский. Мне просто повезло, что он не учился с нами... иначе, сейчас ушел бы и он, вместе с остальными. Я провёл рукой по лицу и перевел взгляд на Юлю, которая что-то бурно обсуждала с Ваней. Она говорила громко, но я не мог расслышать ничего. Слух рассеивался. Я одновременно и слышал, и нет. Прежде такого не было никогда. Наверное, нервы.

— Тебе плохо? — наконец-то услышал я и поднял взгляд на Петрикова.

— Наверное, нужно ехать домой. Юль, ты не против вернуться?

— Нет, конечно. — Она тут же поднялась из-за столика, взяла свою сумочку и полезла за кошельком.

— Нет-нет-нет. Я всех пригласил, мне и платить! — усмехнулся Петриков, на что я достал бумажник и отсчитал несколько купюр, кладя их на стол.

— Мой вклад в это безумие. — Попытался улыбнуться я, но не получалось.

Мне становилось всё хуже и хуже. Пока мы доехали до дома, я несколько раз успел пожалеть о том, что решил вернуться. Стоило еще посидеть, чтобы прийти в себя. В машине меня укачало, поэтому как только мы приехали домой, первые полчаса я провел в ванной. Юля сидела под дверью, контролируя меня. Не представляю, как она будет терпеть это дальше. Неужели ей так хочется быть рядом со мной? Она ведь видит меня беспомощным, слабым и почти неживым. Сильная девчонка. Ее силе можно было позавидовать. Мне страшно, а ей нет. Я видел то, как она поддерживала меня, и чувствовал, как силы возвращались. Благодаря ей я все еще продолжал жить, продолжал писать роман, который начал в тот момент, когда только познакомился с ней. Забавно, но он уже получался объемным. Я все делал правильно.

Остаток вечера мы решили провести за просмотром телевизора. Там все еще шли новогодние фильмы. Я лежал, не сводя взгляда с экрана, Юля пригласилась рядом, обнимая меня и иногда заливалась смехом, указывая пальцем на экран. Таких моментов в моей жизни раньше было слишком мало. И как же мне повезло с Юлей. Такая женственная, хрупкая, но

сильная духом. Такие женщины — редкость. Мне повезло встретить ее, и я был бы настоящим идиотом, если бы не позволил ей остаться рядом. Я крепче сжал ее в объятиях и продолжил пялиться в телевизор. Казалось, что этот вечер уже ничем не испортить, как вдруг кто-то позвонил. Поднявшись с дивана я прошел на кухню, где стоял телефон и поднял трубку.

На том конце послышалось шуршание, затем тяжелый вздох, и я поспешил ответить дежурное «алло».

— Привет... еще раз. Это я... Кир. Мне Ванёк дал твой номер. Мы можем встретиться? — сухо проговорил бывший одноклассник, и я машинально взглянул на часы.

Для встреч и прогулок уже достаточно поздно. Вряд ли я мог бы оставить Юлю одну и пойти куда-то лишь для того, чтобы поговорить с человеком, который когда-то безжалостно пинал меня, толкал в снег и унижал. Обида на этих людей все так же таилась в груди, и я не мог ничего с ней поделать. Мне было паршиво от одной только мысли, что я не показал своим одноклассникам своего характера. Они подумали, что я остался все тем же мальчишкой, который прятался за мамкину юбку. Только теперь в место мамы была Юля...

— Алло-о? — вновь послышался голос Кирилла.

— Да... да, где встретимся? — сжав руку в кулак спросил я, понимая, что меня начинает потряхивать от нахлынувшего адреналина.

Мы договорились встретиться через час в кафе недалеко от моего дома. Оказалось, что Кирилл с братом жили поблизости, и за столько времени мы ни разу не виделись. Хотя, возможно и виделись, да вот только я вряд ли бы узнал их, будучи простым прохожим. Странно так. Когда-то знакомые с возрастом становятся совершенно чужими.

— Кто звонил? — стоило мне вернуться в гостиную, как Юля тут же поднялась с дивана и подбежала ко мне.

— Кирилл хочет встретиться.

— И ты пойдешь?!

— Пойду.

Юля начала возмущаться, но я не слушал. Молча собирался, пытаюсь поскорее придумать что-нибудь, что смогло бы ее успокоить. Да вот только ничего не лезло в голову. Все слова, мысли — слилось воедино, и я мог сказать глупость, отчего потом было бы стыдно, поэтому я молчал.

— Прекрати меня игнорировать! Ты же знаешь, что этого не люблю. Так, стой, я пойду с тобой!

— Нет! — осадил ее я, понимая, что это было слишком неожиданно и мне бы не понравилось, если бы она так сделала. — Прости, но... я должен сам. Хорошо? Не переживай, ага? Ты лучше... лучше ложись спать, а я вернусь, и... тоже лягу.

— Ты какой-то странный. Может лучше останешься дома или давай я с тобой поеду?

— Нет. Пойми, мне нужно одному встретиться с ним. Я хочу один, Юль... не волнуйся, хорошо?

— Ладно. — Недовольно озвучила она, возвращаясь к телевизору и подзывая к щенка.

Я оделся, проверил по карманам таблетки на случай «если вдруг что» и вышел из квартиры. Дорога до кафе занимала минут десять, если идти быстрым шагом, но с другой стороны чем ближе я подходил, тем больше понимал, что не хочу. Я не хочу видеть лицо бывшего одноклассника, с которым мы теперь были на равных, если считать болячки. Раньше все было по-другому, а теперь я должен показать, что я лучше, что больше нет того

закомплексованного мальчишки, над которым каждый мог глумиться. Хотя, пару часов назад я так и не показал то, что вырос, стал умнее и просто молчал, иногда вбрасывая обыкновенный словесный понос. Если бы не Юля, я бы сдался, но теперь... нужно было держать себя в руках и отвечать самому. Я готовился к этому столько лет, и теперь докажу, как они все были глупы.

Перейдя дорогу и сделав несколько глубоких вдохов, после которых в голове помутнело. Не хватало еще упасть в обморок и не прийти на встречу, тогда Кир уж точно подумает, что я трус. Я взялся за ручку двери и потянул на себя. Она резко вырвалась, дверь распахнулась, ударив мне по лицу. Звон в ушах, боль и жжение — все смешалось. Схватившись ладонью за нос, я согнулся, крича в ладонь от боли. Кто видел это со стороны мог подумать, что я симулирую, но они не понимали, не чувствовали и не знали подробностей.

— Засранцы мелкие! — услышал я голос Кира, после чего кто-то похлопал меня по плечу. — Ты как? Ох ей... Плохи дела.

— Нужно промыть нос. Давай, идем. — Голос Филиппа я слышал отдаленно, будто через подушку.

Нет, только не это я не могу отключиться. Нужно выпрямить спину, и сделать вглубокий вдох. Тело не слушалось, кровь стекала по руке, и я начал паниковать.

— Марин?! Эй, приходи в себя. Все хорошо, сейчас все пройдет. — Фил пытался успокоить, в то время, как Кирилл побежал за машиной.

— Я слабак, — усмехнулся я, наконец-то собравшись с силами и разогнулся, опираясь спиной о стену и запрокинул голову.

— Не-а. Кир бы давно уже тут разлегся и выл, как привык, а ты молодец.

Я усмехнулся, качая головой и принялся шарить по карманам, ища платок. Ладонь становилась липкой от крови, и было безумно неприятно. Раньше, если бы я увидел подобную картину на улице, подумал бы что какой-то алкаш упал и разбил себе нос. Но не подумал бы, что это все настолько страшно и неконтролируемо. Никогда бы не подумал, что человек тяжело болен и только поэтому все так. Можно просто выйти в магазин за чем-то нужным и важным, получить дверью по носу и истечь кровью. Или просто выйти из дома и умереть... сесть на лавку, переходить дорогу или просто стоять, смотря на витрину, и внезапно умереть. Страшно. Чем больше я думал, тем сильнее чувствовал «прилив». Шумело море, волны омывали берег, а я стоял и смотрел, как все медленно меркнет перед глазами.

— Коля, у него кровь! — крикнула мама, подбегая ко мне и хватая за плечи, в то время, как отец продолжал чистить свежевывловленную рыбу, сидя в огороде на перевернутом ведре.

— Он парень, это нормально. Подрался с кем-то?

Я кивнул и взглянул на маму, вытирая кровь рукавом. Только она понимала, что я не дрался, а мне вновь избили. Меня ненавидели на подсознательном уровне. Куда бы я ни пришел, где бы не появился впервые — все словно чувствовали отвращение ко мне. И в этом я не виню бедность или то, что мой отец сидел в тюрьме — нет. Просто мы жили среди тех, кто не мог нас понять, кто не жил в нищете и не собирал мелочь на будку хлеба или пачку макарон. Я боялся. Каждый раз боялся, что кто-нибудь из тех, кто пытался меня ударить, кто бил и пинал — скажет, что я никчемный, жалкий нищелюб. И этим страхом я не мог поделиться ни с кем. Отец всегда говорил, что мы живем, как средний класс. Мама — отвечала, что есть те, кто живет хуже нас, а бабушка... она лишь смеялась и говорила, что на все воля Бога.

— Идем, я приложу, что-нибудь холодное. Бедный мой малыш. Коль, я сейчас вернусь. — Сказала мама, приобнимая меня за плечи и ведя в дом.

— Ир, ну что ты с ним, как с маленьким? Парню десять лет!

— Не лезь. Я сама знаю, что ребенку нужнее. А у тебя ни капли жалости к собственному сыну! — бросила мама, заходя в коридор. — Не бойся, хорошо? Сейчас холодное что-нибудь приложим и все будет хорошо.

Все будет хорошо... Будет...

°10. А дальше... уже не важно

Можно только представить... За тобой гонится стая диких зверей, ты бежишь, пытаешься убежать и оказываешься у обрыва. Дикае звери дышат в спину, желая набить брюхо, а впереди... тоже ничего хорошего, и ты думаешь, борешься за жизнь. Пытаешься взвесить все за и против, пытаешься найти хоть одно оправдание, хоть одну какую-то маленькую грань, перешагнув которую твоя жизнь станет лучше. Ты должен сделать выбор. Очень сложный. Либо ты твердо стоишь на земле и пытаешься избежать всех трудностей, либо делаешь шаг в пустоту и погибаешь даже не пытаясь спастись. Я пытался убежать от диких зверей... от чертовой болезни, что преследовала меня все это время. Пытался сбежать, но не получалось, и единственный выход — это сделать шаг и упасть в пропасть, которая изменит все. В нее падают только те кто потерял веру в себя. Кто потерял смысл жизни и решил все бросить, но я не хотел бросать. Я стоял на месте и не мог сделать выбор. Долгое время меня мучили боли, и я устал от них, но теперь в моей жизни было все, чего лишиться я был не готов.

Яркая вспышка света заставила меня открыть глаза. Какое-то время я видел перед собой лишь блики: белые, черные и серые. Все мелькало, но постепенно складывалось в единую картину — больничная палата. После того, что случилось накануне вечером — это было очевидным. Первой мыслью было: «Чем они меня накачали?». Я не чувствовал тела. Меня будто бы парализовало. Паника охватила меня, и я стал задыхаться. Это необъяснимое чувство, когда хочешь сделать глубокий вдох, но воздух не идет. Лёгкие свело, я уже мысленно прошелся со всеми и... с Юлей... Жаль, что я не послушал ее, и уехал. Она не заслужила того, чтобы быть далеко от меня в этот момент. Больше узнать подобное от кого-то, нежели увидеть самой. Или же... я путался в мыслях. С одной стороны я безумно хотел, чтобы она была со мной рядом до конца, но не мог так с ней поступить. Как она будет жить после... увиденного?

— Чертов ты, гаденыш! — услышал я ее голос и хотел повернуть голову, но это оказалось слишком сложно. — Я так испугалась... так испугалась...

Ее ладони легли на мои щеки. Она гладила меня по волосам, говорила, что все будет хорошо, и я успокаивался. Моя болезнь будто бы уходила прочь, когда Юля была рядом. Я не чувствовал боли и страха, смотря в её глаза. Она и только она придавала мне сил жить дальше. Я хотел бы сделать её счастливой, хотел бы чтобы она радовалась каждому Дню рождения, каждому празднику, хотел быть с ней в миг счастья и годы грусти, но не мог. Силы с каждым днем покидают мое ничтожное тело, я становлюсь беспомощным, и мне страшно, что наступит время, когда я превращусь в овощ. Буду лежать и следить за Юлей одним только взглядом и мучиться от мысли, что ей больно.

— ... — хрип, что я издал вместо слов испугал ее, но я взял себя в руки, делая вид, что просто нужно откашляться.

Уверенно сев на постели, я взглянул на капельницу, к которой был привязан и сморщился, чувствуя, как от движений игла царапает кожу. Приложив руку ко рту, я кашлянул и попытался вернуть голос, но он будто бы исчез. Юля заботливо набрала мне стакан воды и поднесла к моим губам. Она готова была ухаживать за мной, как за ребенком. Маленькая, светловолосая девчонка теперь была в роли мамы. Это выглядело безумно... просто безумно. Больше я не мог подобрать слов. Взяв из ее рук бокал, я сделал пару глотков

и сморщился от «немой» боли.

— Болит? Что болит? Марин?! Я позову доктора. — Юля собиралась броситься к двери но я вовремя ухватил ее за руку и покачал головой, не желая сейчас видеть перед собой кого-то в белом халате. — Тебе больно? Скажи, что болит?

Она села рядом, погладила по руке и взглянула мне в глаза. Я не знал, что болит. Ныло, тянуло, выворачивало все внутри. Все внутри тряслось, дрожало, словно я попал в турбулентность и никак не мог из нее выйти. Кровь с бешеной скоростью текла по венам, а затем резко останавливалась и это нарушало весь процесс кровообращения. Дышать было больно, и это странно. Очень странно, что мне плохо в больнице. В месте, где всегда помогали. В прошлый раз, мне стало лучше, но почему не становилось сейчас? Значило ли это скорый конец? Он неизбежен, я знал, но не был готов именно сейчас оборвать это все.

— Кир с Филом рассказали мне, что тебе дверью попало. — Она глубоко вздохнула и, чуть сморщившись взглянула на меня. — Так жаль... тебе очень больно?

Ее рука вновь легла на мою щеку, и я внезапно почувствовал боль. Физическая боль, словно задела свежий синяк.

— Дай мне зеркало. — Потребовал я, протянув руку к Юле.

По ее взгляду я понимал, что все плохо. Все хуже, чем просто плохо. Ужасно. Я наверное, выглядел ужасно. И нет, меня не волновал мой внешний вид... больше волновало мнение людей, которые не знали, что случилось, и лишь могли предположить. Если бы я увидел человека с опухшим лицом и синяками подумал бы только об одном. Только теперь мне было стыдно за мои мысли, за то как сильно я изменился. Из мальчишки в розовых очках я превратился в ворчливого мужлана, каких полно на улицах.

Тяжело выдохнув, я взял зеркальце из рук Юли, и стоило взгляду уловить мое лицо, как меня чуть не вывернуло. Опухшее лицо, было в синяках. Это выглядело отвратительно. Я не понимал, как маленькая девчонка держалась спокойно рядом со мной. Как могла улыбаться, гладить и целовать меня в то время, когда я выглядел ещё хуже, чем... пережеванная котлета. Вернув ей зеркальце и положив голову на подушку, я прикрыл глаза. Силы внезапно покинули меня. Нужно было полежать и принять то, что ближайшую неделю мне придется избегать людей. Только Юля... как она может смотреть на меня такого?

— Марин? — она провела рукой по моему плечу, будто бы не зная как начать разговор. — Я знаю, что ты меня слышишь. Закрывать в себе — это не очень классно. Хочешь, я замажу синяки? Но факт в том, что завтра презентация твоих книг, и отменить уже ничего нельзя.

— Какая еще... презентация? — я вновь сел и взглянул на Юлю, которая стояла, уперев руки в бока.

— Я говорила тебе еще до... после утренника. Не знаю, чем ты был так занят, что забыл.

— Отменяй.

— Ну чем ты меня слушаешь? Я же говорю...

— Я не могу в таком виде показаться на людях!

— Не кричи на меня! — разозлилась она, провела руками по волосам и шумно выдохнула. — Завтра будет презентация и точка! И меня не волнует хочешь ты этого или нет. Я твой редактор и литературный агент, и будь добр...

— Уходи! — в который раз я прогоняю ее, не уследив за словами.

Сколько всего Юля в такие моменты хотела выговорить мне... я просто был уверен, что это была бы настоящая тирада. Но она молчала. Просто молча смотрела на меня, заставляя

чувствовать себя хуже, чем я себя чувствовал. Возможно, только в такие моменты я и осознавал всю значимость ее нахождения рядом. Но я не понимал почему она не думает о моем комфорте? Почему так яро пытается выдернуть меня из этой зоны комфорта, к которой я привык? Зачем она делает это, зная что я буду против, что мы поругаемся в конце концов. У нас итак слишком мало времени осталось на... на все. Не знаю. Может быть это ей нравилось? Юля — девочка, которая росла, не зная слова «нет», теперь слышала его слишком часто.

Дверь в палату закрылась. Я взглянул вслед Юле и прикрыл глаза, возвращаясь на подушку. Так надо. Так будет лучше. Но нельзя себя так вести. Зачем я так себя веду с ней? Шумно выдохнув, сел, выдернул из вены катетер и встал на ноги. Меня повело, но я устоял и строго направился к двери, чтобы успеть остановить Юлю. И не знаю, чем я думал, когда решил, что она ушла. Этого не случилось. Юля будто бы знала, что я пойду за ней? Нет, вряд ли... Она просто пыталась успокоить нервы и ходила кругами по коридору. Что же я с ней делаю? Зачем мучаю? Она будет делать это когда меня не станет, а сейчас... ей нужно подарить, как можно больше хороших эмоций. Но почему каждый раз, когда я мысленно настраиваю себя на хорошее, ничего не получается? Шумно выдохнув, я направился к девочке, что ходила туда-сюда, опустив голову и смотря себе под ноги. Я обнял ее, стоило только подойти ближе, и она не оттолкнула, не сказала ни слова, просто обняла в ответ. Никогда прежде мне не было настолько комфортно, обнимая кого-то. Раньше в объятиях я чувствовал себя словно в клетке. А теперь готов был просто стоять вот так вот на виду у всех. Значит... мы оба меняем друг друга.

— Я не должен был тебя прогонять.

— Ты и не можешь прогнать меня отсюда. Это может сделать лишь главный врач этой больницы и то... если я захочу, то это он выйдет. — Юля как обычно была в хорошем настроении и улыбалась.

Ее глаза смотрели на меня с такой любовью... Неустанно. Сколько в ней было чувств и желаний, но как мало у нас было времени... Нужно было наслаждаться мгновениями и не грустить раньше времени. К тому же мы оба знаем, что в любое мгновение все может закончиться. Но чувствовал я себя на удивление хорошо. Возможно ли, что все будет не так плохо? Или же это просто препараты, какими меня кололи начали действовать? Возможно. Главное, что мне стало лучше. Пусть и не сильно.

Когда Юля ушла, я не знал куда себя деть, но потом полностью ушел в работу над книгой. Я не занимался ей уже долгое время, поэтому много времени ушло на то, чтобы перечитать все, о чем уже было написано. А потом вдохновение захватило меня, и отпустило лишь утром, когда медсестра принесла мне таблетки. Думает, что вылечит меня парой препаратов, и я продолжу жить, как и все? Вряд ли. У нее в глаза читалась фраза: «Скорей бы ты уже освободил палату, козел. И меня не волнует каким образом». А как же клятва Гиппократа, которую дают все медики? Ведь никто не заставляет идти и учиться людей туда, куда они не хотят. Вряд ли эта пожилая, хмурая, грузная женщина когда-то мечтала стать актрисой театра или оперной певицей или... актрисой. Ее максимум — это небольшой магазинчик на окраине. Она бы прекрасно смотрелась с таким лицом в образе директора. Но ей приходится разносить препараты, ставить капельницы и таскать утки. Неблагодарная работа, но женщина настолько привыкла к этому, что не хотела ничего менять.

— Ма, — тихий шепот, исходящий из приоткрывшейся двери заставил мой взгляд метнуться туда, и я замер.

Внутри все сжалось, как только я увидел глаза женщины, что стояла там. Она ведь тоже узнала, от того и сделала шаг в палату, приложив руку к губам. По ее глазам, я понял, что она узнала... Жизнь настолько непредсказуема, что никогда не знаешь, что может произойти сегодня.

— Лена выйди! — медсестра нахмурилась и махнула женщине рукой, но та будто бы не видела, продолжая смотреть на меня. — Простите, она сейчас выйдет.

Я поднялся с постели, откладывая ноутбук на тумбочку и подошел поближе к Лене. Она почти не изменилась... Почти... По взгляду она поняла, что нам лучше поговорить в другом месте, и мы пошли молча. Прямо по коридору. К лестнице, где находилась курилка. Странно, но я не помнил, чтобы Лена курила. Возможно эта привычка появилась у нее со временем. Мы не виделись пятнадцать лет, и за это время могло произойти столько всего. Вся жизнь могла перевернуться с ног на голову. Прошло бы еще несколько лет, и мы бы больше никогда не встретились.

— Этого... просто не может быть... — с придыханием проговорила она, трясущимися руками доставая из сумочки сигареты. — Я думала, что мы больше никогда не увидимся. Можно тебя обнять? Это же...

Я покачал головой, присев на лавку, что там стояла и провёл руками по волосам, не зная о чем должен был с ней поговорить.

— Конечно же... кто я такая, чтобы просить объятий?

— Лен, я не хочу ворошить прошлое. Ну не получилось у нас... Это же не значит, что...

— Пятнадцать лет, Марин. Мы не виделись пятнадцать лет, а ты говоришь о прошлом... — она села рядом со мной и выдохнула густой дым, глядя в потолок. — А может я замужем? Может у меня все прекрасно? Почему ты об этом не подумал? Почему не спросил о том, как я живу? Почему решил, что я до сих пор одна?!

— Сказать тебе правду? — я усмехнулся и поднял взгляд на женщину, что когда-то была для меня самым близким человеком.

Она продолжала курить и молчать, будто бы набиралась смелости о чем-то рассказать, но не решалась. А я и не знал о чем можно поговорить с человеком, который уже давно стал чужим. Да, мы просто сидели в тишине и думали каждый о своем. Комфортно, но не настолько, чтобы что-то менять. Я точно не был готов к тому, чтобы ворошить прошлое, копаться в ошибках, которые совершил по глупости и неопытности. Да и Лена не хотела вспоминать. Может ей до сих пор было больно...

— Так почему ты в больнице? Подрался с кем-то?

— Да... С дверью. Не захотела пускать меня в кафе.

— Ты всегда был скрытным... Посвящал меня только в свои «творческие» планы. Столько лет прошло, а ты не изменился. Все такой же.

— У меня рак, Лен. — Я взглянул на нее, видя то, как ее глаза широко распахиваются и наполняются слезами. — Даже не думай плакать.

— Да как ты так можешь говорить? Я ведь... до сих пор никого не...

— Лена, не надо. Не надо.

Она какое-то время помолчала и вновь достала из сумочки сигареты, на этот раз угощая одной меня. Мне нужно было выпустить пар, подумать и... как только я выдохнул первые клубы дыма, почувствовал легкость. Это было странно и совершенно неправильно, но казалось, что может быть хуже моей болячки?! Уже ничего.

— Марин, мне нужно тебе кое-что рассказать. — Наконец-то выдохнула Лена и

положила ледяную ладонь на мою руку. — Я не знала, как сказать тебе все это раньше, но... видимо, сейчас пришло то время, когда это важно... У тебя есть сын...

Дверь в курилку резко распахнулась. Я вздрогнул и поднялся на ноги, столкнувшись взглядом с Юлей. Она недовольно взглянула на Лену, затем на сигарету, которую я держал, и шумно вздохнула. Слова Лены о сыне не выходили у меня из головы, но сейчас было не время, чтобы думать об этом. Нужно было объясняться с Юлей, сказать ей, что хуже не станет от пары сигарет. Ему итак остались считанные дни, недели... может месяц или два. Он будто бы уже чувствовал.

— Почему я должна искать тебя по всей больнице? — строго начала Юля, не заходя в курилку и держа дверь нараспашку. — Или ты забыл, что здесь ты не в санатории?

— Юль...

— Это дочь твоя? — Лена вмешалась совсем не вовремя.

Я видел, как изменилась Юля в лице. Она набрала полную грудь воздуха, взглянула на меня и перевела взгляд на Лену.

— Я его редактор. — Недовольно озвучила девчонка и вышла, захлопнув за собой дверь.

Не знаю что мной правило, но я бросил сигарету и поспешил за Юлей. Никогда раньше я бы не смог подумать о том, что буду бегать за кем-то. Никогда я не позволял себе подобного, но за ней... я готов был ходить. Она — единственный человек, который заставил меня жить дальше, и я не могу ее потерять. Зная ее взрывной характер, я понимал, что все может закончиться именно на этом месте. Здесь... а если она услышала то, что сказала Лена? Какой еще сын? Если бы у нее был сын от меня, она бы давно уже сказала. Никто не сможет столько лет хранить тайну, а Лена тем более... это же Лена.

Она не смогла скрыть от мамы и бабушки того факта, что мы с ней начали встречаться. Это она пришла к нам домой сразу же после выпускного с сумкой, и сказала, что мы будем жить вместе. Она всегда шла впереди меня на несколько шагов. Только теперь я стал понимать, что Лена всегда боялась остаться одна... может поэтому и не сказала про сына. А может быть и вовсе солгала.

Догнав Юлю, я схватил ее за руку. Бегать дальше не было сил. Я не злился на такое ее поведение, потому что понимал насколько она была взволнована. Эта чертова презентация первая не только для меня, но и для нее. И волнение тут вовсе не значит слабость. Все однажды случается впервые, и Юля — та самая девушка, у которой все и всегда получается. Я в ней не сомневался.

— Кто та женщина? — спросила наконец-то Юля, когда ее вспышка гнева чуть стихла.

— Это... Лена... Она... я ее бросил, ради того, чтобы начать карьеру в большом городе.

— Отвратительный поступок.

— Она хотела, чтобы я на ней женился и всю жизнь просидел в месте, где меня все ненавидели! Или ты хочешь сказать, что я должен был наплевать на свои мечты ради нее? — я говорил громко, но не думал, что это услышит сама Лена.

Она прошла мимо нас, и я не мог ничего сделать. Только смотрел ей в спину. Все у нее будет хорошо. Это же Лена. Она всегда делала и поступала так, как нравилось ей, и сейчас я уверен, что ее жизнь наладилась. А сын... да мало ли что она могла наговорить мне, после моего признания. Я болен, мне не до пустых разговоров. Я лишь хочу отдохнуть... от всех, от всего, от боли...

— Начало через час, тебе нужно немного замазать синяки, идем. — Юля мягко взяла меня за руку и повела обратно в палату.

Тошнота поступила к горлу, и я еле успел дойти до уборной. Повезло, что она была в палате. Вновь стошнило, и мне это казалось странным. Я был уверен, что какой-то препарат попросту не усваивался в моем организме. Да и черт с ним... хуже уже не будет. Но хуже стало.

Ноги в одно мгновение превратились в вату, и я рухнул на пол. Юля испугалась, она сразу же ворвалась ко мне, и прикрыв рот руками, пыталась успокоить в первую очередь себя. Её пальцы дрожали, но она через силу пыталась успокоить меня.

— Юля. Юль... Юляшка, ну ты чего? Все хорошо. Все в порядке. Такое уже было, слышишь? Юля! — я пытался успокоить, но ее дрожь никуда не ушла.

Плечи подрагивали, лицо искажала маска страха, а подсознание отказывалось слушать то, что я говорил. Нужно было доказать ей, что все в порядке. Мне было страшно от одной только мысли, что она всю свою жизнь будет вспоминать эти моменты со мной и содрогаться. Нужно встать. Только встать. Все тело казалось мягким и тяжелым, словно я состоял из желе.

— Я позову доктора... — наконец-то отозвалась Юля, но не сходила с места, продолжая держать руки у лица.

— Все хорошо, я уже встаю. Я оступился... просто оступился. — Уверял ее, хотя знал, что подняться на ноги будет очень непросто.

— Ты... ты не врешь мне?

«Юль, я всегда лгу, когда говорю о том, что все хорошо...» — пронеслось в моей голове, но ответил я совсем другое.

— Конечно же не вру. Не вру. Я уже встаю, видишь? Уже встаю.

Я боялся, что не смогу встать, потому что совсем не чувствовал ног, но ради нее должен был сделать это. Нужно было быть максимально убедительным. Это стоило мне немалых усилий. Я заставлял себя встать, но как, если тело не поддавалось? С каждым мгновением, что я пытался собраться и встать, Юля понимала, что я лгу ей.

«Ну же! Чертов овощ!» — кричало мое подсознание. Наплевав на жалость к себе, я рывком заставил подняться себя на ватные ноги и сделал неуклюжий шаг к Юле, обнимая ее. Если бы она только знала сколько сил мне понадобилось для того, чтобы вновь подняться. Но только из-за нее я смог это сделать. Только из-за нее.

Она крепко обняла меня, уткнувшись носом мне в грудь и тяжело выдохнула, отчего даже мне стало не по себе. Сколько сил было в этой маленькой хрупкой девушке никто и представить не мог. Зато я прекрасно знал.

Дрожь в коленях сменилась на покалывания, но я старался не думать, не обращать внимания на это. Оно должно быстро пройти. Или хотя бы просто пройти. Главное, не подавать вида, что мне плохо или больно. Главное не упасть снова.

— Никогда больше так не пугай меня... — тихо проговорила Юля, вновь сильнее прижимаясь к моей груди. — Никогда не пугай так...

«Если бы я только мог тебе пообещать... я бы все сделал, чтобы ты никогда не видела моей слабости. Я клянусь... во что бы то ни стало, буду бороться до конца. Я буду сильным ради тебя, чтобы ты не видела моей слабости».

— Обещаю... — я улыбнулся через силу и сделал шаг к двери.

Мне было страшно, но я шел. По памяти переставлял ноги, и у меня получалось настолько хорошо, что Юля не задала ни одного лишнего вопроса. Сев на больничную койку, я потер лицо рукой и глубоко вздохнул, представляя насколько сложной будет первая

презентация. Я же совсем не готовился. Да и в таком месте... никогда раньше я не задерживался в больнице дольше, чем на час, но последний год просто убил меня. Убил все живое внутри, а Юля... она бережет то, что осталось внутри меня.

— Юль... — тихо позвал ее я, пока ее взгляд неотрывно что-то искал в телефоне.

Она меня словно не слышала, пока я не дотронулся до ее руки. Непонятное выражение на её лице сменилось на улыбку, и мне почему-то стало не по себе.

— Что случилось?

— Отец написал, что нужно привезти твои книги сюда, потому что он забыл. — Выдохнула она, потирая лоб. — Мне придется съездить в офис, но ты не переживай. Я вернусь к началу.

Ее ладони легли на мои щеки, а губы дотронулись до моих. Ее поцелуи были лучшим лекарством от грусти для нас обоих. Но мне было страшно, что потом, когда меня не станет, ее грусть больше никто не сможет излечить... Больно, но никто не может изменить свою судьбу. Если бы тогда Юля не была такой настойчивой — сейчас она бы, возможно, и не работала в издательстве, не влюблялась в своё дело так, как делала это сейчас. Я видел, как горят её глаза, когда она говорила о книгах.

Пообещав ещё несколько раз вернуться вовремя, она ушла, а я остался сидеть и ждать, нервно поглядывая на время. Горечь в городе не давала мне думать о чем-то, кроме того, что случилось какое-то время назад. У меня отказали ноги. У меня. Ноги. Что бы я делал, если бы не получилось встать? Что было бы тогда? Тогда уж точно Юля бы позвала доктора, мне сделали бы укол, и я вновь бы спал, а может быть и нет. Мучился бы.

Мысленно я вновь вернулся к нашему с Леной разговору в курилке. Сын.

— Марин, почему ты так боишься жениться на мне? — Лена ходила кругами по комнате, ее волосы был заколоты крабом, а полы халата небрежно раскрылись. — Я же не собираюсь прямо сейчас рожать детей, уходить с работы и... не знаю, заниматься тем, чем обычно занимаются замужние женщины. Мы просто поженимся, я возьму твою фамилию и буду уверена в том, что мы будем вместе до конца.

— До какого конца, Лен? До какого?! Я... нет, давай отложим этот разговор до более подходящего момента. — Постарался отговориться я, хотя, прекрасно знал, что она не отстанет от меня.

Каждый раз, когда Лена говорила о свадьбе, я чувствовал дикое желание сбежать куда-нибудь подальше, чтобы не слышать ничего. Я кажется уже и не любил ее... Не знаю, как назвать то чувство, с которым я жил следующие несколько лет, после окончания школы. Мне было страшно. Страшно, что в один прекрасный день я сдамся. Единственной поддержкой была моя семья — мама и бабушка. Только они понимали мое желание творить... И Лена поначалу ведь тоже понимала меня. Из-за неё я начал первую свою книгу. С ее подачи начал писать в больших объемах, но со временем она все больше разочаровывалась во мне... Читая написанные главы и исправляя в них незначительные ошибки, она качала головой и говорила, что такое не понравится читателю. Словно она могла знать, что именно может понравиться людям.

— Даже теперь... даже в этот момент ты думаешь не о том, что я хочу замуж за тебя, а о своих книгах! — крикнула Лена, кинув в меня подушку и принялась заправлять постель. — Никакого уважения ко мне... Может быть ты и не собираешься на мне жениться?

— Может и не собираюсь. — Отозвался я, бросая подушку на пол и поднялся из кресла.

Взгляд девушки тут же обратился ко мне. Я видел сколько возмущения в нём было, но

она молчала, ища подходящие слова. А может быть она просто не ожидала, что я решу сказать ей правду.

— Не собираешься, значит...

— Да! А что ты хотела? Что?! — мой голос звучал насколько грубо, что даже я сам не узнавал его. — Если тебе так не терпится выйти замуж, пожалуйста, я не держу. Можешь идти и выйти хоть за первого встречного! Но если тебе нужен именно я... будь добра, Лена, дай мне время, когда я сам захочу этого.

Мои размышления о прошлом, о поступках, которые я тогда совершил были нагло прерваны. В палату вошёл невысокий, наполовину лысый, с большим авторитетным животом — мужчина. Белоснежная выглаженная рубашка, казалось бы трещала на нём, а пуговицы на животе вот-вот лопнут и разлетятся по палате. Темно-синие широкие брюки держались на ремне где-то под животом. На левой руке дорогие часы, на правой широкое обручальное кольцо. Поднявшись на ноги, я понял, что мужчина очень уж невысок. Может быть он чуть выше Юли и... В голове промелькнула мысль о том, что это и есть тот самый Котов — отец Юли и владелец издательства. Но я хотел, чтобы это было не так.

— Значит вот ты какой... новый автор... — проговорил тот, осматривая меня с ног до головы и задерживая взгляд на синяках. — Юлька уж весь офис на уши подняла из-за тебя.

— В каком смысле? — не понял я, пытаюсь не обращать внимания на его тон.

— В прямом. Заморочил девке голову и рад, да? Она из-за тебя позабыла о нормальной жизни. И знаешь что? — он сделал шаг ко мне. — Я не позволю такому... как ты, испортить мне дочь!

Он говорил не связно, запинаясь, пытался достучаться до меня громкостью, а не словами. Признаюсь, я хотел наглубить ему, но решил не терять лицо.

— Я и не собирался её портить, но знаете что хочу вам сказать? Именно то, что я «заморочил девке голову», помогло ей стать редактором в вашем издательстве. До этого она и думать не хотела о нем, потому что она не хотела этим заниматься.

— Мне плевать что и как ты ей сделал, но говорю первый и последний раз! Если ты еще раз подойдешь хотя бы на метр к ней, я укорочу твою и без того короткую жизнь. — Мужчина пригрозил мне пальцем, затем хмыкнул и пошел к дверям.

— И плевать! — разозлился я, сжав кулаки. — Мне терять нечего. Избавитесь от меня и подарите мне освобождение от этой чертовой болячки.

Он никак не отреагировал. Молча вышел из палаты, а я... задумался. Прекрасно знал, что Юле потом будет в тысячи раз сложнее отпустить меня. Если я люблю ее, то должен сделать так, как того хочет ее отец. И нет, я не испугался его глупых угроз, просто я понял, что на его месте также оберегал бы ее от всех и всего. Не в моих силах подарить ей будущее, о котором мечтают все девочки. Я не смогу стать ее поддержкой и опорой, потому что мне самому это нужно. Возможно, благодаря ей одной я до сих пор жив, но этого хватит. Нужно смириться и отпустить... Забыть о том, что было потому что дальше все будет только хуже.

Я сел на больничную койку и обхватил голову руками, не зная, как будет лучше. Зачем я вообще позволил ей остаться в моей жизни? Зачем? Почему сразу не отказался от нее. Я же хотел. Я хотел уберечь ее от себя, но не смог. Не смог сдержаться себя и свои чувства, которые вспыхнули также быстро как и... нет, ничего не сравнится с химией, которая была между нами.

Мне хотелось кричать и биться головой о стену от безысходности, но я держал себя в руках. Услышав, как в палату кто-то вошел, я вздрогнул и поднял голову, видя перед собой

два огромных синих глаза, а потом белую кудрявую макушку. Эрик.

— Привет. — Проговорил он, протягивая мне руку, и я тут же пожал его маленькую нежную ладошку.

— Привет. Ты заблудился или...

— Пришел проведать тебя. Юля сказала, что ты болеешь, но скоро поправишься. А ты пьешь таблетки?

Я кивнул, убеждаясь в том, что мне нужно оборвать все связи с Юлей, но в первую очередь нужно сменить место жительства. Если она потеряет меня так, то будет злиться и не будет плакать и горевать. Позлится, а потом забудет и все у нее будет хорошо. Я уверен, что все будет даже лучше, чем просто хорошо, но нужно найти, где можно пожить пару месяцев. Никто не захочет приютить меня, да и я ни с кем не уживусь. Единственным выходом будет лишь съемное жилье. Главное выдержать первые несколько дней, а потом будет лучше. Я решил. Наконец-то решил на это, поэтому теперь мне нужно было в тайне от Юли найти квартиру, оплатить ее и как можно скорее съехать. Может быть после презентации получится быстро все организовать?

— Эрик! — громкий женский голос, доносившийся из коридора, заставил меня вновь отвлечься, и я взглянул на мальчишку, который повернулся лицом к двери.

— Я тут.

Стоило ему сказать это, как в палате появилась высокая женщина средних лет. Подстриженные светлые волосы до плеч были заколоты у висков темными невидимками, а синее платье подчёркивало стройную фигуру. Я догадался, что это была мать Эрика и Юли, но... если вспомнить свою маму... Как небо и земля. Моя выглядела сдержанно и ни на кого не смотрела осуждающе. Никогда. А эта женщина мало того, что не поздоровалась, так еще и поспешила увести своего сына. Это неприятно, и теперь я понимаю, когда кто-то говорил: «Отойдите, у него же рак, заразитесь». Я слышал эту фразу не один раз в больницах, где пытался лечиться.

Когда в палату вошла медсестра, сказав о том, что мне нужно идти на презентацию, я тяжело выдохнул, надел стерильную маску и поплелся к лестнице. Юли не было. Она опаздывала. Я знал, что она не могла опоздать, но все указывало на это. Мой провал будет первым в истории издательства. Что я писал — не помню, но нужно было отвечать на вопросы и... среди людей, которым плевать. Они собрались лишь бы получить ненужную книжечку с автографом, чтобы та потом лежала на полке и годами пылилась, пока кто-нибудь не решит выбросить ее.

Первым, что я увидел на этаже — это была «Стена ладошек». Маленькие и большие, разноцветные отпечатки детских ладошек. На некоторых были привлечены бантики, и я не представлял, что в этих бантиках содержится все то, о чем я не хотел бы думать. Каждая ладошка с бантиком — это конец... Вот она несправедливость жизни. Взрослые люди, успевшие пожить продолжали вести отвратный образ жизни, делать все, чего не успели сделать эти «маленькие ладошки». По коридору бегали дети, но чем дальше я шёл, тем хуже была картина. Уставшие, остриженные налысо и утратившие свою, казалось бы, нескончаемую энергию, дети сидели на стульчиках с пустыми взглядами, смотрели на стену ладошек. Одни считали бантики, а другие просто сидели, прикрыв глаза. Боль мучила их. Не щадила никого.

— Ужасная картина, да? — голос Ваньки, заставил меня отшатнуться в сторону, и я чуть не сбил медсестру, несущую полотенца.

— Я чуть не умер. Не подкрадывался бы ты так.

— Ну, умирать тебе пока рано. Да и вообще, это не то к чему нужно стремиться.

— Думаешь, я так стремлюсь? — усмехнулся я, остановившись, когда увидел множество стульев, выстроенных рядами.

— Ого, Юлька постаралась на славу. Молодчина.

— Ага... Слушай, я тут... Хотел посоветоваться. Если бы ты был в моей ситуации, то... ты бы отпустил ее?

— Кого? Ситуацию? — не понял Петриков.

— Да какую на... — я покосился на задумчиво смотрящего на меня мальчишку с лысой макушкой и огромными синяками под глазами. — Юлю... ей потом будет хуже, а я не хочу, чтобы так все закончилось.

— Решил ее бросить?

Я только кивнул и тяжело выдохнул, проведя рукой по лицу.

— Глупо, Марин. Это глупо. Она же...

— Ее отец сказал, что пристукнет меня, если я подойду к ней ближе чем на метр. А мать, так вообще...

— Да забей ты на них. Юлька выбрала тебя, так наслаждайся жизнью с ней. Второго такого раза не будет. А то что сложно... на прошлой неделе у меня умер знакомый. Да, я не общался с ним толком, но я три дня пил. И не подумай, что это повод. Это всего лишь...

— Это не то.

Прислонившись спиной к стене, я прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

— У меня сегодня отнялись ноги. Я упал прямо в туалете. Ты бы видел ее глаза... Она так испугалась, что мне пришлось... встать, лишь бы она не боялась. Я не хочу ломать ей жизнь.

— Марин, никто не знает, сколько ему отведено. Сегодня ты есть, завтра нет. А жизнь идет, между прочим. И тебе нужно прожить ее так, чтобы потом о о тебе вспоминали. А ноги... это препарат тебе какой-то не тот вкололи. — Ванька похлопал меня по плечу и улыбнулся. — Не думай бросать ее. Она — лучшее, что было в твоей жизни.

— Нет. Я принял решение, и не хочу его менять.

— Твое право, но без неё ты не протянешь долго.

— Спасибо. Я знал, что ты меня поддержишь. — Усмехнулся я, переводя взгляд на еще одну медсестру, которая прикрепляла еще один бантик, на еще одну ладонь на стене. — Что же мне делать?

— Жить полной жизнью, будто бы у тебя все прекрасно. Жить столько, сколько получится, а дальше... уже не важно.

Презентация прошла лучше, чем я думал, несмотря на то, что Юля приехала ближе к середине мероприятия. Когда из всех вопросов оставались лишь незначительные и совершенно неинтересные догадки и предположения о продолжениях детских сказок. Самым сложным было сказать детям, маленьким, слабым, угнетенным одной болячкой, что я уже не успею написать продолжения, но я их обманывал. Не говорил, что больше не будет историй о медвежонке-рыцаре, мышатах и прочей живности, о которой я когда-то писал, а наоборот, уверял, что скоро выйдет еще один сборник. Но это ложь... Не будет никакого «скоро». Это «скоро» может не наступить для кого-то. Возможно и для меня самого. Не будет больше ни историй, ни сборников, ни книг, ни идей... Я все хуже чувствовал себя. Даже сидя в уютном мягком кресле и говоря с детьми, я чувствовал, как силы покидают меня. Но стоило увидеть Юлю, как я тут же выпрямился и попытался выглядеть более уверенным и жизнерадостным. Хотя, кого я пытался обмануть?.. Внутри меня все было невыносимо. Тошнота, боль и слабость смешались в одну единственную эмоцию — в страх.

Вопросы, вопросы, вопросы... Удивительно, но все дети были знакомы с моими историями и подготовились куда лучше, чем я. Спустя почти час мы закончили, и мне можно было возвращаться в свою палату, как вдруг я увидел Лену. Казалось, что за этот день я видел её намного чаще, чем за последние пятнадцать лет. Она стояла в коридоре и ждала, когда я подойду? Но ждала не одна. Мальчишка лет пятнадцати стоял рядом с ней и с прищуром смотрел на меня. Этот взгляд мне был знаком хорошо. Именно так я смотрел на всех мужчин, которые были у мамы, после отца. Я их ненавидел. Не потому что они касались ее. Нет. Она никогда не позволяла этого себе. Она всего лишь просила их о помощи по дому, отдавая при этом деньги или ставила бутылку водки, а иногда хватало и сытного ужина. Но что касалось мальчишки и Лены? В его взгляде я видел то, чего никогда не видел в своем — ненависть. Он смотрел на меня с открытой ненавистью, и его можно было понять, наверное... Возможно, он был зол на меня, потому что я не участвовал в его жизни, как настоящий отец, но... он и сам должен был понимать, что я не знал о нем ничего. Совершенно ничего. Я не мог полюбить чужого человека, как родного. Этого просто быть не может.

Я обернулся на Юлю, которая судя по выражению лица, ругалась с отцом, затем вновь взглянул на Лену, желая подойти к ней, ведь... может быть после разговора, я смогу решиться на самый тяжелый шаг. Может быть я смогу заставить Юлю бросить меня или же смогу сделать это сам.

— Марин! — позвала меня Лена, как только я шагнул в сторону ужасного коридора с разноцветными ладошками.

В голове никак не укладывалось то, что каждая ладошка — это жизнь, но каждый бантик на ней — совершенно обратное. Неприятно, больно и до безумия обидно. Каждый, кого касалась эта беда — каждый задавался вопросом: «Почему я?». Но ладно если этим вопросом задаются взрослые, уже прожившие лучшие моменты люди, а если это дети? Страшно... страшно, что никак нельзя защитить хотя бы этих маленьких человечков.

Подойдя ближе к Лене, я взглянул на мальчишку, видя в нем отражение себя пятнадцатилетнего. Такой же высокий, худой, с синяками под глазами, кудрявыми волосами и выразительным взглядом. Он был точной копией меня в детстве. Удивительно.

— Вот, познакомься... Это Вадим. — Тихо проговорила Лена, погладив мальчишку по плечу. — Вадик, а это...

— Марин. — Перебил ее я, протянув руку для рукопожатия, но мальчишка демонстративно сунул руки в карманы.

— Вадик! — воскликнула Лена.

— Я не обязан здороваться с незнакомым человеком. — Произнес он, ухмыльнувшись.

— Вы не совсем чужие...

— Лен, он прав. Это бесполезно. Я его не знаю, он меня...

— Марин? — Юля подошла ко мне, кладя руку на плечо и с явной растерянностью взглянула на Вадима. — Мы можем ехать? Боня дома один весь день...

— А разве мне не нужно лежать тут?

— Нет, Ваня поговорил с доктором... Все нормально, можно возвращаться домой.

Я кивнул, решив перенести серьезный разговор на более позднее время. Не очень красиво будет, если мы будем выяснять отношения прямо там в коридоре. А может быть стоило и не говорить ни о чем? Вновь непонятная неопределенность. Да и черт с ней. Взглянув на мальчишку, который испепелял взглядом Юлю, я приобнял ее, подталкивая к лифту.

Мы ушли. Так и не говорили ни о чем. Странно, но Юля даже не спросила ничего про мальчишку, хотя по ее выражению лица, я понимал — она догадалась обо всем. Да там и догадываться не нужно было. Он был моей точной копией.

— Ты поругалась с отцом?

— С чего ты взял? — без капли удивления спросила Юля, не отводя взгляда с дороги.

— Видел.

— Они против тебя... не хотят, чтобы ты был в моей жизни, а я... — она тяжело выдохнула и провела рукой по лицу. — Я не знаю уже ничего. Так устала... работа, дом, собака — Марин... это будто бы не мое.

Я кажется начинал что-то понимать. Разговор с отцом пошел ей на пользу? Она устала не только от работы и прочего — она устала от меня, моей болезни и вечного присмотра. Я разрушал ее, и только я мог сделать так, чтобы все закончилось. Закончится для нас, но не закончится для нее. Но я молчал. Прислонившись лбом к стеклу, мне захотелось просто, чтобы все это закончилось. Я был готов к концу, не желая больше решать какие-то проблемы, думать о чем-то. Но у судьбы на меня были другие планы. Совершенно другие. Каждый раз, думая о том, что нахожусь на грани, я был глуп. Приступы боли — это всего лишь напоминание о том, что я нездоров.

Тишина давила на меня. Не знаю что рассказал Юле ее отец, но это что-то испортило ее взгляды на общение со мной. Это наверное и лучше. Я же сам хотел бросить ее. А если Ванька рассказал ей о нашем разговоре? Нет, он не мог. Тогда что? Я не мог найти себе места, и ждал, когда мы наконец-то окажемся дома, в привычной обстановке. Возможно тогда что-то станет понятным.

Но даже когда мы оказались в квартире, Юля все также выглядела напряженной. Она покормила щенка, сходила в душ, кому-то позвонила и ушла в комнату. Ее долго не было, поэтому я решил заглянуть чем же она была занята. Когда я вошел в спальню, Юля что-то увлеченно писала, громко ударяя пальцами по клавиатуре ноутбука.

— Что случилось? Ты устала от меня?

— Нет, я устала от отца и его принципов. Он поставил мне условие: либо я с тобой и без

работы, либо с родителями и с работой.

— И?

— И? — девчонка удивленно взглянула на меня, видимо ожидая продолжения, но я молчал. — Ты думаешь, что я выберу их? Марин, они бросили меня на бабушку, испоганили мне детство... а Эрик... ему все равно. Подрастет и поймет меня. Я не брошу тебя ни за что на свете! Неужели ты не понимаешь, что я буду с тобой до конца... до самого конца. И как бы больно не было, я готова.

Мне было больно от ее слов, но то как она себя вела заставляло душу улыбаться. Мне безумно повезло с ней. Пройдя по комнате, я сел на кровать, где сидела Юля и обнял ее. Таких моментов мне не хватало. Она считала рак — всего лишь словом, которое так крепко прицепилось ко мне. Всего лишь слово, от которого я не могу избавиться. Но я справлюсь...

— Я книгу пишу... — тихо проговорил я, зная, что Юля может меня перебить и сказать, что мой путь писателя закончен, но она молчала, прижавшись ко мне. — Я хочу успеть ее дописать и... будет смешно звучать, но я хочу, чтобы ты прочитала ее после того, как...

— Нет, давай не будем о грустном. У меня мурашки по коже, когда ты говоришь так серьезно.

— Все мы не вечные...

— Все мы не вечные... — сказала бабушка, глядя на серый могильный камень, на котором была мама. — Судьба такая у Ирины нашей... а против судьбы не пойдешь. Сколько отмерено, столько и проживем, верно, Марин?

Я молча кивнул, проклиная себя за то, что перевез свою семью в город. Если бы этого не было, не случилось бы и трагедии. Я виноват... всегда виноват один лишь я. Когда умер отец, я не пришёл вовремя домой, задержавшись в школе, а мама... она никак не могла найти подходящую работу, ходила на собеседования и попала под машину. Никто так и не нашел виновного. Все пустили ситуацию на самотек, даже не представляя насколько больно родным от мысли, что они больше не услышат голос близкого, не почувствую прикосновения и не смогут обнять. Тогда я решил, что нужно возвращаться в деревню, к Лене и не стремиться прыгнуть выше головы, но... бабушка не разрешила.

— Совсем сдурел?! — крикнула она, до этого никогда не повышавшая на меня голос. — У тебя пока еще я есть, и ты должен устроить свою жизнь, пока я могу тебе помочь, понял?

— Я не могу... мне больно. Я только принял смерть отца, а теперь и мама, и...

— И что? На них свет клином не сошелся! Твоя жизнь продолжается, вот и живи так, чтобы потом было чем гордиться.

— Чем я могу гордиться? Работаю каждый день, а толку...

— Одно то, что ты не сидишь на месте — уже достижение. Запомни это и живи дальше!

По щеке стекла слеза, и я тут же смахнул ее, Юля это заметила и чуть нахмурилась, сверля меня взглядом. Я не знаю, как это получилось, ведь я сдерживал свои эмоции, но рядом с ней не мог этого сделать. Улыбнувшись, мне осталось сказать лишь то что в глаз что-то попало, но она не поверит. Никогда и ни за что. За это, наверное, она мне и понравилась. Юля видела людей насквозь. Их эмоции и чувства. Может быть поэтому у неё и было много друзей... до того, как она начала общаться со мной. Но теперь мы друг у друга были одни. Хотя нет... у нас был еще Ванька и братья-близнецы, а также Стас и его жена Римма. У нас есть общие друзья, и это уже достижение. У нас все отлично, и я не думаю о том, что теперь, когда возник конфликт с родителями Юли — мы не справимся. Мы должны справиться, и я уверен, что так оно и будет, если только... все не закончится уже завтра...

— Итак, предлагаю прогуляться! — предложил я, видя насколько угнетена произошедшим Юля, как вдруг в дверь позвонили. — Ты кого-то ждешь в гости?

— Может Ваня? — она пожала плечами, быстро поднялась с постели и поспешила к двери.

Не знаю почему, но где-то внутри таился какой-то страх. Я будто бы знал кто пришел к нам, но не хотел даже думать о том, что мои догадки — могут оказаться правдой. Я продолжал сидеть в спальне, пока не услышал из коридора, Юлино «Иди сюда!». Все-таки мое внутреннее Я знает куда больше меня. Шумно выдохнув, я провёл руками по лицу и поднялся, неторопливо направляясь в коридор.

Юля стояла, скрестив руки на груди и смотрела на Лену и её сына. Те стояли у дверей и чего-то ждали. Только чего? Зачем она вообще появилась теперь в моей жизни, еще и с... мальчишкой. Не знаю, что кто-нибудь другой сделал на моем месте, но я решил выслушать, а уже потом решать выгонять их или нет. Но скорее всего стоит их выпроводить. Они чужие мне люди. Нас ничего не связывает. Да, мальчишка похож на меня, но без специальных манипуляций никто и не докажет наше родство. Да и почему я так боюсь этого? Боюсь ли ответственности? Разумеется. Я не успел прожить свою жизнь, а мне уже собираются привить отцовский инстинкт, которого, как и материнского попросту не существует.

— Мама подсмотрела твой адрес регистрации, и я подумала, что было бы здорово навестить тебя, да поговорить о... — Лена покосилась на Юлю, не понимая можно ли говорить о желаемом или же повременить, когда мы с ней останемся наедине. — Ты же не против?

— Я не против, проходите! — Юля приветливо улыбнулась, указав рукой в сторону гостиной. — Куртки можете повесить вон туда... там крючок. Там ванная, можете вымыть руки. Чай?

— Да, можно. Мы с самого утра...

— Лен, зачем ты пришла? — спросил я, прислонившись спиной к дверному косяку.

Мальчишка сверкнул синими глазами, поворачиваясь в мою сторону и прищурился, засопев еще громче. А что я мог сделать? Мне было неприятно от ее нахождения в моей квартире. Возможно, если бы она сама приехала, без своего сына, тогда я был бы куда более гостеприимным.

— Не обращайтесь внимания, он всегда ворчит. — Юля улыбнулась еще шире, кажется стараясь успокоить меня и прошла в гостиную, а оттуда на кухню.

Удивительно, но мальчишка был спокоен. Характером точно не в меня пошел, а в свою мать. Такой же... пришел на все готовое и доволен собой. Маменькин сынок. Он же не отходил от неё ни на шаг до этого, но когда Юля позволила им пройти в гостиную, он первым сделал это. Лена повесила их куртки, сняла сапоги и неторопливо прошла за сыном, осматриваясь. Если они приехали проведать меня, тогда почему с таким интересом осматривались? Дело нечисто. Я мог лишь догадываться зачем они пришли, но никто не говорил правды, а Юля... она вела себя дружелюбно только потому что... Почему? Не понимал ее улыбочек, но терпеливо ждал, когда же она сядет и спросит зачем эти двое приперлись. Ведь на мои вопросы они молчали. Лишь мальчишка с нескрываемой ненавистью смотрел на меня. Но я не виню себя в том, что не знал о его существовании.

Юля вернулась с вазочкой, в которую собрала все сладости, что были в квартире. Она не выглядела расстроенной или довольной гостям... Впервые на ее лице я не мог прочесть ни одной эмоции. Я не знал, что она чувствовала, и от этого мне было не по себе. Тревога

внутри нарастала, а я прекрасно знал чем это может закончиться. Нет, нужно было спросить в открытую. Поднявшись, я прошел на кухню, где Юля уже готовила чай. Увидев меня, она отложила своё занятие и тяжело выдохнула. Все, что она делала до этого... все улыбки и милая беседа — ради меня? Вновь творилось что-то непонятное... она вновь задумала что-то. Нет... только не это. Мне не нужно, чтобы Юля принимала ситуацию, как данность. Я не хотел, чтобы она принимала сына этой женщины, как моего. Нет.

— Тебе не кажется, что ты поторопилась, приглашая их на чай. — Тихо проговорил я, подходя ближе, на что Юля покачала головой.

— Это твой сын. Вам нужно поговорить, вдруг он тоже увлекается писательством, как и ты? Вдруг у вас много общего? Марин, сын это же круто! — вновь наигранная улыбка, которую мне хотелось смести с ее лица, но я развел руками.

— Для меня он совершенно незнакомый мальчишка, который действует своим поведением мне на нервы.

Когда мы вернулись в гостиную, мальчишка уже выглядывал из окна. То ли он рассматривал вид, то ли хотел выброситься, что конечно же не может быть правдой, потому что это было моим желанием. Не мог я принять все это, как правду. Слишком много всего случилось со мной в один день. И презентация, и ситуация с родителями Юли, и Лена, и ее сын. Тут нормальный человек свихнется, а я... болею.

— Вадим очень похож на Марина, да? — улыбаясь спросила Лена, глядя на Юлю и на то, как она следила за мальчишкой.

— М? — она тут же перевела взгляд на женщину и улыбнулась, кивая. — Да! Одно лицо.

— А ты говорила, что редактор Марина, а теперь оказывается, что вы живете... в одной квартире. — Она не сказала «вместе», значит точно собиралась вернуться. — Так кто ты? Дочь?

— Нет, — усмехнулась Юля, расправив плечи и уже собираясь озвучить на самом деле кем приходится мне, но... мы же не знали сами. — Мы с Марином... знакомы относительно недавно и... эм...

— У нас свадьба летом! — вмешался я, видя, как лицо Лены искажается, а Юля переводит на меня испуганный или же удивленный взгляд.

Может быть она не хочет за меня замуж? А может быть боится, что я не доживу до лета? Судя по моему состоянию и тому, как часто я попадаю в больницу, это было бы очевидно. Но у нас теперь есть общая мечта, которая просто обязана осуществиться. Я не могу слечь и бросить Юлю одну. Да, совсем недавно я хотел ее бросить, но я собирался дать ей возможность забыть меня хоть немного и заменить скорбь злостью, но... нет. Я не могу оставить ее, да и она так просто не откажется от меня. Сколько раз мы расставались? Сколько раз ругались до хрипоты? Но мы все равно вместе, потому что Юля умна... Она не убегает, хлопая дверью при каждой ссоре, а молча стоит и слушает, переваривая каждое сказанное в гневе слово.

— Поздравляю... — растерянно произнесла Лена, делая глоток чая.

— Юля, а ты не слишком молода для этого коз...

— Вадим! — перебила его мать, дергая за рукав рубашки.

— Не сдерживай его, Лена. Ты, как педагог должна знать, что агрессию нельзя держать в себе. Пусть выскажется, если ему так нужно. У него же явно накопилось за столько лет вопросов и слов, которые он желал высказать при встрече.

— Марин... — Юля погладила меня по руке, и я выдохнул.

Не знаю, что чувствовал в тот момент мальчишка, но мы ненавидели друг друга одинаково. Клянусь, мне не нравился он до такой степени, что я готов был самостоятельно спустить его с лестницы. Да, он ребенок. Да, не виноват в том, что мать его так воспитала, но он просто обязан уважать людей, которые старше. Это ведь не сложно. Этому учат в садах, в школах... или чему сейчас учат там? Мой сын не может быть таким.

— А у вас можно покурить где-нибудь? — вдруг спросила Лена, и Юля указала ей в сторону кухни, собираясь проводить, но это сделал я.

— Мне тоже нужно выпустить пар. — Улыбнулся я, целуя Юльку в макушку и прошел в кухню, сразу же ища свою заначку сигарет в баночке из-под сахара.

Лена достала из кармана кофты пачку каких-то, далеко не дамских, сигарет и, достав одну, сжала ее губами. Мне оставалось открыть окно и вдохнуть свежий воздух, прежде чем мои легкие заполнит едкий дым. Мы какое-то время молчали. Возможно, она не могла подобрать подходящих слов для извинений, а может быть она ждала, когда начну говорить я. Не знаю, что можно было сказать в такой ситуации. Ничего не хотел говорить, поэтому молчал. Просто смотрел куда-то вдаль, думая о том, что же будет потом... когда меня не станет... Кто будет страдать, а кто выдохнет спокойно? Наверное, нельзя было об этом думать, чтобы не приближать конец, но я не мог не думать. Это мое будущее. Это моя жизнь.

— Не злись на Вадима, он просто... обижен очень... — тихо проговорила Лена, выдыхая дым не в окно, а мне в лицо. — Его долгое время дразнили в школе, называли «безотцовщиной». Это сложно, понимаешь?

— О, ты и не представляешь, как я понимаю... — усмехнулся я, выдыхая дым, который уверенной струйкой пробирался за окно и исчезал, сливаясь со свежим, морозным воздухом. — Меня в школе тоже долгое время дразнили из-за того, что отец сидел в тюрьме, а мама работала постоянно. Но это не стало причиной для злости, потому что у меня было правильное воспитание, в отличие от...

— Хочешь сказать, что я неправильно воспитала нашего сына?! — возмутилась Лена.

— Своего, Лен... Ты неправильно воспитала своего сына.

— Ты отказываешься от нас, ради этой девицы, которая хочет, после твоей смерти, забрать квартиру себе? Марин, я не понимаю... — она бросила сигарету в пепельницу и сделала шаг ко мне. — Совсем не понимаю, как ты можешь не радоваться тому, что после тебя что-то останется. Ты же только этого и хотел раньше.

— Во-первых, вы для меня совершенно чужие люди. Во-вторых, тебя не должно волновать кому и когда достанется моя квартира. А в-третьих, после меня останутся мои книги. Пусть их так мало, но они есть и будут. Все, разговор окончен. Забирай своего сына и уходите, я устал.

Я закрыл окно и прошел в гостиную, где мальчишка вновь стоял у окна, а Юля сидела на диване, потирая виски пальцами. Конечно же, у них разговор тоже не заладился. Этого и следовало ожидать. «Бог ей судья, милый! Бог судья...» — говорила бабушка, когда мы с Леной впервые расстались. Она всегда поддерживала наши отношения, говоря о том, что женщина постарше должна быть намного умнее, чем ровесницы. Я слушал, старался сохранить хотя бы дружеские отношения, но... Лена не видела грани. Когда мы ругались, и она уходила, я был готов поклясться, что никогда больше наши пути не пересекутся. Но проходило несколько дней и она возвращалась, словно... бумеранг. Чем серьезнее были наши ссоры, тем больнее било отдачей. Почему больнее? Потому что возвращаясь, Лена

хотела меня разрушить. Добить мои мечты, прививая своё мнение. В какой-то момент я решил последовать совету бабушки, но когда она увидела, как я увядаю, смирившись с обычной «семейной» жизнью, она сказала Лене уйти. Тот момент я до сих пор помнил отчетливо.

Мама, как примерная дочь, стояла у бабушки за спиной, в то время как Лена, уперев руки в бока с вызовом смотрела на них. Конфликт возник, как тогда казалось Лене, из неоткуда. Она просто в очередной раз устроила скандал из-за того, что я отказывался жениться. Мне это было не нужно. Печать в паспорте ничего бы не поменяла. Мы жили вместе, она работала, я учился, помогал маме на работе, и все было хорошо до момента... определения семейного бюджета.

— Я тяну всю вашу семью, а взамен прошу лишь брак! Неужели это так сложно?! — хрипела Лена, сорвав в той нелепой дискуссии голос.

— Если он не хочет этого делать получается, что ему это не важно. Брак — это в первую очередь взаимопонимание и поддержка. — Спокойно отвечала бабушка, иногда оборачиваясь на маму, а иногда бросая на меня взгляд, поверх очков.

— Не важно? Тогда пусть женится! От печати в паспорте ничего не изменится! Мы также будем жить, также работать и спать!

— Да в том то и дело! — не выдержал я, проводя рукой по лицу. — От печати в паспорте ничего не изменится, Лен, поэтому мы можем жить и без нее.

— Нет не можем! Нет, не можем! — она вновь перешла на крик, топая ногами.

— Лена, успокойся... — тихий голос мамы звучал как отдаленное эхо, откуда-то, но как же он грел душу. — Марину всего девятнадцать. Ты же понимаешь, что ему лучше сейчас налегать на учебу, нежели податься в мужья. Отец Марина женился, когда ему было около тридцати. Подожди немножко, и я уверена, что...

— Нет! Надоело мне ждать! Ваша семейка использует меня! Я зарабатываю, несу в дом продукты, на прошлой неделе сменила занавески в спальне, а мне никто и спасибо не сказал!

— Так. — Бабушка прошла в спальню, взяла стул, поставила его к окну, неуклюже залезла на него и принялась снимать занавески. — Пока ты не научишься ценить чужой труд, будешь жить где-нибудь подальше от нашей семьи. Ирина и днем, и ночью трудится на ферме, у меня пенсия, Марин подрабатывает, и ты еще смеешь обвинять нас в том, что мы сидим на твоей шее? Занавески ты купила? Держи! Подотри себе зад этими занавесками!

— Мама...

— Помолчи, Ирина. — Махнула рукой бабушка, осторожно спускаясь со стула и бросила Лене занавески. — Никто и никогда не посмеет назвать меня иждивенкой! Гляди какая нашлась! Приехала на все готовенькое и указывает. Вон из нашего дома! Уходи, я устала!

Я понимал, что бабушка права, но растерянный вид Лены, сжимающей голубые полупрозрачные занавески, заставил меня смягчиться.

— Ба, успокойся, я уверен, что Лена сказала это на эмоциях. Мы все перенервничали. — Подойдя к бабушке, я приобнял ее за плечи. — Нам с Леной нужно научиться вдвоем решать свои проблемы. Я должен пересмотреть свое отношение к браку. Может быть все же стоит...

— Конечно же стоит! — согласилась Лена, довольно улыбаясь.

Следующие несколько дней мы жили душа в душу, но мне становилось всё хуже и хуже от мысли, что придется ради «семьи» отложить писательство. Лена обязательно потребует,

чтобы я вышел на работу, ведь мужчина обязан обеспечивать семью. Все мои черновики были выброшены в мусорку, и лежали у дверей, в ожидании, когда бабушка спалит их в печи.

В то утро Лена пораньше ушла на работу, а я еще лежал, надеясь досмотреть прерванный будильником сон. Как вдруг мне прилетело да еще и хорошо так, по уху тетрадь. Шелест страниц надолго врезался в память, потому что словно оглушил меня в тот момент. Я подхватился и увидел бабушку, держащую в одной руке пакет с черновиками, а в другой тетрадку, которой и ударила меня. На ее лице я читал лишь боль. Ей было больно от мысли, что я сдался, так и не дойдя до той точки, где уже не стыдно бросить. Я даже не начинал толком, но уже сдался. И из-за чего? Из-за того, что боялся потерять Лену. Почему боялся? Не знаю. Может быть просто мне было важно, чтобы кто-то меня поддерживал, но я совсем не подумал о том, что она уже давно заставляла бросить, заняться тем, что у меня получится куда лучше.

— Ты чего?! — не понимая проговорил я, потирая горящее ухо.

— Я чего?! Ты ради этой стервятины готов дело всей жизни бросить?! Это так тебя воспитывали? Так?! — ругалась она, так и норовя ударить меня еще раз тетрадь.

Мама вернулась с работы как раз, когда бабушка кричала и била меня тетрадь. Ворвавшись в спальню, она застала на пороге не зная защищать меня или останавливать бабушку. Не знаю, как это выглядело со стороны. Наверное, очень нелепо.

— Мама! — воскликнула мама, больше не в силах смотреть на то, как «избивают» ее сына. — Что происходит?

— Твой сын решил бросить писать!

— Что?! Марин, это правда? Милый, у тебя же все хорошо получается...

Она прошла к постели и присела рядом со мной, обнимая и поглаживая по волосам.

— Я решил, что Лена права...

— Кто тебе такое сказал?! Права! Бабе почти тридцать, вот она и торопится запрыгнуть в последний вагон, а у тебя вся жизнь впереди. — Сказала бабушка, кажется успокоившись и присела рядом, погладив меня по плечу. — Запомни одно! На всю жизнь запомни: не слушай никого, только свое сердце!

Лена что-то невнятно произнесла, и ее сын сразу же направился в коридор, где начал поспешно одеваться. Он выглядел недовольным, как и мать. Возможно, они надеялись на что-то... да и Лена в нашем разговоре часто упоминала квартиру. Неужели у нее хватило совести, чтобы прийти в квартиру к бывшему возлюбленному и так нагло говорить о... До меня внезапно дошло. Лена пришла, чтобы посмотреть квартиру, а не для того, чтобы проведать меня. И мальчишка тоже с неподдельным интересом рассматривал все вокруг и вид из окна. Нет, я не думаю... или так оно и было?

Как только дверь за ними закрылась, я сразу же вернулся в гостиную и устало опустился на диван. Мне нужно было несколько минут побыть наедине со своими мыслями, но Юля требовала внимания. Она все не могла нарадоваться щенком, который как только незваные гости покинули квартиру, вышел из нашей спальни и устроил настоящий концерт. Улегшись у ног Юли, он с визгом извивался, словно девчонка его пинала, но стоило ей спустить руку, как он тут же подставлял ей свой круглый живот. Наблюдать за ними было настолько уютно, что я решил... как только наступит лето, расцветет сирень, и мы поженимся. Я обязательно доживу до лета. Нельзя поддаваться болезни, нужно быть сильным и показать кто кем правит. Пока я в здравом уме, буду стараться держаться. Юле нужен настоящий защитник... она ведь такая хрупкая и слабая, но скрывает это. Я видел насколько тяжело ей даются наши

ссоры, как сложно ей каждый раз подходить первой и улыбаться, глядя мне в лицо. Она молодец... но что будет с ней?

— Не хочешь прогуляться?

— Нет. Я очень устала сегодня... перенервничала. А ты хочешь? — Юля взглянула на меня и улыбнулась, кажется собираясь уже подняться и идти со мной, но я покачал головой.

— Завтра сходим. Я вот думаю, может быть завтра Ваньку позвать в гости? Можно и Кира с Филом.

Юля подозрительно взглянула на меня, словно я что-то задумал, и она не понимала что именно. А что задумал я и задумал ли вообще? Да. Я решил не отдаляться ни от кого. Пусть будет больно, после моего ухода, но зато обо мне будут помнить. Я ведь всегда хотел именно этого... чтобы обо мне помнили.

— Я хочу навестить тех детей... в больнице... Думаю, что...

— Ты очень изменился... — тихо проговорила она, после чего продвинулась ближе и обняла. — Купим игрушек и поедем? Можно еще наших позвать, чтобы тоже сложились и что-нибудь купили! Точно! Благотворительность — это же офигенно!

— Постой, я не собираюсь заниматься благотворительностью, просто хочу... не знаю... Мне сегодня стало не по себе, когда я шел по коридору, а санитарка клеила бантик на отпечаток ладонки. Мне кажется, что не нужно быть слишком умным, чтобы догадаться для чего это все...

— Каждая ладошка еще и подписана... жаль, но такова жизнь. Кому-то дано прожить до ста лет, а кто-то уже в пять устал бороться. Давай не будем о грустном. — Она взяла мою ладонь в свои руки и еще ближе придвинулась, тяжело выдыхая.

Не знаю что она имела в виду, говоря о том, что я изменился. Возможно... раньше я не хотел видеть никого рядом с собой, а теперь все изменилось. Если раньше я мог провести несколько дней не выходя из дома, то теперь меня тянуло куда-нибудь, лишь бы еще раз глотнуть свежего воздуха. Я пытался надышаться перед смертью. Как бы забавно это не звучало, но это так и было. Но каждый раз мне было мало. Хотелось дышать полной грудью, выехать загород и дышать, дышать, дышать... пока есть силы. Пока есть жизнь...

— А то что ты сказал Лене, это правда? — вдруг спросила Юля, нарушая тишину.

— Что именно?

— Ну... — она тяжело выдохнула, не решаясь продолжить разговор. — Кстати, я совсем забыла... Ваня сказал давать тебе таблетки, а я чуть не забыла.

Девушка поднялась и быстрым шагом ушла в спальню, наверняка за таблетками, а я остался думать над ее словами. Кажется, Юля спрашивала о свадьбе... Именно о свадьбе я говорил Лене. Если я промолчу сейчас, сделаю вид, что не понял о чем она спрашивала, то возможно все может пойти не так, как я хотел бы. Поднявшись с дивана, я поспешил к Юле. Нужно просто перешагнуть черту, и тогда все будет по-другому. Нужно было перебороть себя и поговорить о том, о чем я никогда раньше даже не позволял себе думать.

Мы столкнулись в дверях.

— Ох ты ж!.. — вырвалось у Юли, после чего она протянула мне ладонь, на которой лежали три разные таблетки.

— Я могу выбрать ту, которая нравится больше? — усмехнулся я, на что девочка лишь улыбнулась. — На самом деле я шел, чтобы серьезно поговорить.

— О чем? Подожди. — Она скользнула из комнаты на кухню, набрала стакан воды и вернулась ко мне. — Пей, а потом поговорим.

Я выпил таблетки, вновь вернулся на своё место на диване, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Не надолго, просто, чтобы понять на сколько времени хватит мои сил, и хватит ли вообще. В последнее время я стал менее выносливым. Сил едва хватало на то, чтобы делать простые вещи, но это скорее всего из-за болезни. Раньше не помню, чтобы я спал по ночам. После смерти бабушки, я несколько дней мой не спать, сидя перед экраном компьютера и набирать текст, который потом за мгновение удалялся и вновь уходило несколько дней, чтобы написать что-то новое.

— Юль, я хочу сказать, что... — я взглянул на девчонку и улыбнулся, видя то, с каким интересом она смотрела на меня. — Хочу заключить с тобой... что-то похожее на договор.

— Договор? — ее брови сошлись на переносице, она явно не понимала о чем я говорил.

— Если я доживу до лета — мы поженимся, ну а если нет, то...

— Ты ненормальный...

Возможно, Юля была права. Возможно, это было бы и как-то неправильно, ведь получается, что я поставил какие-то рамки, дал ей надежду, а с другой... с другой стороны я сам хотел дожить до лета. Просто чтобы увидеть, как весной все расцветает, распускается... оживает. Может быть я тоже смог бы ожить, хотя бы внутренне.

— Хорошо, я согласна ждать до лета! — оживилась Юля, взяв меня за руку и довольно улыбнулась. — Летом... В первый же месяц! Понял? Так, сейчас янв... Почти пять месяцев, что ж, для нас обоих это вызов. Верно?

Я кивнул, понимая, что ко всему нужно готовиться заранее, но... что если мы будем готовы, а все оборвется в один момент. Резко так... Вновь страх сковал все внутри, и я попытался отбросить плохие мысли. С ними далеко не уйти. Нужно верить и все получится. Главное верить и вовремя принимать препараты, чтобы держать ситуацию под контролем.

Надо же... еще несколько месяцев назад я думал о том, что вот-вот умру, а теперь строил планы на будущее, зная, что в любой момент могу умереть. Юля это знала, но не подавала вида, словно я был абсолютно здоров. Она давала мне уверенность в том, что все вокруг ошибаются, и я действительно здоров... У меня все хорошо. У меня есть планы. Я такой же, как и все... Все могут умереть внезапно, также и я.

°12. Мой май

Смерть передумала забирать меня. Не знаю почему, но я несказанно был этому рад... ведь каждый день просыпаясь обнимая любимого человека. Юлю. Я понимал насколько хорошо жить. По-настоящему жить и дышать полной грудью. Юля делала все ради того, чтобы нам было комфортно вдвоем. И нам было комфортно. Мы каждые выходные собирались с друзьями в кафе, а по пятницам навещали детей в онкологическом центре. За это время ни на одной ладошке на стене не появилось бантика. Многие дети шли на поправку, получали помощь и ждали выздоровления, а я... просто был рад, что могу пообщаться с ними. Дети — самые невинные, добрые и очень умные человечки. Ни один взрослый не смог бы выдержать того, что проживали дети в том центре. Я был рад поговорить с каждым. Даже ужасный коридор с отпечатками детских ладошек уже не был таким кошмарным, каким казался первое время. А спустя несколько месяцев, посещая центр, мы с Юлей оставили свои отпечатки. Не знаю для чего, но заведующая отделением предложила, а я... я решил, что это будет здорово. Прийти сюда спустя... годы... и увидеть свой отпечаток.

Весна радовала своим теплом. Я даже не представлял, что смогу жить полной жизнью, просто жить и не думать ни о чем. Юля устроилась в одной достаточно известное издательство и третий месяц работала там редактором, одна моя книга — очередной сборник сказок вышел в том же издательстве. Что для автора счастье? Это когда его редактор объявляет ему о том, что требуется дополнительный тираж. Я не мог поверить. Моя книга теперь была в каждом доме... абсолютно у каждого человека. Мы жили вместе, даже сделали небольшой ремонт в гостиной после того, как Боня радостно встречал Ваньку, прыгая тогда еще вокруг елки. Зато после происшествия мы наконец-то решили выбросить ее... в начале марта.

— Девочка! Это девочка!!! — довольно верещала Римма, прыгая у нашего столика, где мы и ждали их со Стасом. — Никогда не думала, что УЗИ — это настолько волнительно! Я даже вспотела. Вань, это же нормально? Я начала потеть, как лошадь!

— В твоём положении, да. — Не сдерживая смеха, произнес Ваня.

— Принимаем поздравления. — Сдержанно улыбаясь, произнес Стас и развел руками, на что Ваня поднялся и пожал ему руку, затем слегка приобнял Римму.

Близнецы — Филипп с Кириллом сделали то же самое, да и я не отставал от них, обнял Римму, пожал руку Стасу. Он мне нравился. Зная многих психотерапевтов, я с легкостью мог сказать, что он был не таким. Стас был человечным, знал как нужно расположить к себе, и мне нравилось то, как он присматривал за Риммой. Он безумно любил свою жену, но стоило Юле появиться в его поле зрения, как он тут же угасал. Возможно, ему было некомфортно рядом с ней. Может быть это всего лишь легкая неприязнь, а может просто ему не нравилось, что она в нашей, как говорил Кирилл, «престарелой банде», слишком молодая. Но ей было с нами интересно, а это главное.

Спустя какое-то время наконец-то пришла Юля. Она бросила сумку рядом со мной, сняла очки, поправила волосы и устало опустилась на диванчик. Ей нравилось работать в большом издательстве, но я просто не мог смотреть на то, как она изводила себя работой в офисе, чтобы дома посвящать всё свободное время мне.

— Всем привет! — сказала она, потерла глаза и вновь надела очки, затем перевела

взгляд на Римму и Стаса. — Ну? Вы уже узнали кто у вас?

— Да-а... Мы уже даже озвучили! — хитро улыбаясь, сказала Римма.

— И-и? Римма, не томи, я бежала сюда со всех ног.

— У нас будет... девочка! — последнее Римма вновь выкрикнула так громко, что парочка за соседним столиком как-то странно покосилась на нас.

Юля не отставала от Риммы в выражении эмоций. Подскочив с места, девушка крепко обняла сначала подругу, а затем и Стаса. Я видел, как быстро менялось его лицо. Сдержанность, сначала сменила растерянность. Его взгляд метнулся ко мне, и он, положив широкую ладонь на предплечье Юли, как бы отвечая взаимностью, кивнул. Затем растерянность, сменилась на легкость, умиротворение и... не знаю с чем это можно было сравнить. Но теперь я понимал, что вся его неприязнь, вернее эмоция, которую я спутал с неприязнью, была ненастоящей. Ему нравилась Юля, вот только он не знал как с ней себя вести.

— Я так рада за вас! Мы обязаны это отметить! — сказала Юля, возвращаясь ко мне и, уже привычным, легким движением поправила очки. — Кстати, кто-нибудь думал о майских праздниках? Рванем загород?

— Да-а, я тоже думала об этом, предлагала Стасику... свежий воздух, природа... — закивала Римма, на что Стас лишь потер затылок и переглянулся с Ваней.

— Мы за шашлыки! — хохотнул Кирилл. — На природе без мяса — никак нельзя.

— Я редко бываю с ним согласен, но тут он и правда прав! — Кивнул Филипп, хлопнув брата по плечу.

— Да я тоже не против... у меня как раз отпуск начался, так что можно. — Поддержал Ваня.

— Отлично! Значит послезавтра собираемся и едем, да? — Юля кивнула, улыбаясь и перевела взгляд на меня, задавая немой вопрос.

— А что? Я, как и все! — усмехнулся я, откидываясь на спинку диванчика.

Время принятия таблеток пришлось на тот момент, когда мы обсуждали детали нашей поездки на природу. Извинившись, я отправился в уборную, чтобы выбить заветные пять таблеток, которые не давали мне почувствовать боль, впасть в депрессию, умереть от нестабильного давления и что-то еще. Возможно, только из-за того, что Юля привила мне привычку пить таблетки вовремя, да и вообще пить их, я все еще жив.

Пройдя через весь зал в небольшую каморку, где пахло хлоркой и женскими духами, вперемешку с чем-то очень гадким, я прошёл к зеркалу и тяжело выдохнул. Болезнь не щадила никого, но я все еще выглядел... нормально. Засучив рукава легкого свитера, подаренного Юлей на праздник всех влюбленных, я взглянул на новые синяки. Они появлялись совершенно из неоткуда и в разных местах, словно напоминая о том, что скоро... уже скоро... Они появлялись и раньше, но тогда я не обращал на них внимания, а теперь наблюдал за каждым. Я будто бы замороженный стоял и смотрел на синяк, как вдруг дверь позади хлопнула, я вздрогнул и обернулся.

Юля. Она стояла на месте и смотрела на меня, словно что-то хотела сказать, но не решалась. Потом все же сделала шаг ко мне, поправила очки и растерянно улыбнулась.

— Тебе хуже? — тихо спросила она, и я не сразу понял, что означала ее улыбка.

Эта улыбка — неправильная защитная реакция. У многих людей так... Я видел людей на кладбище, которые смеялись до колик, другие плакали, убиваясь, а кто-то просто молчал, впадая в транс. Юля — девушка, которая в сложные моменты может испытать все эти три

эмоции разом. Покачав головой, я опустил рукав, достал из кармана коробочку с таблетками и высыпал их на ладонь. Они разные, но как они помогали. Работали в тандеме. Закинув их в себя, я включил воду и, набрав в ладонь поднес к губам, запивая таблетки. Останется не забыть этого сделать перед сном и все, можно надеяться на то, что я проживу еще немного. Хотя бы до конца лета... или до осени... до Нового года, а там...

— Марин?! Все хорошо? — Юля дотронулась до моего плеча, и я сразу же обнял ее, прижимая к себе покрепче.

— Все отлично. Все... знаешь? А знаешь, о чем я подумал? Нам стоит подать заявление.

— Какое заявление? — она нахмурила брови и удивленно взглянула на меня.

— Лето скоро... да и судя по самочувствию, я думаю, что я доживу до него...

Кажется, что Юля не понимала о чем я. Она продолжала смотреть на меня с удивлением и ждать очередную подсказку, после которой все станет понятнее. Неужели я говорил загадками? А может быть она уже и не хочет за меня замуж? Я с каждым днем становлюсь только болезненнее, если так можно было выразиться. Обилие чертовых раковых клеток становилось больше, а может быть стояло на месте. Но в какой-то момент все закончится... Может быть Юля передумала быть со мной до конца? Может передумала и теперь боялась сказать об этом? Нужно было поговорить с ней дома. Общественный туалет — не место для выяснения отношений.

— Марин? — тихо позвала она меня, дотронувшись до руки. — Ты... серьезно? Ты хочешь на мне жениться?

— Если только ты этого захочешь. — Выдохнул я, не зная как себя вести.

Ее привычная улыбка дрогнула, блеск в глазах напугал, но Юля быстро взяла себя в руки. Шумно втянув воздух, она провела рукой по губам, что предательски дрожали и не давали ей говорить.

— Юль... ну что ты? Если не хочешь, я же не принуждаю... просто у нас был договор, я хотел не показаться... пустословом... Прости, если обидел, я...

— Дурак ты! — вырвалось у нее, а затем последовали крепкие объятия и слезы.

Только мне казалось, что она плакала не от радости, а от того, что возможно скоро все закончится. Мы не сможем больше поговорить, обняться, даже просто поговорить... Я умру, а она останется с клеймом. Все, кто плохо знает нашу историю будут говорить ей о том, что она — вдова. Такая молода и уже осталась одна. Больно. Мне самому больно от этой мысли, но такова судьба... такова моя судьба.

Прижав Юлю крепче, я уткнулся носом в ее светлые волосы и вдохнул аромат сирени... от нее пахло сиренью. С момента нашего знакомства и до последнего момента, который запомню навечно, я буду помнить запах сирени. Лето, сирень... красивое белого платье и слезы счастья... слезы от осознания и принятия скорого конца.

— Ну все, все... перестань плакать, все же хорошо. — Улыбнулся я, целуя ее в висок. — Хочешь, мы прямо сейчас, отсюда поедем. Они там еще работают. Примут, и мы уже будем знать точную дату. Выберем тебе белое платье... туфли... бантики...

Юля рассмеялась, шмыгнула носом и подняв очки на лоб, вытерла слезы, ладонью. Осторожно, чтобы не размазать аккуратный легкий макияж. Все же она любила меня... до безумия, до дрожи внутри, до мурашек... так же как и я ее. Только прожив с ней все эти месяцы, я понял насколько был глуп раньше. Теперь пришло осознание, что любовь — это не слабость... далеко нет. Любовь — лучшее чувство. Это то чем награждается каждый человек. Каждый должен испытать именно это чувство. Теперь я начал понимать, что с

Леной все было по-другому. Не так как с Юлей. Совсем не так. Но почему? Почему так? Ведь когда-то я думал, что люблю Лену, а теперь понимаю... там не было любви. Просто... желание узнать что такое «взрослая жизнь». А Юля... она совсем другая. На Лене жениться я не собирался, был не готов, а на Юлей... наверное хотел. Почему наверное? Потому что мне страшно за нее. Что будет, когда меня не станет? Кто защитит? Кто заступится?

— Нас, наверное, уже потеряли... — проговорила Юля, вытирая последние слезы и прошла к двери, которая уже открывалась, и я заметил обеспокоенного Ваню.

— Вы чего так долго? Я думал, что случилось что-то. — Проговорил Петриков, кивая мне.

— У нас были небольшие семейные обсуждения.

— Ах ты ж, смотри какой важный.

— Делать предложение в общественном туалете, ммм, романтика. — Усмехнулся я, выходя обратно в зал, где нас ждали друзья.

Мы сидели, смеялись, а потом потихоньку начали расходиться. Сначала уехали Стас с Риммой, сказав, что позвонят завтра, чтобы уточнить, что именно им нужно брать с собой. После них мы еще какое-то время решали куда отправиться, на сколько, а самое главное с утра или к вечеру? Кирилл с Филиппом предложили собраться у них на даче, вместо того, чтобы сидеть где-то на полянке в палатке. Ваня поддержал мысль, потому как всегда выбирал удобство и комфорт. Юля только кивала, держа меня за руку. Следом уехали близнецы, а потом и Ваня, сказал, что нужно заехать на работу, чтобы передать какие-то бумаги другому терапевту.

Юля допила кофе, доела пирожное, и мы отправились в ЗАГС. Как всегда, на дороге пробка. Не любил проводить большую часть дня в дороге, но как оказалось, что в этот день все было благосклонно ко мне. Вывернув руль, я внимательно взглянул на здание, которое было уже так близко, и задумался в последний раз: «А стоит ли?». Может лучше было бы, если бы мы с Юлей оставались на расстоянии. Если мы станем одной семьей, то боль после моего ухода будет в несколько раз сильнее. Но лучше ведь так, чем потом она будет винить меня в том, что исполняла все мои мечты, а я даже не удосужился исполнить ее одну мечту.

Женщина, сидевшая в просторном кабинете смерила нас уставшим взглядом, протянула руку, молча требуя паспорта, внимательно изучила их, после чего протянула нам экземпляр заявления. Волнение, которое я испытал, заполняя его, не передать простыми словами... его нужно прочувствовать. По-другому просто нельзя понять насколько рад и одновременно напуган был я. Что пугало? Все. Как только мы станем семьей, на меня ляжет ответственность, но ради Юли я готов на все. Пусть это будет не надолго, пусть потом будет больно, но это будет. Воспоминания. Фотографии. Короткие видео, снятые на старую пленку, которые время от времени будут пересматриваться. Это все будет, но уже без меня... Но главное, что будет. Может быть я еще успею насладиться жизнью... семейной. Думаю, что я успею.

— Ближайшая дата... — наконец-то заговорила женщина, высматривая пустые даты в календаре. — Так, ну это точно июнь... пятнадцатое число, подойдет?

— А скорее никак? — спросил я, на что женщина смерила меня таким взглядом, словно я сказал что-то обидное или оскорбительное в ее адрес.

— Пятнадцатое нам подходит! Очень подходит! — довольно проговорила Юля, взяв меня за руку.

Не знаю, что в тот момент подумала о нас женщина, но вряд ли она бы позволила своей

дочери выйти замуж за такого, как я. А какой я? Почему я вечно думаю о себе, как о... ком-то, совершенно бесполезном? Ведь я изменился. И только потому что мне удалось это сделать, мы с Юлей сидели и обговаривали дату свадьбы. Изменилось все. Абсолютно все. Больше нет того депрессивного Марина, который был никому не нужен... над которым все вечно смеялись и подшучивали, издевались. Теперь у меня есть друзья, и очень забавно то, что люди, которые издевались надо мной много лет назад, теперь были моими близкими друзьями.

Ваня Петриков — когда-то заводила и главный беспределщик нашей школы, теперь был внимательным и преданным другом. За несколько месяцев, которые мы прожили в мире и гармонии, я понял, что зря все эти годы обижался и злился. Неприятные воспоминания порождают ненависть, которая заставляет ненавидеть не только одного глупого, в силу возраста, мальчишку, но и всех вокруг. Но теперь я научился отпускать обиды. Научился жить в момент, когда она уже подходит к концу. Это забавно. Но я рад, что у меня получилось изменить все и даже себя.

Мы вернулись домой достаточно поздно, задержались в магазине, готовясь к выходным. Купили самое необходимое и вернулись туда, где наш ждал наш Боня. За несколько месяцев он вырос и теперь нас встречал не маленький, толстый щенок, а уже подросший пес. Он безумно радовался, когда мы приходили. Встречал нас после «долгой» разлуки, прыгал, вилял хвостом, лаял и норовил облизать все, до чего только мог добраться.

Потрепав пса по голове, я взглянул на Юлю. Она устало сбросила кроссовки, сняла очки, кладя их на тумбочку, рядом с ключами от машины и моим комплектом ключей от квартиры и прошла в ванную.

— Я пойду прогуляюсь с Боником! — сказал я, на что девчонка тут же выглянула из ванной, вытирая руки вафельным полотенцем.

— Хочешь я с тобой?

— Нет, ты отдыхай. Можешь приготовить что-нибудь, если тебя не затруднит.

— Бутерброды или сэндвичи? — она театрально откинула волосы с лица и рассмеялась.

— Поменьше хлеба, побольше колбасы.

— Ты не ешь колбасу.

— Ты ее слишком толсто режешь.

— Я буду стараться нарезать потоньше.

— Отлично! Тогда буду.

— Только обещай, что ты опять не скормишь ее Бонику!

— Н-не могу обещать, ведь кто-то в этой квартире должен наесться от пуза.

— Тогда это буду я! — Юля довольно улыбнулась и, взяв пакет, понесла его на кухню, а мы с Боней отправились на прогулку.

Поначалу я и правда хотел прогуляться с нашим любопытным псом, но потом решил сделать сюрприз Юле и быстрым шагом направился к ближайшему ювелирному салону. Не зная ни размера, который нужно было покупать, ни толком вкусов своей будущей жены, я все же решился сделать ей памятный подарок. От мысли, что когда меня не станет этот «подарок» может приносить только боль утраты, я останавливался и оглядывался назад. Шаг за шагом. Мысль за мыслью, и я уже стоял у дверей в ювелирный салон «Виолетта». Никогда не заглядывал в такие места, не было повода, да и ходить по магазинам — не мое, но этот день был особенным. Привязав пса к парапету, я вновь потрепал его по голове, сказав, что совсем скоро вернусь, и направился в салон.

Цветочно-цитрусовый аромат ударил мне в нос, как только я переступил порог заведения. Тихо играла классическая музыка. Кольца, цепочки, серьги — все переливалось под светом ламп. Девушки-консультантки, увидев меня, бросили что-то увлеченно обсуждать и поспешили подойти.

— Здравствуйте, что-то подсказать? — спросила одна из них, натягивая дежурную улыбку.

— Да... здравствуйте. Обручальные кольца... Нужны обручальные кольца, но размера я не знаю.

— Хм... тяжело будет. А примерно?

— Даже примерно... мне раньше не доводилось покупать кольца.

— Мы постараемся вам помочь. Идемте.

Девушка прошла к витрине и достала несколько вариантов колец. Тонкие, с узорами, с камушками, широкие... от такого обилия разнообразий голова шла кругом. Я не знал какое понравится Юле, но выбрал то, которое понравилось мне. Тонкое, золотое, без узоров, но с камушками, тянущимися через все кольцо. Вздохнув глубже, когда девушка-консультант подбирала пакетик под мою покупку, я достал бумажник из кармана и отсчитал нужную сумму. Волнение током пробегало через все тело, и я боялся, что из-за этого я вновь могу попасть в больницу. Неконтролируемое волнение — нагрузка на организм... в моем случае, нежелательно нервничать.

— Спасибо за покупку! Всего доброго! — улыбаясь сказала девушка-консультант, протягивая мне пакетик с заветной коробочкой.

— Всего доброго.

Взяв подарочный пакетик, я вышел из салона и взглянул в сторону парапета, где не было Бони. Он сбежал? Как? Я же крепко привязал. Может кто-то его украл? Поманил вкусняшкой и увел? Достав коробочку, я бросил пакетик в мусорку и взглянул по сторонам. Это никак не входило в мои планы. Куда он мог сбежать?

Быстрым шагом я шел по улице в сторону площадки, где мы обычно с ним гуляли. На улице уже начинало вечереть. Возможно из-за хмурого серого неба казалось, что уже темнеет, но только восемь вечера. Обман. Кругом обман. Присев на лавку, я провел руками по волосам, стараясь не паниковать, ведь это всего лишь Боня. Всего лишь наш с Юлей питомец... Нет, не «всего лишь». Он стал частью семьи, и я не могу спокойно идти домой и ждать, когда кто-нибудь позвонит или приведет к дверям нашей квартиры этого веселого и доброго пса. Поднявшись, я быстрым шагом пошел обратно. От ювелирки до булочной всего несколько кварталов, возможно, он сумел уловить запах свежей выпечки и рванул туда. А если нет? Что если его и правда кто-то увел? Он же доверчивый. Настолько, что мог подумать, что я его оставил и не вернусь, а я... какой идиот.

Уже прилично стемнело. Но Боня все ещё не нашелся. Его не было ни у булочной, ни у салона, ни на площадке, ни у дома. Нигде... Сказать что я расстроился? Да. Но не терял надежды. Почти бежал домой, чтобы сказать Юле, что все хорошо и завтра же мы развесим объявление о том, что Бонька наш пропал, и он найдется. Но стоило мне подойти к дому, в котором находилась наша квартира, я увидел машину Стаса. Что он мог делать у нас дома? Юля его позвала? Или что-то случилось?

Уже через пару минут я стоял в коридоре, прислушиваясь к звукам, как вдруг из гостиной на меня выскочил Боня, а следом вышел и Ванька. Он сразу же выдохнул с облегчением, после чего постучал себя по лбу, будто бы спрашивая чем я вообще думал все

это время. А ведь я и не подумал о том, что Юля может подумать что-то... плохое.

— Юля!? — сбросив ботинки, я прошел в гостиную, где она сидела в объятиях Риммы.

Заплаканная, маленькая, совсем непохожая на ту девчонку, которую я видел, когда уходил. Внутри все неприятно сдавило. Я подошел к Юле, присев на корточки рядом с ней и взял за руку. Она сразу же обняла меня, не произнеся ни слова... ни звука. Ваня позвонил близнецам, говоря о том, чтобы они приезжали обратно.

— Где ты был?! Ты вообще в своем уме, так нас пугать? — наконец-то хоть к кому-то вернулся дар речи, и Ваня тут же воспользовался этим, начиная отчитывать меня.

— Да я и не собирался вас пугать. Юль... — Я провел рукой по ее щеке, стирая слезы и обнял еще крепче. — Просто у меня появились дела, я не думал, что...

— Тебя не было три часа дома! Я звонила, но у тебя же нет привычки брать телефон с собой... я вышла, а Боня... сидит у подъезда... один! Ты понимаешь, что я испытала?! — наконец-то «ожила» Юля.

— Я понимаю, но... зато ты уже морально готова к... — усмехнулся я.

— Марин!

— Прости. Боня сбежал, а я его искал... не хотел возвращаться без него. Я же знал, как ты расстроишься. Да и за временем не уследил. Прости...

— Если бы мой Стасик так сделал, я бы...

— Марин — не твой Стасик, Римма! — перебила Юля, вытирая слезы и взглянула на Стаса. — Извини, но это и правда так. Ох, нанервничались, успокоились... Будете чай? Поставить?

— Нам уже пора. Римма, поехали. — Стас протянул руку к жене, но она покачала головой, видимо собираясь остаться на чай.

Юля ушла на кухню ставить чайник. Ваня еще раз напомнил мне о том, что я заставил их всех понервничать, а потом пришли и Кир и Фил. Ни тот, ни другой не шутили, просто сменили меня хмурым взглядом и присели на диван. Я чувствовал себя до безумия виноватым, но откуда мне было знать, что Юля надумает себе? Не мог же я предвидеть это все? А ведь всего-то хотел сделать ей приятное, показать, что я серьезен. Поднявшись на ноги, я прошел на кухню, где Юля готовила чай. Она стояла, опустив голову и всхлипывала. Никогда раньше не видел ее такой. В последнее время она стала слишком эмоциональной. Возможно, все дело в том, что мы оба чувствуем приближение... конца. Подойдя к ней, мне не оставалось ничего, кроме того, как обнять ее. Снова, чтобы на этот раз никто не видел. Не знаю почему, но просто хотелось побыть наедине. Понимаю, что пережила Юля за этот день, вернее за последние пару часов, поэтому хотел, вновь увидеть на ее лице улыбку.

Глубоко вздохнув, я сунул руку в карман, доставая оттуда бархатную коробочку с кольцами и протянул ее Юле. Она подняла на меня взгляд, и я увидел ее красные, заплаканные глаза. На мгновение мне показалось, что она не хочет, передумала, но стоило ей открыть коробочку, как все вновь встало на свои места.

— Если вдруг ты передумала, мы только скажи... Я же не могу читать твои мысли.

— Марин, я просто... очень испугалась за тебя. Я была не готова к такому... — тихо проговорила она, надевая кольцо, и мне повезло — оно было как раз. — Какое красивое...

— К этому никогда не будешь готова. Я не был готов трижды, хотя в последнем случае знал, что это случится. Конец неизбежен.

— Ну где вы там? — послышался голос Кирилла.

— Идем! — крикнула Юля в ответ и вновь взглянула на кольцо, после чего сняла его и

положила в коробочку. — Я буду носить его всегда... не снимая, после свадьбы. И плевать, что... будет дальше.

Я поцеловал ее в лоб и, взяв пару чашек отправился в гостиную, где сидели наши друзья. Стас что-то рассказывал, а Римма всем своим видом показывала, что ей скучно. Близнецы заворуженно следили за жестами рассказчика, а Ваня отдыхал, развалившись в кресле и чуть ли не дремал. Нервная работа сказывалась на нем, но он не унывал. Он очень изменился. Совсем не такой, каким был в детстве. И это радует, ведь если бы мы оба не изменились, то вряд ли бы сейчас сидели тут в кругу друзей.

— Может быть устроим вечер просмотра фильмов? — предложила Юля, усаживаясь на диван, рядом со Стасом и Риммой.

— Нет, Юлечка, нам домой уже пора. Да и я не буду чувствовать себя комфортно в гостях. — Сказала Римма, делая глоток чая и покосилась на мужа, а он был с ней согласен.

— Да я тоже не планировал с ночевкой куда-то ехать, да и завтра утром нужно будет в больницу заехать.

— Вань, ну какая больница? У тебя отпуск начался, а ты все туда бегаешь... Вот никакой жалости к себе. — Возмутилась Юля, хмурясь.

— Вот, видишь, Вань. Теперь на только я под вечным присмотром. — Усмехнулся я, на что все рассмеялись, и даже мне стало весело.

— А мы... ну я бы остался, но Фил без меня не сможет заснуть, да? — Кирилл положил руку на плечо брата и рассмеялся.

Следующий день я провел в одиночестве. Юля была занята работой, и ей пришлось поехать в офис, чтобы решить все вопросы до того, как она уйдет на выходные. Но мне было чем заняться. Я дописывал последние главы своей книги, которую начал, как только в моей жизни появилась Юля. И признаюсь, у меня получилось закончить эту книгу. Не раздумывая, я отправил ее знакомому редактору, который обещал поскорее закончить с правками и начать полноценную работу над книгой. Почему я не хотел показывать эту книгу Юле именно сейчас? Потому что будет больно... но эта книга — мое признание, раскаяние и вся правда о том, что произошло со мной с момента знакомства с ней. Возможно я трус, но это мое желание и жизнь, и распоряжаться ей, я вправе так, как хочется мне.

Выходные начались с того, что мы проспали, и нас разбудил не пес, как обычно, а звонок в дверь. Ваня решил за нами заехать, чтобы все выехали все в одно время, но мы задержались. Пока Юля собралась, пока мы «уговорили» Боню надеть поводок, прошло около часа, и ближе к десяти удалось покинуть дом.

Надоедливый дождик моросил всю дорогу, Юля завала, а Боня то и дело утыкался мне в плечо, заставляя обратить на него внимание. Поездка на выходные, на природу с друзьями — никогда прежде я и думать об этом не мог. А теперь ехал и думал о том, что эти выходные будут самыми лучшими за всю мою жизнь.

— Ну и погода... Наверное, Фил с Кириллом расстроились. Какие шашлыки под дождем? — зевая, сказала Юля, и я зевнул в ответ, прикрывая рот рукой и вновь взглянул на дорогу. — Интересно, а пятнадцатого июня какая будет погода? Как думаешь? Я все не знаю какое платье выбирать... с рукавами или без? Хотя, вообще я слышала, что можно такое, повседневное купить, чтобы не на один раз. Как думаешь?

— Думаю, что будет тепло и... я не знаю.

— Ну вот, придется самой все решать.

Два часа в пути, и мы наконец-то остановились у загородного домика. Территория была

обнесена высоким темно-зеленым забором. Машины Стаса и Вани стояли рядом, аккуратно припаркованными сбоку. Я оставил нашу машину рядом с их и покрепче ухватив поводок, чтобы радостный Боня не сбежал никуда. Юля несла пакет, и стоило ей зайти на территорию, как Римма тут же потащила ее за собой, ну а я остался в чисто мужской компании. Близнецы все же решили пожарить шашлыки, но так как пошел дождь, они переместились со двора, на уютную террасу у дома.

— Ну вот, хоть побудете на природе, а то наверное забыли, как дышать полной грудью! — усмехнулся Кирилл, размахивая картонкой над мангалом.

— Чего ты машешь? Сейчас потухнет все! — спорил с братом Филипп.

— Оно потухнет, если я не буду махать!

— Да ты не даешь дровам разгореться.

— Естественно не даю, потому что отвлекаюсь на тебя! Иди к девчонкам, помоги им лучше овощи нарезать.

Наблюдать за тем, как близнецы спорят — было удовольствием. Ваня тоже наблюдал за этим, смеясь, а Стас сегодня выглядел немного озадаченно. И это заметил не только я, но и Ваня.

— Стас, ты чего такой хмурый? — спросил Петриков, положив руку ему на плечо.

— Да с Риммой с утра поругаться успели. Она хочет дочь назвать в честь своей матери.

— У-у-у... — протянул я, на что близнецы расхохотались.

— Умеешь поддержать, Марин. — Сказал Филипп, хлопнув брата по плечу. — Хорош, а! Хватит махать!

— Хватит говорить мне под руку! — злился Кирилл.

— А как тещу твою зовут? — Ваня продолжал быть самым серьезным в нашей компании.

— Тамара... Михайловна.

— Ну... нормальное же имя. Тамара. Тома. Красивое. — Я тоже пытался поддержать Стаса, и на мгновение подумал, что у меня получилось.

— Главное, чтобы он не увлекся и не называл дочь Тамарой Михалной! — расхохотался Кирилл, подойдя к Стасу и хлопнул его по плечу.

— Богдановская Тамара-Михална Стасовна! — рассмеялся Ваня, и наконец-то на лице «молодого папаши» появилась улыбка.

В последнее время я все чаще думаю и ловлю себя на мысли о том, что все не так уж и плохо. Я живу полной жизнью, не чувствую боли, возможно, это таблетки, а может и случилось чудо? Такое ведь бывает, когда болезнь уходит. Наступила заветная ремиссия. У Кирилла она наступила, и он с каждым днем все больше и больше расцветал. Бледный цвет кожи остался в прошлом, теперь он вновь был похож на своего брата. А я... я не замечал такого за собой, но может быть тоже меняюсь.

— А вот и мы! — Римма вынесла на террасу тарелку с овощами и поставила на стол. — Ну что там с мясом? Уже жарится?

— Да как оно будет жариться, если кто-то весь жар разогнал своей картонкой? — недовольно проворчал Филипп.

— Это ты сейчас в мою сторону намек бросил? — Кир нахмурился, разводя руки в стороны. — Вот и как я по-вашему должен заниматься шашлыком, когда тут один назойливый комар жужжит?! Несите дихлофос!

Близнецы жарили шашлыки, Юля с Риммой обсуждали предстоящую свадьбу, Стас с

Ваней ушли в дом, а я стоял и смотрел на то, как капает дождь. Все вокруг «радовалось», оживало после долгих холодов и дышало. Скоро расцветут яблони и черемуха, потом все оживет, а там... уже потом, когда все устанет радовать людской взгляд — распустится сирень. Дожить бы... Не нравилось мне это внутреннее «затишье». Словно оно сдавливало легкие, и я не мог вдохнуть радость полной грудью. А нужно было.

Боня подбежал ко мне, стряхивая с шерсти капли дождя и радостно виляя хвостом. Я присел рядом с ним и погладил по голове.

— Хороший пес... — тихо проговорил я. — Нравится на природе, да? Хороший мальчик. Сидеть?!

Но он и не думал выполнять команды и лишь подался вперед, намереваясь облизать мое лицо. Поднявшись, я прошел к близнецам, чтобы хоть чем-то себя занять, но они словно не заметили меня, продолжая ругаться и спорить. Я будто бы застрял в какой-то параллели. Все перед глазами будто бы происходило в ускоренном режиме, а я стоял на месте. Это не было обычным. Наверное, мне просто нужно было передохнуть, присесть, принять таблетку или... выпить чего-нибудь покрепче? Нет, лучше таблетку. Я не могу не дожидаться собственной свадьбы.

Отойдя в сторону, чтобы никто не видел меня, я ударил себя по щекам, пытаюсь взбодрить. Это заметил Ваня... вероятно, видел все в окно, потому как сразу же вышел на террасу, подошел ко мне и потянул за собой обратно в дом.

— Тебе плохо? — обеспокоенно спросил он, пытаюсь заглянуть мне в глаза. — Марин?! Слышишь?! Эй?!

— Что случилось? — спросил Стас, подойдя к нам, на что я покачал головой и улыбнулся через силу.

— Все хорошо, просто...

— Просто ты решил, что удары по лицу для тебя будут офигенным ощущением, да?

— Все, как... всегда... — я провел рукой по лицу и нервно рассмеялся, присаживаясь на подлокотник кресла.

— Я же вижу, что что-то не так.

— Наверное, просто кружится голова. Все вокруг так быстро... А ведь я даже не пил. — Попытался отшутиться я, но Ване было не до смеха. — Только не говори, что я вот-вот умру. Мне сейчас никак нельзя.

— Это у тебя побочка от антидепрессантов. Такое бывает, когда не меняешь препараты долгое время. — Влился в разговор Стас, и мне стало даже как-то полегче.

Если побочное действие, тогда хорошо. Тогда и бояться нечего. Я доживу до свадьбы. Сумею. Главное поверить в это. Если поверю я, то поверят все.

— Марин?! — Юля вернулась в дом, наверное, потому что нас долго не было. — Что случилось? Тебе плохо? Вань? Стас?

— Да все с ним хорошо! Мы обсуждаем предстоящую свадьбу... — вновь подал голос Стас, отчего я удивленно взглянул на него и кивнул.

— А... ну хорошо! — она улыбнулась и вновь вышла, а мы спокойно выдохнули.

Обманывать не очень хорошо, но если это ложь во благо — она имеет место быть. Мы еще какое-то время сидели в доме, но потом вышли. Близнецы уже распивали пиво, не дожидаясь мяса, девчонки, что-то бурно обсуждали, а Боня лежал и следил за всем этим.

— По пивку? — предложил Стас, взглянув на меня.

— Думаю, что можно.

— Только не переусердствуйте. — Напомнил Ваня, направляясь к близнецам, чтобы узнать, нужна ли им помощь.

Мы взяли по бутылочке пива и сели на пороге, глядя на двор и на то, как продолжает моросить весенний дождик. Сделав глоток, я понял насколько забыл вкус алкоголя. Стас сделал глоток и повертел бутылку в руках, смотря на этикетку.

— М-да, доверь дело близнецам. — Усмехнулся Богдановский, делая следующий глоток и обернулся на Римму и Юлю. — Тебе повезло.

— Мне? Ты о чем?

— Юля никогда не превратится в Римму. Мне кажется, что она не такая, как все. То, как Юля на тебя смотрит — это дорогого стоит.

— Ты решил со мной поговорить как психолог?

— Как психиатр. — Усмехнулся Стас и покачал головой. — Но нет, просто...

— Просто что?

— Не знаю... — он пожал плечами. — Я думал, что буду любить Римму, как в фильмах, в книгах, но... то ли я какой-то не такой, то ли в фильмах и книгах нам показывают ложь.

Я взглянул на Стаса и чуть улыбнулся.

— Уверен, что раз ты женился на ней, значит было за что. Просто со временем начинаешь остывать к человеку, который...

— Вечно пилит?

Я кивнул, и Стас усмехнулся. Что-то в нем мне напоминало обо мне. Может быть манера поведения, а может быть то, что он никому не нужен. Мне нужна была поддержка, и я ее получал сполна, а он... он продолжал смотреть куда-то вдаль и думать о чем-то. Скорее о своих ошибках, как когда-то это делал я сам. Сделав глоток из бутылки, я глубоко вдохнул свежий воздух и попытался расслабиться. Что-то внутри мне кричало: «Уже скоро! Готовься». Но я не собирался сдаваться. Моей целью было жить.

°13. Последний вздох

Июнь наступил стремительно быстро. Я не успел оглянуться, как расцвела сирень и настал тот самый день, до которого я боялся не дожить. Может быть и правда ремиссия? Но нет, я чувствовал, как все тело сковывала невыносимая слабость. С ней я боролся, но чем дольше боролся, тем сложнее становилось. Иной раз мне было тяжело открыть глаза. Я подолгу лежал в постели утром, набираясь сил подняться и отправиться в ванную, чтобы выпить таблетки. В последние дни все обострилось. Перед глазами то и дело возникала пелена, и она пугала. Я словно видел другую жизнь. Смутно, но видел. В той жизни не будет ни Юли, ни друзей, но там будут очень дорогие для меня люди: отец, мама и бабушка. Я не боялся уйти к ним, но я боялся оставить Юлю здесь, зная как сильно она будет страдать. Может стоит передумать? Зачем ей выходить замуж за человека, который вот-вот умрет? Может она сама передумает? Сбежит в самый последний момент? Может быть за ночь Римма сумела переубедить ее? Нет, скорее всего нет. Юля никогда не откажется от меня... она любит по-настоящему, и от этого мне и радостно, и больно. Что делать я не знал... Но однозначно мне придется пройти этот путь до самого конца.

— Вау, прям агент 007. — Рассмеялся Ваня, когда я вышел из спальни, поправляя на себе пиджак. — Как себя чувствуешь?

— Отвратительно.

— Это нормально! Я на своей свадьбе чувствовал то же самое. — Отозвался Стас, продолжая наглаживать довольного пса.

— Я в целом про состояние! — недовольно проговорил Ваня, на что я усмехнулся.

— Вообще-то я тоже говорил в целом. Разве я могу не радоваться, зная, что женюсь на Юле... и зная, что умру вот-вот.

— Никаких «я скоро умру», я вон тоже вообще-то собирался умирать, и ничего! Жив, здоров! — Кирилл развел руками и улыбнулся.

— Сплюнь. — Филипп ударил брата по плечу и кивнул, будто бы говоря о том, что нам пора.

Дорога до ЗАГСа выдалась слишком нервной. Сначала Стас не мог дозвониться до Риммы, а потом я до Юли. Где-то в глубине души я думал, что она передумала и сбежала. Такое ведь могло случиться, и я возможно даже был бы рад, но потом оказалось, что все это неправда. Юля с Риммой сидели у дверей в главный зал, откуда доносился свадебный марш. Вживую его слышать мне не доводилось. И признаться, я бы никогда в жизни не слушал эту мелодию. Она словно обязывала, чтобы ее слушали. Звук эхом отскакивал от стен и кружился в каком-то странном танце, спускаясь все ниже и ниже, пока не растворялся вовсе.

Я подошел к Юле. Она глубоко вздохнула и поднялась, решив, что мне нужно увидеть ее платье во всей красе. Красиво. Нежное платье цвета сирени на тонких бретельках открывали вид на ее шею, на каждую родинку. Оно было чуть ниже колен, такое легкое и воздушное. Казалось, что это сон. Я никогда не видел Юлю настолько счастливой и напуганной одновременно. Обняв меня, она сразу же тяжело выдохнула, намереваясь что-то сказать, но Римма перебивала ее, что-то говорила о том, что платье не подходит к моему костюму, о том, что букет сливается с платьем.

— Мне страшно... — прошептала Юля, и я почувствовал неприятный укол совести.

— Мне тоже... мы можем не идти туда. Знай, что я всегда буду рядом, несмотря ни...

— Нет! Я хочу за тебя замуж, просто... — она провела рукой по лицу и нервно закусила губу. — Ты только не подумай ничего плохого, просто... у нас была раньше какая-то цель. Мы ждали этого дня, а теперь... Марин, мне очень страшно.

— Все будет хорошо. Я обещаю... — я замолчал и провел рукой по лицу, качая головой. — Я не могу обещать... я сам не знаю, когда это закончится, и мне тоже страшно. Но запомни, что в любой ситуации, даже в самой плохой, нужно искать плюсы.

— Ты сам-то понял, что говоришь?

— Я стараюсь разрядить и без того напряжённую обстановку. — Я улыбнулся, целуя ее в висок и прикрыл глаза.

Комната вновь плыла, пол уходил из-под ног. Нужно было держать себя в руках, но как? Как? Я до последнего не знал, пока не решил выпить помимо утренней дозы таблеток, еще две. Чтобы не напугать Юлю своим состоянием. Сказав, что мне нужно отойти на пару минут, я направился в уборную.

Неторопливо бредя по коридору, я искал глазами не увидел дверь. Если бы Ваня знал, что я собираюсь сделать, он бы сразу же начал меня отговаривать. Но как я мог показать слабость в такой день? Нет, нужно держать себя в руках. Это особенный день, и Юля должна быть в этот день счастлива. Я обязан сделать этот день лучшим. Зайдя в уборную, я включил воду, достал из кармана коробочку, в которой носил таблетки и высыпал на ладонь сразу двойную дозу. «Что может быть?! Это же лекарства». — Подумал я прежде чем закинуть их в себя. Уже поздно что-либо менять. Обратного пути нет.

Я посидел еще какое-то время в уборной, чтобы стало немного полегче, натянул улыбку и отправился к Юле. Она нервничала, то и дело что-то спрашивала у Вани или Риммы. Мы ждали. Близнецы нервничали, потому что не любили ждать, Стасу было все равно. Ваня пристально смотрел на меня, будто бы заметил что-то неладное. Наконец-то вызвали нас. Этот момент был настолько волнительный, что я не сразу понял кто к кому обращается, а главное с какой целью. Возможно я выглядел, как дурак, а может быть так выглядели все перед свадьбой. Ещё немного, и вот оно... заветное «Да», на вопрос: «Согласны ли вы...?». Все закончилось? Нет. Я видел, как дрожали руки Юли, когда она надевала кольцо мне на палец, а я на удивление был слишком спокоен. Таблетки помогли? А может быть я и правда сам сумел успокоиться. Теперь нам больше ничего не мешает быть счастливыми. Мы вместе, а это главное.

После росписи, мы поехали к нам домой, где нас ждал еще один сюрприз. Не могу сказать, что он был приятным, но по растерянному взгляду Юли, я понял, что нужно показать себя в лучшем свете. Ее родители стояли у подъезда что-то расспрашивая у нашей соседки — Брянской. До сих пор не знаю, как ее зовут, хотя живу в этом доме уже достаточно давно. Первой нас заметил Эрик. Он выкрикнул ее имя, и бросился к ней в объятия. Она скучала по брату, и я это знал. Мы часто говорили по вечерам о том, как она хотела бы забрать Эрика к себе, чтобы подарить ему всю свою любовь. Как же она не хотела, чтобы он вырос в любви. Но их родители будто бы не знали этого понятия.

— А мы к тебе в гости пришли! — довольно проговорил мальчишка, отчего я не смог сдержать улыбки.

— Это кто? — Ваня кивнул на родителей Юли, положив руку мне на плечо.

— Родители.

— Хм... мда.

— О, драка будет? — усмехнулся Кирилл, направляясь с братом к подъезду.

— Сплюнь, придурок! — вдруг вырвалось у Юли, и я удивленно взглянул на нее, никогда не слышал, чтобы она так выражалась.

— Вы идите, а мы вас догоним. — Сказал я, передав ключи от квартиры Ване.

Он не сразу хотел уходить, зная, что возможно понадобится помощь, но все же не стал спорить. За что я и благодарен ему. Ваня прислушивался к моим словам, хотя знал, что в любой ситуации правым был он. Родители Юли терпеливо ждали, когда мы подойдем ближе. По лицу матери было видно, что та недовольна происходящим, а эмоции отца я не мог прочесть. Я не понимал его.

— Привет? — словно спрашивая произнесла Юля, взяв меня под руку.

— Ну, здравствуй, доченька! — мать явно была настроена недружелюбно, что было слышно по ее тону.

— Жанна. — Голос отца Юли заставил женщину замолчать и сделать шаг назад, давая возможность мужу вести разговор. — Юля, мы бы хотели поговорить с тобой наедине.

— Марин мой муж, а значит, что он должен быть в курсе всех событий, касающихся нашей большой и «дружной» семьи. — Проговорила она, сильнее сжимая мою руку. — Вы приехали испортить мне праздник? Так же как испортили все мое детство. Если да, то нам не стоит говорить.

— Ты не права. Мы приехали поздравить.

— Поздравить?! Пап, ты себя слышишь?!

Родители Юли выглядели так, словно дочь для них была совершенно чужой. Уверен, что если бы они ее обняли, все было бы по-другому. Но они не знали, не могли проявить родительскую любовь, наверное, потому что считали любое проявление чувств — слабостью. Люди, у которых имеется свой бизнес не могут быть слабыми. У них есть все, о чем простой человек только мечтает, но по итогу теряют то, что намного дороже денег. Доверие. Юля больше не верила в то, что родители могут ее любить. Они не любили маленькую светловолосую девчушку, бегающую по дому в бантиках и с листком, на котором нарисовала очередную картинку, а теперь она выросла, и стала чужой. Она стала другой. Больше нельзя поманить ее дорогой шоколадкой или новой куклой. Она не верит теперь в их искренность. Так же как и не верит в то, что они приехали поздравить ее со свадьбой с человеком, который им не понравился даже по рассказам.

— Юль... — отец, возможно, сожалел о том, что когда-то между ними были недопонимания, но теперь внезапно решил стать заботливым, загладить прошлые обиды. — Мы правда рады за тебя. Это твой осознанный выбор. Это ведь, так?

— К чему вы клоните?

— К тому, что... ну...

— Да что ты мямлишь?! Я надеюсь, что ваш брак не «по залету». — мать Юли оказалась достаточно бойкой и острой на язык женщиной.

— Я не повторю ваших ошибок.

— Насколько я знаю, Марин болен, да? — вдруг завел этот разговор отец Юли, отчего я почувствовал какое-то неприятное чувство, сродни с отвращением.

— А когда мы пойдем пить чай? — Эрик разряжал напряженную атмосферу между нами.

— Сейчас пойдем, Эрик. — Сказала Юля, скорее для того, чтобы от нее отстали. — Я понимаю, что вы хотите поговорить, но у меня нет времени, нас гости ждут.

— Юля, прекрати себя так вести! — злилась ее мать.

— А как мне себя вести? Вы не приняли мой выбор, а теперь приехали сюда и... я не понимаю, что вы хотите!?

— Юль... успокойся. — Решил влезть в разговор я, видя как злится Юля.

— Ну вот, видишь, дочь, какой мужчина у тебя... Идет на контакт! — сразу же сбросил маску серьезности ее отец и выдохнул. — Если вам нужна помощь в лечении... там... не знаю, можете обращаться, у меня связи хорошие, да и если нужно материально готов помочь.

— Большое спасибо, но я в состоянии обеспечить себя, свою семью и свое лечение. Всего доброго. — Я взял Юлю за руку и повел к дверям подъезда.

Злился ли я за «помощь» такого рода? Да. Меня раздражало то, что родители Юли думали про меня, как про человека, который ничего не добился. Неужели они думают что я не могу оплатить своё лечение? Может быть думают, что у меня ничего серьезного? Предлагали бы они свою помощь, зная, что больше ничего нельзя изменить? Говорили бы со мной в таком тоне? Проявили бы жалость? Не знаю. Я не хотел знать ничего, как вдруг... рука Юли выскользнула из моей ладони, и я обернулся, задержавшись у открытой двери.

— Эрик, мы заберем тебя на выходные, хорошо?! — громко спросила она, не зная, как себя вести, но мальчишка оказался понятливым.

Он вырастет и будет защищать ее от всех. Зная это, мне нестрашно будет уходить. Хотя, кого я обманываю? Мне будет безумно страшно... Я не готов. Я не хочу, но чувствую... уже близко... Слабость волнами накатывала и отступала. Она заставляла меня склониться перед ней, но я держался, крепко, вцепившись в ручку двери, пока Юля ещё что-то говорила родителям, а потом... Мы вернулись в квартиру.

Близнецы уже распивали шампанское, Римма ела бутерброды, Стас и Ваня курили у окна на кухне. Когда я присоединился к ним, мы какое-то время еще молчали. Кажется, что они слышали тот самый шепот, который слышал я. Сердце билось так быстро, что я чувствовал, как тошнота подкатывает к горлу, смешиваясь с едким и отвратительным дымом и превращаясь в горький ком.

— Что-то как-то... невесело... — проговорил Ваня, взглянув на меня.

— Да уж. Больше нечего ждать. Нет никаких рамок. — Выдыхая дым, я следил за ним, чувствуя, как внутри все дрожит.

Так... вроде бы смешно. Я представлял себе сцену из фильма. Какой-то старинный, возможно, древний храм. Таймер, на котором уже вот-вот закончится отведенное время. С потолка что-то сыплется, стены дрожат, кругом все покрывается слоем пыли, совсем скоро от храма не останется места, но пока стены стоят, стоит и он. Внутри меня будто бы что-то рушилось, заставляя задуматься о многом, но я пытался отбросить какие-либо мысли о плохом подальше. Есть только здесь и сейчас. Я обязан сделать этот день лучшим в жизни Юли.

— Ну и надымили! — девчонки зашли на кухню, хмурясь и размахивая руками, разгоняя дым.

— О чем шепчетесь? — Юля обняла меня покрепче и громко выдохнула.

— О том, как хорошо прошла свадьба, и о том, что после нашей сегодняшней посиделки, посуду придется мыть неделю! — вновь натягиваю улыбку через силу, зная, что в искренность никто и не поверит.

— Идемте уже! Бутерброды стынут. Холодные уже не такие вкусные. — Римма потянула Стаса в гостиную, Юля тоже пошла с ними.

Я словно чего-то ждал. Стоял глядя в окно на город, видел сирень, которая радовала

прохожих теплым, сладким ароматом. У нас в квартире тоже пахло сиренью. Юля поставила несколько букетов в гостиной и один в нашей спальне. Теперь сирень была со мной везде, и я уверен, что на моей могиле кто-нибудь да посадит хотя бы веточку. Я бы очень хотел, чтобы после меня у Юли остались только хорошие воспоминания. Все же, жизнь ее будет продолжаться, а я... не знаю что будет со мной. Никто не знает, что нас ждет потом. После конца.

— Ты уж извини за прямоту, но у меня такое ощущение, что мы прощаемся. — Продолжая нервно курить, проговорил Ваня и покачал головой. — Как ты себя чувствуешь?

— Держусь... А ты?

— Мне больно. — Он затянулся и выдохнул дым, бросая окурок в пепельницу. — Больно от мысли, что нам не удалось провести больше времени. Если бы мы встретились раньше, я бы раньше попросил у тебя прощения. У меня никогда не было таких друзей, с которыми я бы... так здорово проводил время. Клянусь, что отдал бы все, что у меня есть, лишь бы вернуть то время, когда мы не ладили и исправиться. Все бы отдал.

— Я знаю. — Я слышал свой голос будто бы со стороны, и меня напугало это, но я старался не тревожить и без того мрачную атмосферу. — А знаешь, что самое смешное? Самое смешное в этом то, что я жил столько лет с мыслью, что ненавижу всех, кто когда-либо обижал меня, но стоило увидеть тебя, близнецов... все прошло. Да, возможно эти двое не изменились, но... я больше не держу обиды ни на кого. Столько лет жил с мыслью, что не хочу никого видеть, а теперь не представляю свою жизнь без вас. Это глупо... до безумия глупо, но моя жизнь изменилась за последние полгода. Изменилась благодаря...

— Благодаря Юле?

— Да... — я прикрыл глаза, качая головой. — В день, когда мы с ней впервые встретились, я узнал о том, что мне осталось жить месяц. Всего лишь тридцать дней. Я собирался сделать то, о чем сейчас подумать страшно. Я думал: «Сейчас выброшу ненужный хлам, наведу порядок, чтобы потом не говорили, что он жил на помойке и покончу с этим, чтобы не мучить себя дальше». А потом в дверь позвонили... я не хотел, но зачем-то открыл. Юля изменила всю мою жизнь, и мне становится мерзко от мысли, что я оставлю ее один на один с воспоминаниями. Я сломаю ей жизнь, как только умру. Но я же не могу бороться вечно... Я не могу... бороться.

Ваня положил ладонь мне на плечо, сжимая его, и я почувствовал его поддержку. Чувство, которое я никогда раньше не испытывал, возможно, сам Петриков никогда прежде не выражал сочувствия. У него никогда не было настоящих друзей, а теперь, когда мы подружились... когда стали настоящими друзьями, один из нас уходит. Но у нас были моменты, которые никто никогда не забудет. За эти полгода мы научились радоваться каждому моменту. Каждые выходные для нас были небольшим праздником, когда мы собирались в нашем кафе, рассказывали друг другу о том, что произошло за неделю. Так мы узнали о повышении Вани, увольнении Филиппа, о ремиссии, которая стала для Кирилла глотком свежего воздуха, о беременности Риммы, о нашей с Юлей свадьбе. Разве это не счастье?

— Значит, мы прощаемся? — тихо проговорил Ваня, на что я неуверенно кивнул. Мы прощались...

— Я надеюсь на лучшее. И... Вань, ты, присматривай за Юлей. Ей нужна будет поддержка.

Ваня тяжело выдохнул, проведя рукой по волосам и взглянул в окно, будто что-то

собирался сказать. Потом тяжело выдохнул и кивнул.

— Я буду стараться. — Кивнул он, после чего мы обнялись и прошли в гостиную.

Мутно. Этим словом я мог описать свое состояние в тот момент. Все улыбались, поздравляли, спрашивали о том, какие у нас планы на ближайший месяц, а я чувствовал, что мое завтра может не наступить. Юля, конечно же, рассказывала о том, как мы поедем куда-нибудь на выходных, чтобы только вдвоем. Я смотрел на нее, на то как воодушевленно она рассказывала о своих эмоциях, о том, как собирается теперь взяться за ремонт в нашей квартире. У нас всегда было серо, а она хотела добавить красок. Так у нас в гостиной появились три синих подушки, зеленая лежанка для Бони, в спальне желтый плед, на кухне набор из шести разноцветных кружек и блюдца к ним, а в моем кабинете — картина. Юля знала как я люблю сирень, и в один из дней, когда мне было плохо, принесла картину, на которой был изображен букет сирени. От него словно веяло летом. Теплыми днями. Воспоминаниями. Детством. Ч и т а й н а К н и г о е д . н е т

Боня подошел ко мне, уткнулся мокрым носом в руку и взглянул так, словно понимал все. Внутри все задрожало еще сильнее, но я попытался взять себя в руки.

— А что мы сидим без дела?! Может сыграем во что-нибудь? У нас настолок много. — Предложил я, поднимаясь на ноги и прошёл к шкафу.

Только теперь понял, что нужно было бы переодеться. Костюм немного сковывал движения, а галстук сдавливал шею. Может быть из-за него мне было трудно дышать?

— Не, ну а что?! Отличная идея! Я только за! — согласилась Римма, а если согласилась она, значит и Стас был не против.

— Сыграем напоследок. — Услышал я от Кирилла и обернулся, на что он чуть смутился. — Я про то, что... поедем уже.

— Идиот. — Выругался Ваня.

— Что-то как-то напряженно. — Нервно рассмеялась Юля, поднявшись и пройдя ко мне, чтобы помочь найти игры. — Все хорошо?! Ты бледный...

— Не будем об этом. — Улыбнулся я, поцеловав ее в висок и отправился в спальню, чтобы переодеться.

Закрыв за собой дверь, я прижался к ней спиной и обхватил голову руками. Мне не было больно или страшно, но ощущения меня подводили. Возможно, если бы я не выпил двойную дозу таблеток, то сейчас бы был от боли. Я не чувствовал боль физически, но словно ощущал ее. Словно мог потрогать. Казалось, что она стояла передо мной и улыбалась, напоминая, что время на исходе. Мне стоило схватить ее за горло и сжать так сильно, чтобы она почувствовала насколько мне плохо. Боль... Боль... Боль...

Я готов был кричать, но не хотел пугать друзей и... Юлю. Я не мог испортить ей праздник. Не мог, но все было против меня. Последние часы, минуты, мгновения с каждым вдохом становились прошлым. Временем, когда я был здоров и несчастен, теперь я болен, но счастлив. Нет справедливости в этом мире, есть только боль. Хорошие моменты перекрывают боль, но на самом деле мы живем каждый день в ней. Купаемся в боли, обнимаем ее, окунаемся с головой, чувствуем ее, но не принимаем. Теперь я принимал ее, но она не верила, злилась, мучая больше и больше. Скоро все закончится, но напоследок нужно будет помучиться.

— Марин?! Все хорошо? — услышал я голос одного из близнецов и тут же собрался с мыслями, приоткрыв дверь. — Мать моя... ты видел себя?

Кирилл вошел в спальню и взял меня за плечи, вглядываясь в лицо. Наверное, я

выглядел очень плохо, потому как видел удивленный и растерянный взгляд одноклассника. Завидовал ли я ему? Тому, что у него ремиссия, а я у меня нет? Завидовал... но прекрасно понимал — все, что делается — все к лучшему. Когда-нибудь нам удастся вернуться в эту жизнь и исправить ее. Возможно, в следующей жизни, я буду жить правильно.

— Тебе плохо? У тебя что-то болит? Марин... Я сейчас Ванькá позову. — Кто собирался выйти из комнаты, но я крепко схватил его за руку и покачал головой.

— Не нужно... Не хочу портить Юле праздник. Но чувствую, что все-таки испорчу. — Я нервно рассмеялся и прошел к шкафу доставая оттуда вещи.

— Ты что-то чувствуешь?

— Чувствую только то, что вот-вот все закончится. Знаешь, это... отвратительно чувство, когда вроде бы и болит что-то, а что именно я не знаю. — Сбросив галстук, я расстегнул рубашку и снял ее вместе с пиджаком.

В отражении я увидел новые синяки. На груди, руках и спине. Новые. Яркие. Надев футболку, я поменял брюки на обычные штаны и сел на постель, проведя руками по лицу. Усталость навалилась настолько внезапно, что я не мог контролировать это. Кирилл стоял у дверей и не мог сказать ни слова. В его взгляде я видел себя в нашу встречу после Нового года. Вот как я тогда выглядел, когда увидел его лысую макушку.

— Ты же не собираешься умирать в первую брачную ночь? — вдруг усмехнулся Кирилл, подавая мне руку для того, чтобы встать. — Нет, сегодня точно нельзя! В любой другой день — пожалуйста, но сегодня... неа, нет! И вообще, не думай об этом! Лучше думай, как удивить Юльку, когда мы уедем. Понял?

Он выглядел растерянно, отчего его шутки выходили глупыми и нелепыми, но я улыбался... У меня были друзья, была любимая жена, собака, квартира, где-то был сын, и я прожил жизнь не зря. После меня останутся мои книги. Юля исполнила мое желание стать настоящим писателем, и вот так... на пике популярности я готов уйти. Я надеялся, что это будет не больно. Не хочу чувствовать боль. Не хочу пугать Юлю. Не могу оставить ее вот так.

Мы вернулись в гостиную. Я сел рядом с Юлей, обнимая ее, на что она лишь улыбнулась. Была ли она занята игрой? Нет. Просто делала вид, что все хорошо, хотя внутри неё творился настоящий ураган. Я чувствовал это, но не мог начать разговор, зная, что все закончится слезами, истерикой и душевным расстройством.

— Соберемся на выходных? — тихо спросил Кирилл, бросив на меня взгляд, затем переглянулся с Ваней и продолжил. — Я на работу выхожу с понедельника. Прикиньте, в школу охранником. В ту самую, где мы учились, прикинь?

— В пятнадцатую? — переспросил я, вновь вспоминая сколько боли принесла мне та школа.

— Ага. Месяц назад был там... Изменилось все. Раньше ж, как заходишь, налево, была раздевалка, а теперь в той стороне открыли буфет. Причем неплохой такой. Есть все, но вкус отвратный.

— Ну вот, а говоришь изменилось все. — Рассмеялся Филипп и бросил на меня взгляд. — Марин, а помнишь стенгазету, где пару раз про тебя писали?

— Про Марина писали?! — Юля взглянула на меня, но я покачал головой, на что Ваня тут же ударил себя по коленке.

— У нас каждую неделю старшие классы для младших рисовали газеты. И там была рубрика «Живой уголок», ну и каждый раз... там была картинка какого-нибудь животного, а мы... мы подписывали внизу имя Марина и... Все смеялись. Тогда мы думали, что это

весело. — Тихо проговорил Петриков, на что я улыбнулся.

— Да будет тебе. Я был слишком глуп, если бы я не обижался, а посмеялся вместе с вами, возможно все было бы по-другому. Не стоит сейчас вспоминать это. — Попытался успокоить их я, и почувствовал, как во рту резко пересохло.

Попытавшись сглотнуть, я понял, что еще немного и меня вырвет, поэтому не говоря ни слова, отправился в ванную. Закрыв дверь и тяжело выдохнув, подошел в раковине, включил воду. Шум воды приводил мысли в порядок, напоминая о летних дождях, о море, и вновь о детстве. О том времени, когда в моей жизни не было ни каких проблем, не было боли. Я был беззаботным, глупым ребенком, мечтающим жить в полной семье, есть деликатесы и не знать, что такое страх и боль. И чем больше я мечтал об этом, тем сильнее чувствовал боль, тем страшнее становилось. Судьба играла со мной в жестокую игру. Она всегда крепко держала меня за руку, но в моменты, когда нужна была ее поддержка — отпускала. Когда нужно было бежать домой, чтобы с отцом не случилась беда, она тянула меня за собой, завлекая игрой. Когда нужно было встретить маму с работы, Судьба повела меня не той дорогой, и я опоздал. Судьба разлучила меня с бабушкой — человеком, который выстоял все невзгоды, который поднял меня с колен и заставил идти, смотря вперед, не оглядываться.

— И что это? — легкая морщинистая рука бабушки коснулась моей щетинистой щеки. — Сотри с лица слезы и не плачь. Не вздумай оплакивать меня, пока я жива. Я ж еще жива.

— Прости... — только и мог поговорить я, стоя на коленях у постели бабушки. — Я не смог дать вам с мамой той поддержки, которую должен был дать. Я не смог. Получается... и отцу солгал... Прости меня...

— Не за что меня тебя прощать. Я рада, что увидела твои тридцать Дней рождений. Тридцать. Ты даже не представляешь, как мне было страшно... каждый раз, открывая глаза, я молилась, чтобы этот день не стал последним... И смотри... Вымолила сколько... — она сжала мою руку, и я почувствовал насколько она легка и холодна. — Когда тебе будет больно и страшно, вспомни о том, что мы рядом... Это тело после смерти закапывают, а душа... душа она живет. Только нужно... помнить... помнить...

Она ушла, улыбаясь, держа мою руку. Не передать ту боль, которую я испытал в тот день, но теперь эту боль я передам Юле. Набрав в ладонь воды, я поднес ее к губам, сделав сначала один глоток, а потом повторив все несколько раз. Вот оно... последний глоток воды. Как же банально... До тошноты противно и... страшно.

В дверь постучали. Я вздрогнул, выключил воду и прошел к двери. Юля стояла, прислонившись лбом к стене. На ней не было лица. Усталость выдавала нас обоих, но я был рад, что она ничего не подозревала. Не знала, что творится у меня внутри. Не знала, как мне страшно, что все оборвется.

— Они... решили дать нам отдохнуть... — почти шепотом проговорила Юля. — Проводишь?

Я кивнул. Мне нужно было попрощаться со всеми. Наш последний раз, когда мы можем просто поговорить. Только этот раз останется в их памяти. Последний разговор... последний взгляд... последний вздох... Пройдя в гостиную, я увидел, как растерянно смотрит на меня Ваня, как прячет дрожащие руки в карманы. Близнецы тоже были словно в некоем трансе. А Стас с Риммой вновь о чем-то спорили. Скажет ли мне кто-нибудь что-то или решат промолчать? Наверное, промолчат. С Петриковым мы уже поговорили, с Кириллом тоже, их с Филиппом можно считать за одного, а Стас и Римма — они будто бы случайно оказались с

нами. Хотя, Римма подружилась с Юлей, а это значило, что поддержка ей обеспечена.

Пройдя в коридор, я взглянул на Боню, который вышел вместе с нами и сидел рядом со мной. Пес все чувствовал. Порой мне казалось, что он уже начинал скучать. Боня жалобно скулил и старался быть ближе ко мне. Чувствовал, что осталось совсем немного. Я сам это чувствовал, но не мог уйти вот так. Молился, желая прожить еще день, час... минуточку...

— На выходных увидимся! — сказал Стас, пожимая мне руку.

— Пока, Марин. — Крикнула Римма, выходя из квартиры.

Ваня медлил, стараясь не сталкиваться со мной взглядом.

— Ты это... давай не пугай нас... Первая брачная ночь, друг. — Кирилл похлопал меня по плечу и тяжело выдохнул. — Я тоже думал, что умру, но... пронесло же. Может и тебя?.. Давай так, мы завтра увидимся, да?!

Я кивнул, чуть улыбнулся и обнял его. Друзья. Да, было много плохого, но за полгода, мы стали настоящими друзьями. Самыми настоящими. Подняв взгляд на Филиппа, я понял, что тот тоже хотел, чтобы встреча завтра состоялась, но мы все понимали, что возможно, увидимся в последний раз. Возможно. Ночь все решит.

— Ты сильный, Марин. Ты пережил нападки безмозглых пацанов, а это по сравнению с твоей «болячкой» — настоящий ураган. Держись. — Подбадривал Фил, но в его глазах я видел нечто схожее с паникой.

Они вышли, и мы с Ваней остались один на один. Он не выглядел спокойным. Взбудораженный — это слово характеризовало его. Проведя рукой по лицу, он нервно откашлялся, настраивая голос на разговор, но потом все также молча протянул мне руку. Я пожал ее, и почувствовал дрожь. Ваня дрожал, но не показывал этого.

— Я рад, что нам удалось подружиться. Пусть ненадолго, пусть... до конца своих дней буду винить себя за прошлое. Мне никто не говорил о том, что издеваться над тобой — это плохо. Если бы я только знал...

— Мы оба вели себя неправильно. — Улыбнулся я, разведя руки в стороны. — И я уверен, что тебе не нужно винить себя. Мы друзья! И я хочу тебя, как друга попросить... поддержать Юлю. Она еще слишком... не готова.

— Я обещаю! Я буду рядом. Все будет... — Он запнулся, приложил руку к лицу, сжал переносицу и кивнул. — Не могу сказать, что после твоего ухода все будет хорошо, но я поддержу ее.

— Спасибо.

Мы обнялись, и он ушел. Боня лежал у двери в спальню, в то время как Юля стояла в дверях ванной, растерянно глядя в стену. На ее лице было, до этого момента, непонятное выражение лица. Что-то мне подсказывало, что она все слышала... знала, что я прощался со всеми не «до завтра», а навсегда. Что мне оставалось? Оставалось лишь принять ситуацию. Всего лишь принять.

— Юль?.. — прошептал я, сделав к ней шаг, но она выставила руку, а второй провела по волосам.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты прощался с ними? Почему просил Ваню поддерживать меня? Почему именно сегодня? Почему сейчас?!

— Юль...

— Я спрашиваю, почему?! — крикнула она, взглянув на меня, и мне стало жаль ее.

Я прикрыл глаза, тяжело выдохнул и подошел к ней, обнимая. Аромат сирени. Тепло ее тела. Тихие вздохи и руки, которые так сильно обнимали меня, боясь отпустить. Она боялась этого дня. Боялась, но обещала, что будет со мной до самого конца, будет держать меня за руку, так же как когда-то я держал за руку бабушку. Нет. Я не позволю Юле пережить подобное. Это будет слишком больно.

— Ты же не уйдешь... прямо сейчас? Ты же... скажи, что я просто неправильно поняла что-то. Марин, тебе плохо, да? Давай... давай я сделаю тебе укол? Точно! Укол... Или в спальню, я сейчас все принесу! — она собиралась бежать на кухню, за шприцем, но я ухватил ее за руку и покачал головой, на что ее губы задрожали.

Юля прикрыла глаза, приложила ладонь к губам, но тут же взяла себя в руки. Сколько же в ней было сил. Шумно выдохнув, она взяла меня за руку и потянула в спальню. Уже давно стемнело, и Юля, будто бы ничего не произошло, собиралась ложиться спать. Подготовила постель, погладила Боню, который так и требовал к себе внимания. Я сделал вид, что все, как обычно. Шумно выдохнул, лег в постель и взглянул на Юлю. Она сразу же легла рядом, обнимая меня. Чувствовала ли что-то? Скорее всего, да... Все чувствовали, но молчали. Будто бы молчание что-то решало. Будто если мы не будем говорить об этом, то оно не настанет. Но нет, нам нужно было поговорить... Последний... серьезный... разговор.

— Юль, — убрав прядь волос, прикрывающих ее лицо, я заметил, что она плачет.

Опять... В последнее время она часто плакала. По поводу и без. Эмоции переполняли ее, и мне будто бы даже было это в новинку. Нет... мне было страшно. Я видел, что она не справляется. Я видел, как она подолгу смотрела в одну точку и не отзывалась. Она уже думала об этом, но боялась принять. Как только принимаешь смерть близкого, становится легче. Правда. Да, боль никуда не уйдет, но станет легче. Дышать можно будет полной грудью, пусть и каждый вдох будет напоминать о боли... со временем привыкаешь...

— Ну... — я улыбнулся, поглаживая Юлю по щеке. — Я еще не умер, не нужно меня оплакивать. Я же жив? М?

— Я не хочу...

— Не хочешь говорить со мной?

— Нет... не хочу, чтобы ты... — она села, вытерла слезы и взглянула на меня. — Сегодня день нашей свадьбы, и я не хочу, чтобы этот день... был... таким... Марин, ты же понимаешь, что еще очень рано? Мы не успели... Ты говорил... Море... поедem на море, погуляем по музеям, а... — ее голос сорвался, слезы катились по щекам, но Юля продолжала, взяв мою ладонь в свои руки. — Очень рано... Мы не успели насладиться семейной жизнью. Не успели увидеть того, о чем мечтали... Ты не можешь так просто взять и бросить меня...

— Юль...

— Нет... Я понимаю, что тебе тоже тяжело... Тяжелее, чем мне, но... Пожалуйста... Скажи, что все то, что ты говорил Ване, Киру с Филом... Скажи, что ты не прощался с ними навсегда... Максимум... До завтра, да?

Слышать правду порой больно, но лгать, зная, что нас ждет — было не лучше. Я поманил ее, чтобы вновь легла, и она сделала это, прижимаясь настолько сильно, что у меня защемило в боку.

— Почему ты молчишь? — она шептала, наверное, все еще пытаюсь казаться сильной. — Почему не хочешь сказать, что все не так, как... как выглядит. Тебе же не плохо! Ты же улыбался друзьям, ты не жаловался... Марин, давай сделаем тебе укол, ты поспишь... и все

пойдет. Давай?! Пожалуйста...

— Знаешь, мне всю жизнь говорили о том, что у меня ничего никогда не получится, о том, что я неудачник и не добьюсь того, о чем мечтаю. С самого детства я был ничтожеством, и принимал это за норму. С самого детства до момента, как ты ворвалась в мою квартиру... Когда мы познакомились... в тот день я узнал, что мне осталось жить месяц, представляешь?! Всего лишь месяц. Тридцать дней. Я собирался опустить руки, бросить все, лишь бы это поскорее закончилось, но... благодаря тебе эти «тридцать дней» стали шестью месяцами. Юль, моя жизнь за полгода стала ярче, чем за все прожитое время. Я не жалею ни о чем. — Я выдохнул, продолжая перебирать ее волосы и решая, что сказать, чтобы ей потом было легче. — Поначалу, мне было страшно, что если ты привыкнешь ко мне... то потом будет больно. Теперь, я знаю, что будет больно, но только подумай, сколько прекрасных воспоминаний ты мне подарила. Просто... вдумайся... Ты осуществила все мои мечты. Все.

— Но это не значит, что я готова тебя отпустить...

— Ты же знаешь, что я всегда буду рядом с тобой. Пока ты меня помнишь — я рядом... Главное, пообещал мне, что не наделаешь глупостей, после того, как... это произойдет, хорошо?

Она молчала, и мне это безумно не нравилось. Я знал насколько упрямой иногда Юля бывает, и это молчание меня терзало.

— Юля!

— Я поняла тебя... — отозвалась она.

— Пообещай, что как бы больно тебе не было, ты не натворишь глупостей. Ты будешь жить и радоваться жизни так же как это делала рядом со мной, хорошо?!

— Я поняла.

— Ну нет, — я усмехнулся, понимая, что она просто на зло мне решила спорить... в такой момент. — Посмотри на меня.

Юля вновь села, провела руками по лицу и взглянула на меня. Растрепанная, с красными глазами, пересохшими губами, она смотрела на меня и... не понимала, что уже все... Ничего нельзя исправить. Уже нечего исправлять.

— Пообещай, что ты будешь такой же, как и в день, когда мы познакомились. Улыбнись мне... Все не так страшно, как кажется. Никто из нас не вечен.

— Ты говоришь улыбнуться в момент, когда... мы прощаемся... Ты нормальный? — она показала головой и провела рукой по лицу.

— Со дня нашего знакомства я всегда восхищался тем, как стойко ты выдерживала... да абсолютно все, что происходило со мной! А теперь вижу только слезы. Юль. Не хочу, чтобы ты плакала. Не хочу, чтобы из-за меня ты страдала. Знаю, что много прошу от тебя, но... просто так нужно.

— Думаешь, что я выполню последнее твоё желание? Так вот знай... нет! О, Господи... какая дура... — она обхватила голову руками, попыталась сдержаться, но я слышал, как из ее груди вырвался хрип, а несколько слезинок упали на постель. — Марин, милый, я не могу... не могу улыбнуться... Я не могу спорить, но и не могу улыбнуться. Мне больно. Страшно. Прошу, давай сделаем укол.

— Юль, — я вновь притянул ее к себе, целуя в соленые от слез щеки и обнял покрепче. — Все хорошо. Успокойся. Я возможно, что это всего лишь такой день. Может быть все обойдется. Но знаешь что? В моем кабинете, в сейфе лежит коробка, в которую я

сложил все самое важное. Как только случится то, что... случится, открой ее. Я слишком труслив, чтобы рассказать тебе про то, что написал завещание и оставил тебе небольшое такое послание. Ой, я проболтался?

Юля рассмеялась, сквозь слезы, но этого я и добивался. Она улыбалась. Снова улыбалась, и от этого мне стало еще больнее. Я сломал ее. Сломал ее стержень, который все это время держал ее. Проведя рукой по ее волосам, я глубоко вдохнул аромат ее тела... сирени, и похлопал по постели рядом с собой, подзывая Боню. Он сразу же весело виляя хвостом запрыгнул к нам, облизывая то Юлю, то меня.

— Ты написал завещание?! — вдруг удивленно переспросила Юля, приподнявшись и взглянула на меня.

— Мне просто стало страшно, что Лена со своим сыном может претендовать на квартиру и все, что у меня есть. А так... все достанется тебе. Здорово, да?

— Ты дурак.

— Не хочу соглашаться. А знаешь, что?! Мне уже получше. Ты была права... давай сделаем укол, поспим немного. — Улыбнувшись сказал я, на что Юля кивнула, собираясь как можно скорее принести мне шприц.

— Ну вот! А ты спорил! — почти пропела она, целуя меня, и выбежала из комнаты.

Время подходило к концу. Рухнул храм, который отчаянно пытался выстоять под гнетом навалившегося на него ненастья. Я провел рукой по лицу, понимая, что этот тот самый момент, когда уже не должно ничего тревожить и волновать. Боня лизнул мою ладонь, требуя ласки, но сил у меня уже не было. Я провел пальцами по его морде, которой он уткнулся в мою руку.

«Береги ее...» — пронеслось в моей голове, после чего все померкло... навсегда.

«Посвящается самому дорогому человеку, который вытащил меня со дна и подарил лучшие шесть месяцев. Посвящается моей Юлии... Моей маленькой, но сильной Юле, прошедшей этот сложный путь с самого начала. Все слова ниже — это лишь малая часть, которую я хотел, но так и не смог сказать, глядя тебе в глаза.

Жизнь — череда хороших и плохих дней. Еще вчера светило солнце — день был хороший, но уже сегодня оно прячется за тучами и кажется, что все плохо. Но не расстраивайся раньше времени... Хорошее прячется где-то глубоко, пытаюсь научить нас ценить не только светлые и солнечные дни, но и пасмурную погоду. Пока мы живы, мы обязаны брать от жизни все, должны радоваться каждому дню, ведь мы проснулись, мы живы... мы дышим, и это главное счастье.

Ты говорила, что болезнь не делает меня немощным, и ты была права... я прожил прекрасную жизнь с тобой. Да, она была слишком коротка, но я счастлив. Ты всегда была рядом, поддерживала меня, хотя тебе самой было сложно. Ты сильная. Ты справишься. У тебя все будет хорошо, я просто уверен в этом.

Если ты читаешь эти слова, значит тебе стало легче, и наш друг передал мою книгу. Каждая строчка здесь наполнена воспоминаниями, моментами, которые мы прочувствовали, прожили... Не устану благодарить тебя за то, что ты сделала для меня. Ты — подарила мне жизнь, когда я отчаялся. Ты — сильная! Ты — героически выстояла, зная, что в любой момент все прекратится. Мне не хотелось бы, чтобы ты видела меня немощным, больным, прикованным к постели, но надеюсь, что я буду бороться до последнего. Надеюсь, что я боролся, а не впал в беспамятство.

Эта книга — моя благодарность тебе. Я хочу, чтобы все знали сколько силы и мужества может быть в девочке, только начавшей свой жизненный путь. Ты пережила то, чего не должна была переживать. Ты выстояла, и я горжусь тобой! Я надеюсь, что теперь тебе легче... Не знаю сколько времени прошло с момента моей смерти, но уверен, что Ваня поддерживал тебя, и видя, что все хорошо — передал книгу.

Юля, знай, что я всегда буду рядом с тобой. Даже если ты меня не видишь, я все равно рядом с тобой... Я рядом, и я горжусь тобой, радуюсь твоим маленьким и большим победам и стараюсь укрыть тебя от всего.

Спасибо тебе...».

©Марин Виеру «Пока цветет сирень».

Больше книг на сайте - Knigoed.net